

КАЗАХСТАН В ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ

№1
2013

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ISSN 1813-4467

Казахстан в глобальных процессах
Научное издание
№1 (35), 2013

Kazakhstan in Global Processes
Academic edition
№1 (35), 2013

Выходит ежеквартально с сентября 2004 г.

Published quarterly since September 2004

Учредитель

Институт мировой экономики и политики
(ИМЭП) при Фонде Первого Президента
Республики Казахстан – Лидера нации

Founder

The Institute for World Economy and Politics (IWEP)
at the Foundation of the First President of the
Republic of Kazakhstan – The Leader of the Nation

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORS' GROUP

Главный редактор
С. М. Акимбеков

Editor-in-Chief
S.M. Akimbekov

Исполнительный редактор
О. А. Рахматулин

Executive editor
O.A.Rakhmatulin

Члены редакционной коллегии:
А. М. Амребаев, К. А. Джангабаева,
А. К. Нурша, О. А. Рахматулин

Members of the Editors' group:
A.M. Amrebayev, K.A. Dzhangabayeva,
A.K. Nursha, O.A.Rakhmatulin

Адрес:

Республика Казахстан
050059, г. Алматы, ул. Махатма Ганди, 10.
Тел.: +7 (727) 270-04-80
Факс +7 (727) 270-05-13
E-mail: office@iwep.kz
<http://www.iwep.kz>

Address:

Republic of Kazakhstan
Almaty, 050059, 10, Makhatma Gandhi St.
Tel.: +7 (727) 270-04-80
Fax +7 (727) 270-05-13
E-mail: office@iwep.kz
<http://www.iwep.kz>

Журнал зарегистрирован Министерством информации Республики Казахстан 14 июня 2004 г.
Свидетельство о постановке на учет средства массовой информации № 5128-Ж.
При перепечатке, микрофильмовании и других формах копирования статей ссылка на журнал обязательна.
Мнение Редакционного совета журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.

The magazine is registered by the Ministry of Information of the Republic of Kazakhstan on June 14, 2004.
The certificate on statement on the account of mass media № 5128-Ж.
The reference to magazine is obligatory, when at a reprint, microfilming and other forms of copying of articles. The opinion of Editorial Council of magazine can not coincide with the point of view of authors of articles.

Отпечатано ТОО «Leader Offset Printing»,
г. Алматы, пр. Райымбека, 212а.
Тираж 500 экз.

Printed by the «Leader Offset Printing» LTD,
Almaty, Rayimbek ave, 212a.
Circulation 500 copies.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

Дарига Назарбаева – доктор политических наук, генеральный директор Фонда Первого Президента РК – Лидера нации, председатель Комитета по социально-культурному развитию Мажилиса Парламента РК

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Маулен Ашимбаев – кандидат политических наук, председатель Комитета по международным делам, обороне и безопасности Мажилиса Парламента РК

Ораз Жандосов – советник правления НЭПК «Союз «Атамекен»

Марат Тажин – доктор социологических наук, профессор, Государственный секретарь Республики Казахстан

Ли Фэнлинь – директор Института социального развития Европы и Азии при Центре исследования вопросов развития Государственного совета КНР

Александр Никитин – доктор политических наук, директор Центра евро-атлантической безопасности ИМИ МГИМО(У) МИД России

Александр Агеев – доктор экономических наук, генеральный директор Института экономических стратегий Отделения общественных наук РАН

THE CHAIRMAN OF EDITORIAL COUNCIL:

Dariga Nazarbayeva – Doctor in Political science, the General Director of the First President of the Republic of Kazakhstan Foundation, Chairman of the Committee for social and cultural development of the Mazhilis

EDITORIAL COUNCIL:

Maulen Ashimbayev – Candidate in Political science, Chairman of the Committee for Foreign Affairs, Defence and Security of the MazhilisEvan Feigenbaum – Senior fellow for East, Central, and South Asia, Council on Foreign Relations

Oraz Zhandosov – Advisor to the Board of the «Atameken» Union» National Economical Chamber of Kazakhstan

Marat Tazhin – Doctor in Sociology, professor, State secretary of the Republic of Kazakhstan

Li Fenglin – Director of the Institute for Europe and Asia Social Development at the Development Issues Study Center, State Council of China

Alexander Nikitin – Doctor in Political science, Director of the European-Atlantic Security Center at Foreign Research Institute in Moscow State Institute of Foreign Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia

Alexander Ageyev – Doctor in Economics, General director of the Economical Strategies Institute at the Department of Social Sciences, the Russian Academy of Sciences

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

- 6 *Султан Акимбеков.* Евразийская теория для интеграции и Казахстана

КАЗАХСТАН И МИР. Политика

- 18 *Константин Сыроежкин.* Наследство тандема Ху – Вэнь
- 39 *Аскар Нуриша.* Итоги парламентских выборов в Грузии и эволюция внешнеполитических установок грузинского руководства

КАЗАХСТАН И МИР. Общество

- 58 *Андрей Чеботарев.* Система идеологической работы в Казахстане: особенности и механизмы

ГОРЯЧИЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК

- 74 *Мурат Лаумулин.* Что происходит на Ближнем Востоке
- 95 *Евгений Пастухов.* «Арабская весна»: новые возможности

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- 114 *Ерлан Искаков.* Исследование конфликтного потенциала государств: обзор аналитических моделей

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 127 *Алма Султангалиева.* Центральная Азия: между глобальным и локальным

РЕЦЕНЗИИ

- 131 *Тренин Д.* Post-Imperium: евразийская история/ Моск. центр Карнеги. – М.: РОС-СПЭН, 2012. – 236 с.
- 143 *Алма Султангалиева.* «Возвращение ислама» в Казахстан. Фонд «Алтынбека Сарсенбайулы». – Алматы, 2012. – 170 с.

146 СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**CURRENT TOPIC**

- 6 *Sultan Akimbekov.* Eurasian Theory for Integration and Kazakhstan

KAZAKHSTAN AND THE WORLD. Politics

- 18 *Konstantin Syroezhkin.* Legacy of Ho –Wen Tandem
- 39 *Askar Nursha.* The Outcome of the Parliamentary Elections in Georgia and Evolution of Georgian Foreign Concepts

KAZAKHSTAN AND THE WORLD. Society

- 58 *Andrey Chebotarev.* The Ideological Work in Kazakhstan: Features and Mechanisms

TURBULENT MIDDLE EAST

- 74 *Murat Laumulin.* What is Happening in the Middle East?
- 95 *Eugene Pastukhov.* The “Arab Spring”: New Opportunities.

POINT OF VIEW

- 114 *Erlan Iskakov.* Exploring the Conflict Potential of the States: Review of Analytical Models

ACADEMIC LIFE

- 127 *Alma Sultangalieva.* Central Asia: Between Global and Local

REVIEWS

- 131 *Trenin D.* Post-Imperium: Eurasian History / Moscow Carnegie Center. - Moscow: Rosspen, 2012. - 236 P.
- 143 *Alma Sultangalieva.* «The Return Of Islam» to Kazakhstan. Almaty: «Altynbekov Sarsenbayuli» Foundation, 2012. 170.

147 ABOUT THE AUTHORS

ЕВРАЗИЙСКАЯ ТЕОРИЯ ДЛЯ ИНТЕГРАЦИИ И КАЗАХСТАНА

Султан Акимбеков

После начала процессов интеграции в рамках Таможенного союза, Единого экономического пространства, а также планируемого Евразийского экономического союза и в Казахстане и в России развернулась весьма оживленная дискуссия. Характерно, что споры в гораздо большей степени идут в связи с вероятной политической составляющей интеграционных процессов, чем вокруг проблем экономики. И это вполне объяснимо. Потому что с экономикой Таможенного союза еще далеко не все понятно, тем более это касается тех, кто не является специалистом и не посвящен в терминологию и особенности экономического анализа. В то время как основные политические вопросы знакомы многим, не только профессиональным экономистам. Особенно, когда вопрос идет о политическом суверенитете. Заметим, что вопрос о его передаче на некий наднациональный уровень неизбежно встает на повестку дня при любых процессах более или менее тесной интеграции, будь то Европейский или Евразийский союзы.

На фоне острых дискуссий по политическим и экономическим вопросам несколько теряется проблема идеологии интеграции. Нельзя сказать, что идеологическая проблематика полностью отсутствует в политическом пространстве. Главным образом идеология сегодня тесно связана с вопросом о том, собирается ли Россия на самом деле восстанавливать прежнюю империю, а также с отношением к этому всех остальных государств и народов на пространстве бывшего СССР. Отсюда возникает другой вполне идеологический вопрос: что Россия подразумевает под ролью и влиянием империи в истории народов, некогда ее населявших? Очевидно, что такая постановка вопроса неизбежно способствует его политизации.

В то же время у процессов интеграции на территории бывшего СССР существует свое идеологическое обоснование, связанное с так называемой евразийской идеей. При этом можно говорить о том, что именно относительно данной идеи налицо определенный консенсус позиций интегрирующихся сторон. И это очень интересный парадокс нашего времени, когда евразийская идея используется как идеологическая конструкция в качестве обоснования сложного процесса, который во всех остальных случаях – политике и экономике – вызывает самую серьезную полемику в обществе.

Очевидно, что при первом приближении евразийская идея выглядит весьма привлекательно. Ее привлекательность связана в первую очередь с тем, что в современном виде евразийство не представляет из себя стройной концепции. Соответственно, оно не создает проблем на уровне практики и не вызывает какой-либо антипатии, в результате чего нет оснований для проявления противоречий. Скорее это красивая, при этом весьма аморфная идея, в которой каждый может увидеть нечто свое, то, что ему близко. Поэтому современные политики так охотно используют евразийскую риторику в своей практике в качестве обоснования тех или иных своих реальных действий. Поэтому процесс сближения государств в рамках ТС и ЕЭП получил название евразийской интеграции. Собственно, и объединение, к которому сегодня стремятся сторонники интеграции на постсоветском пространстве, будет в итоге называться Евразийский экономический союз.

В то же время существующая на сегодняшний день евразийская концепция выглядит достаточно противоречивой в идеологическом контексте. Хотя именно в связи с этим обстоятельством у нее имеется очень много адептов и просто сторонников. Причем даже среди самых непримиримых идейных противников по всем прочим вопросам. Причина этого заключается в сути евразийского движения, а также обстоятельствах его появления.

Следует учитывать, что евразийство появилось в качестве ответной реакции на шок, связанный с гибелью Российской империи после революции 1917 года. Падение этого могущественного государства вызвало серьезные дискуссии в интеллектуальных кругах русской эмиграции о причинах произошедшего. Сторонники нового евразийского движения предложили свою версию случившегося кризиса. Своими идеями они фактически пытались придать новый импульс российской государственности. Они исходили из идеи, что падение Российской империи было тесно связано с преимущественно европейской ориентацией этого государства, с его стремлением стать частью Европы. В то время как, с их точки зрения, основания России, напротив, находятся на Востоке – в Азии.

Поэтому, по мнению старых евразийцев, собственно Россия не является частью Европы, это самостоятельная континентальная цивилизация, которая тесно связана своей судьбой с евразийскими империями прошлого, она является преемником всех этих государств, своего рода их логическим продолжением. «Скифский, гуннский и монгольский периоды общеевразийской истории были продолжены периодом русской»[1]. С одной стороны, такая постановка вопроса позволяла евразийцам обосновать претензии России на доминирование во всей степной Евразии, тем более что евразийские степи занимают центральное положение по отношению к периферийным территориям. Логика здесь была простая, кто контролирует центральную степную Евразию от Дуная до Монголии, тот и имеет право на расположенную здесь континентальную империю, а следовательно, на доминирование на всем континенте. Раньше это были монголы и другие кочевники, затем Россия.

С другой стороны, право преемственности по отношению к степным империям давало возможность объяснить особый статус России и тем самым противопоставить ее Европе. В свою очередь, такое противопоставление позволяло избежать необходимости постоянного сравнения российской и европейской действительности. Если это разные цивилизации, то тогда нет смысла обсуждать вечный вопрос об отставании России от Европы. Заметим, что именно такая постановка вопроса постоянно стимулировала российские власти на попытки догоняющего по отношению к Европе развития.

Любопытно обоснование, которое выдвигал в связи с этим видный представитель евразийского движения Петр Савицкий: «Культура России не есть ни культура Европы, ни одна из азиатских, ни сумма или механическое сочетание из элементов той и других. Она совершенно особая, специфическая культура, обладающая не меньшей самоценностью и не меньшим историческим значением, чем европейские и азиатские. Ее надо противопоставлять культурам Европы и Азии, как срединную, евразийскую культуру. Этот термин не отрицает за русским народом первенствующего значения в ней, но освобождает от ряда ложных ассоциаций... Мы должны осознавать себя евразийцами, чтобы осознать себя русскими»[2]. Однако отрицание Европы было для евразийцев важнее, нежели отрицание Азии. Скорее всего, потому, что они видели на Западе большую угрозу для России. «Сбросив татарское иго, мы должны сбросить и европейское иго»[3]. По большому счету это была попытка «кардинально избавиться от необходимости конкурировать с Западом, для чего, собственно, и было необходимо развернуться от Европы к Азии. Во многом это было вызвано тем, что соперничество с Западом было для России более сложным делом, особенно в сравнении с ситуацией на Востоке, где у России было несомненное преимущество»[4].

Кроме того, стремясь противопоставить Россию Западу, евразийцы хотели уйти от прямых аналогий с колониальной политикой последнего. Для евразийцев продвижение России в Азию носило принципиально другой характер, оно не было связано с европейскими колониальными захватами и сопровождавшими их эксцессами – ограблениями населения колоний, их эксплуатацией и т. д. «Во многих высказываниях евразийцев, связанных с этнографией и историографией, отразится это разграничение между империализмом (евразийским, оцениваемым положительно) и колониализмом (оцениваемым отрицательно)»[5]. По-своему это было логично, так как идея евразийцев о противостоянии европейскому Западу означала, что Россия выступает в Азии не как метрополия, а как своего рода координатор усилий других народов в борьбе с общим противником. Поэтому «евразийцы полностью приняли большевистскую политику в Азии, подрывающую европейские империи и сферы влияния как «единственно естественную для России»[6]. Дело здесь, скорее всего, в том, что политика Советской России в национальном вопросе на фоне общего противостояния Европе в большей степени соответствовала евразийскому идеалу отношений с народами Азии,

чем политика собственно Российской империи. Последняя слишком напоминала политику европейских колониальных держав, в ряду которых Россия и находилась на протяжении XIX и начала XX веков. А для евразийцев важно было разорвать эту связь России и Европы.

Соответственно, по мнению евразийцев, Россия не осуществляла колониальных захватов в Азии, она объединяла разные народы в рамках традиционного для этой территории имперского государственного устройства. «Тезис о взаимном культурном влиянии между Россией и туранцами делал невозможным для евразийцев колониальное (в западном, следовательно, уничижительном смысле) понимание развития на территории, расположенной к востоку от Московского государства»[7]. Это очень важный тезис. Между прочим, он помогает понять современную ситуацию, когда с идеологической точки зрения в нынешней России отрицают колониальный характер Российской империи. Значительную роль в этой идеологии играет фактор необходимости противостояния внешнему противнику, в роли которого выступает все тот же Запад. Именно отсюда происходит серьезная антизападная направленность риторики современных сторонников тесной интеграции вокруг России. Последние полагают, что антизападная направленность может стать основой интеграционных процессов. То есть они фактически повторяют аргументы «старых евразийцев».

В принципе, если признать преемственность России по отношению к степным империям прошлого, тогда российское продвижение в Азии выглядит как вполне естественный процесс. Отсюда симпатии евразийцев к кочевым народам, населявшим степные пространства Евразии. Они полагали, что у тех, кто находится в одном евразийском географическом пространстве общая судьба. «Евроазиаты связаны той «общностью судьбы», которую во избежание страданий надлежит поставить выше иных связей и общностей»[8]. То есть евразийцы и их естественные противники, к числу которых относятся, естественно, Запад и отчасти другие периферийные по отношению к сердцу Евразии народы, в частности мусульманский мир и Китай.

Например, близкий к евразийцам Л. Гумилев писал, что «китайцы и среднеазиатские мусульмане вели себя по отношению к тюркам и монголам так же, как североамериканские колонисты по отношению к индейцам. Китайцы и мусульмане систематически нападали на кочевников с целью их физического истребления, причем щадили только малых детей, продаваемых ими в рабство. Поэтому у кочевников, руководствовавшихся родовыми категориями кровной мести и коллективной ответственности, была безотчетная, но осознанная потребность в войне против агрессоров»[9]. Такая позиция евразийцев, естественно, делала их идеи весьма популярными в азиатской части Советского Союза. В этом значительную роль сыграл Гумилев, который писал свои труды в позднем СССР, а затем и его последователи, потому что труды русских евразийцев-эмигрантов, естественно, не были доступны советскому читателю.

В то же время, несомненно, что евразийские подходы к Азии в целом и к кочевникам в частности были серьезным вызовом для традиционного российско-центристского взгляда на ту же историю колониальной политики России. Еще в 1864 году министр иностранных дел России Горчаков выпустил циркуляр, где «провозгласил великую цивилизаторскую миссию (России) на Востоке, осуществляемую в целях положить конец вторжения кочевников, покончить с работорговлей и озарить светом христианской веры языческие массы «туземного» населения»[10]. Этот тезис вполне соответствовал обычному западному подходу по продвижению европейских ценностей. Таким образом, в середине XIX века российские чиновники исходили из того, что их политика ничем не отличается от аналогичной политики Великобритании или Франции. Они так же, как и указанные колониальные империи, обеспечивали продвижение в Азии европейской цивилизации. Такая позиция была вполне логична, с учетом роли, которую играла Россия в тот период времени в мировой политике и конкуренции ее интересов с теми же западными странами.

В этом контексте идеи эмигрантов-евразийцев были в частности неприемлемы для русской эмиграции, а в целом они не соответствовали российско-центристскому взгляду на историю. В первом случае потому, что евразийцы в принципе признавали СССР как возможного преемника прежней Российской империи. Они даже симпатизировали новому объединению больше, чем старой России. Во втором случае потому, что они выражали очевидные симпатии к азиатским кочевникам, по отношению к которым в истории России было традиционно негативное отношение. Известный тезис российской истории связан с разрушительным влиянием нападений кочевников на судьбы государственности в России и являлся одной из причин обоснования ее отставания от Запада.

Однако общность судьбы для народов Евразии все-таки являлась весьма абстрактным понятием. Обращение к имперскому прошлому времен Монгольской империи и идея преемственности по отношению к ней России не могла служить объединяющим началом. Потому что при всех симпатиях евразийцев к азиатским кочевникам как естественным союзникам в противостоянии с Западом, они полагали, что Евразия – это все-таки в первую очередь Россия. И здесь возникали естественные сложности в их логике рассуждения.

Если евразийцы отказывались от названия Российская империя для нового объединения, то тогда они каким-то образом должны были подчеркнуть его российский характер, лидерство и доминирование русского начала. Они полагали, что в этом им поможет религия. «Православие эмпирически и есть русская культура. Она же является истинным центром тяготения всего потенциально православного мира. И чтобы устранить всякие рационально упрощающие толкования, то есть чтобы исключить всякую возможность предполагать какое-то принудительное подведение всех под русские формы

православия, лучше называть субъект культуры, географически определяемой границами русского государства, не именем Россия, которое означает лишь первенствующую и основную народность и как таковая остается в полной своей силе, и не именем Российской империи, что выдвигает лишь внешнее и к тому же на западный образец понимаемое, хотя и существующее государственное единство, но каким-нибудь новым именем. Сознание того, что религиозно-культурное единство, объемлемое и выражаемое русским государством шире, чем русская в узком смысле этого слова культура, должно получить некоторое терминологическое закрепление. Надо выбирать между уже вошедшими в употребление понятиями: неудобнопроизносимым четырехбуквенным СССР и Евразией»[11]. Фактически в данной цитате речь идет о том, что православная религия выходит за пределы только русского народа, как понятие она шире.

Это можно понять и как поддержку идеи распространения влияния Евразии на другие православные народы, и как стремление распространить православие и на азиатские народы, то есть политику религиозного прозелитизма. В. Цымбурский писал, что декларируемое евразийцами «потенциальное православие» не утешительный самообман совести евразийцев, но неудачная прозелитическая пропаганда, которая не приемлема ни для мусульман, ни для буддистов»[12]. Евразийцы хотели сформулировать компромисс, придать новое качество российской имперской идее. Для них Евразия все равно была Россией, пусть даже под новым названием, а русский народ должен был играть в ней определяющую роль. По мнению М. Ларюэль, с точки зрения евразийцев: «русский народ не такой, как другие народы в составе Евразии, потому что он представляет собой связующий элемент в евразийском национальном разнообразии. Без него нет перехода от одного евразийского звена к другому, нет целостности, придающей смысл всем остальным частям. Следовательно, евразийская нация образуется исключительно под эгидой русского народа»[13]. Собственно, и Евразия была новым выражением прежней России.

Естественно, такая идея не имела никаких шансов на реализацию на практике, для этого евразийцы предлагали слишком радикальный вариант действий, и это априори приводило к тому, что идея приобретала маргинальный характер. В частности, для идеологов Советской России была неприемлема, как минимум, идея о религиозной составляющей. К тому же в СССР в процессе становления своей государственной идеологии, в 1930-х годах все-таки вернулись к российско-центристскому взгляду на историю советских народов. В то же время для сторонников имперской идеологии, которых было много среди русских эмигрантов, был невозможен отказ от названия Россия ради абстрактной Евразии, а также традиционного взгляда на негативную роль кочевников в истории России. Да и вообще, схема представления российских интересов через новое определение «Евразия» выглядело слишком сложным.

В целом для российского общественного сознания было бы трудно принять версию о происхождении ее государственности от кочевых народов, а также согласиться с тем, что необходимо сблизиться с Азией и ради этого противопоставить себя Европе. В то же время и для представителей азиатских народов, несмотря на всю лестность высказываний евразийцев об Азии и кочевых империях прошлого, евразийская государственность также носила абстрактный характер. Кроме того, она все равно слишком явно была связана с российской имперской государственностью.

После распада СССР евразийская идея приобрела большую популярность в новых независимых азиатских государствах, особенно тех, которые были образованы народами из числа бывших номадов. Если исключить из «старых евразийских» идей тезисы о роли православия и доминировании русского народа в Евразии, то данная концепция выглядела вполне привлекательно. Во-первых, это симпатии по отношению к кочевому государственному прошлому, к прежним империям. «Впервые евразийский культурный мир предстал как единое целое в империи Чингисхана. Монголы сформулировали историческую задачу Евразии, положив начало ее политическому единству и основам ее политического строя. Они ориентировали к этой задаче евразийские национальные государства, прежде всего и более всего – Московский улус. Это московское государство теперь заступило место монголов и приняло на себя их культурно-политическое наследие»[14]. Такие тезисы были особенно привлекательны с учетом бурного роста в новых независимых азиатских государствах интереса к прошлому степных империй, в частности государства Чингисхана.

Во-вторых, активное использование термина «Евразия» позволяло поддерживать идею общности народов на пространствах бывшего СССР в трудных условиях распада этого государства. Общность народов здесь вполне соответствовала известному тезису «старых евразийцев» об общности судьбы в рамках континента Евразия.

Кроме того, нельзя не учитывать, что до момента распада СССР евразийская идея дошла уже без своей религиозной православной составляющей, в которой «старые евразийцы» видели возможность подчеркнуть русский характер нового евразийского объединения. С одной стороны, потому что атеистический характер государства в бывшем СССР в принципе резко снизил роль православия в жизни русского общества. С другой – потому что евразийские идеи были знакомы населению Советского Союза главным образом через труды Льва Гумилева и его последователей. Для этого же автора был характерен интерес к истории кочевых народов и глубокая симпатия по отношению к ним. Этим он походил на евразийцев, но в отличие от них он был в большей степени ученый, поэтому политические вопросы относительно Евразии как новой редакции российской имперской государственности его интересовали меньше.

Собственно, поэтому Гумилев и стал символом той идеи, которую в итоге восприняли в бывшей советской Азии. Здесь понимание евразийства в

корне отличалось от логики «старых евразийцев» времен эмиграции 1920-х годов. В Азии его понимали в первую очередь как возможность выравнивания с Россией статусов азиатских народов, ранее зависимых от Москвы. То есть большое значение имело равноправие новых независимых государств с Россией, которое рассматривалось в качестве основы взаимодействия и во время раздела советского наследия и на перспективу межгосударственных отношений. В какой-то мере отражением этого процесса и стало создание в Астане Евразийского университета имени Гумилева. Для Казахстана евразийская идея изначально была основой для поддержания равных отношений с Россией. Имя Гумилева было выбрано не только потому, что именно с ним в позднем СССР и сразу после его распада ассоциировалась евразийская идеология, но также и потому, что он специализировался на истории кочевых народов Евразии. То есть евразийская идея в концепции Гумилева обращалась больше к истокам, к степным империям прошлого. В то время как для «старых евразийцев» из русской эмиграции первичным была все же Российская империя, пусть даже они признавали, что она является преемником Монгольской империи.

Уже тогда, в начале 1990-х, фактически было заложено серьезное противоречие в понимание евразийской идеи. Каждая сторона видела в данной идее свое. Однако важно отметить, что это в принципе всех устраивало, потому что каждое новое государство, включая Россию, занималось собственными процессами государственного строительства. Они мало пересекались друг с другом, поэтому евразийская идея существовала в виде достаточно абстрактной концепции, которая тем не менее пользовалась всеобщей поддержкой, что было в первую очередь связано с тем, что она никому не создавала проблем. Более того, она была востребована как общая идейная база, необходимая для цивилизованного развода.

Параллельно в России развивалось весьма активное движение «неоевразийцев». Его представители опирались на основные идеи «старых евразийцев», творчески их развивая. В частности, характерное для последних отрицание Европы нашло свое выражение в идее противостояния с Западом в духе концепций современной геополитики. Один из наиболее ярких представителей евразийцев А. Дугин указывал: «На нынешнем этапе история России снова обращается к принципиальной теме: отвержению Запада с его претензией на универсальность (а в наших условиях это означает уклонение от той катастрофы, к которой Запад подошел вплотную) и формулированию альтернативного курса мировой истории, построенного на осмыслении исторического русского опыта с учетом интуитивной русской миссии, оживлявшей эту историю»[15].

Критики А. Дугина указывали, что «в основе классического евразийства лежит идея множественности цивилизаций, цивилизационный плюрализм, образующий в мировом масштабе ансамбль цветущего разнообразия, а также идея цивилизационной комплиментарности славян и кочевых народов Вели-

кой степи и исторической преемственности России не только от Киевской Руси, но и от монгольской империи Чингисхана. В основе же так называемого «неоевразийства», предложенного А. Г. Дугиным в 90-х годах прошлого века, лежит манихейская по своему характеру идея жесткого цивилизационного дуализма: сведение всего цветущего многообразия цивилизаций к тотальному антагонизму двух абсолютных противоположностей – Цивилизации Суши и Цивилизации Моря. В этом смысле «неоевразийство» А. Г. Дугина обнаруживает сходство скорее с некоторыми европейскими школами геополитики (хотя и их положения гипертрофированы и абсолютизированы до пародийности), чем с классическим русским евразийством 20-х годов прошлого века»[16].

Тем не менее общим для старых и новых евразийцев было стремление придать России новый импульс, вывести ее имперскую политику на новый качественный уровень, который подразумевал объединение усилий русского народа с азиатскими. Для «неоевразийцев» было важно придать России нужный размер в мировом масштабе, чтобы противостоять глобальным игрокам, поэтому им нужны были союзники. Соответственно, «неоевразийцы» стремились всячески избежать любых ассоциаций с русскими националистами. Они сохраняли высокую степень комплиментарности по отношению к азиатским народам, особенно из числа бывших кочевников, полагая, что они должны играть большую роль в решении глобальных задач.

Но были и новые тенденции, связанные с практической формой реализации вопроса. «Старые евразийцы» больше занимались теоретизированием в своей эмиграции. «Неоевразийцы» хотя и не имели возможности влиять на реальную политику, тем не менее могли высказываться по текущим политическим вопросам и тем самым вольно или нет оказывать влияние на политические процессы.

Например, накануне начала процессов евразийской интеграции А. Дугин высказал свое мнение по поводу Евразийского союза. «Евразийский союз как конкретное воплощение евразийского проекта содержит в себе одновременно три уровня: планетарный, региональный и внутривнутриполитический. В планетарном масштабе речь идет об установлении вместо однополярного или «бесполярного» (глобального) мира многополярной модели, где полюсом может быть только мощное интегрированное региональное образование (превышающее по своему масштабу, своему совокупному экономическому, военно-стратегическому и энергетическому потенциалу то, чем обладают по отдельности даже самые крупные державы). В региональном масштабе речь идет о создании интеграционного образования, способного представлять собой полюс многополярного мира. На Западе таким интеграционным проектом может выступать Евросоюз. Для России это означает интеграцию постсоветского пространства в единый стратегический блок. На внутривнутриполитическом уровне евразийство тождественно утверждению стратегического централизма, не допускающего даже намека на наличие внутри страны

прообразов национальной государственности в лице субъектов федерации. Но вместе с тем это означает укрепление культурной, языковой и социальной идентичности тех этносов, которые традиционно входят в состав России»[17]. Речь идет о том, чтобы создать на постсоветском пространстве новое объединение, которое должно быть способным конкурировать на равных с другими полюсами силы, включая Евросоюз.

Для решения этой задачи А. Дугин предлагает на внутривнутриполитическом уровне строгую централизацию государственного управления внутри России, отказ от субъектов федерации. Но так как речь идет об Евразийском союзе и интеграции постсоветского пространства «в единый стратегический блок», то логика централизации может быть продолжена и на этом уровне. Если Россия по А. Дугину должна отказаться от национально-государственного федеративного устройства ради некоей глобальной цели, то что тогда будет с национальными государствами и их суверенитетом?

Понятно, что «неоевразийцы» не влияют сегодня на государственную политику России, но два момента в складывающейся сегодня реальной ситуации не могут не вызывать вопросов. Во-первых, это явное стремление российских властей и части интеллектуальной элиты к расширению противостояния с Западом. Во-вторых, намерение официальных властей России к усилению процесса интеграции, включая его политическую составляющую. Это еще не реализация неоевразийской идеологии, но определенные аналогии здесь вполне уместны.

В любом случае заметно, что сегодня завершается комфортная ситуация начала 1990-х годов, когда каждая сторона могла видеть в евразийстве именно то, что она хотела видеть. В Казахстане и других новых независимых государствах, например, в первую очередь видели комплиментарность по отношению к степным народам и их прежней государственности. В некоторой степени это было одно из идеологических обоснований цивилизованного развода после распада СССР и сохранения при этом хороших отношений между странами. В том числе это был способ уйти от дискуссии по теме метрополия и колонии в контексте прежних исторических отношений между Россией и ранее зависимыми от нее азиатскими народами.

С такой постановкой вопроса в 1990-х годах были вполне согласны и в России. Евразийская теория сыграла в этом важную роль. Однако теперь ситуация несколько меняется, что создает определенную идеологическую напряженность. Особенно в информационном пространстве Казахстана, где сторонники евразийской интеграции сегодня придерживаются максимально жесткой антизападной риторики. Вопрос здесь в том, соответствует ли такая риторика государственным интересам Казахстана с его многовекторной политикой и одновременным желанием не портить отношения с соседями? Но жесткость идеологической позиции сторонников интеграции на условиях доминирования России объективно ставит Казахстан в крайне трудное положение.

Потому что при всей внешней логичности и «старая» и «новая» евразийские идеи – это все равно способ восстановления имперской логики в истории России, а следовательно, стремления добиться отказа новыми независимыми государствами от части суверенитета в ее пользу. Все это происходит под лозунгом вполне евразийской концепции «общей судьбы» и тесно с ней связанной идеи противостояния Западу. Эта идея была утопичной в 1920-х годах, она продолжала быть утопичной и маргинальной в 1990-х, и нет никаких оснований полагать, что она перестанет быть таковой в 2010-х. В том числе и потому, что определенный романтизм «неоевразийцев» все равно разобьется о суровую реальность национально-государственного строительства, в том числе и в самой России.

Но проблема с утопиями состоит в том, что они вполне способны увлечь последователей и тем самым рискнуть пусть не самыми лучшими на свете, но все же весьма стабильными межнациональными отношениями, например в том же Казахстане. Как минимум два момента неизбежно будут сказываться на будущем отношении к любому подобному утопичному проекту. Первый – это нелогичность жесткой антизападной риторики в современных условиях, особенно в контексте намерения Казахстана проводить многовекторную политику. Второй – это отсутствие какой-либо необходимости активизировать общественную дискуссию на тему: была ли Россия метрополией, а Казахстан – колонией? Такие дискуссии не способствуют поддержанию традиционно дружеских межгосударственных отношений. И в этом опасность утопий, пусть даже евразийских.

Литература

1. Савицкий П. Континент Евразия. – М., 1997. С. 125.
2. Савицкий П. Континент Евразия. – М., 1997. СС. 39–40.
3. Там же. С. 40.
4. Акимбеков С. М. История степей: феномен государства Чингисхана в истории Евразии. – Алматы, 2011. С. 22.
5. Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. – М., 2004. С. 120.
6. Цымбурский В. Две Евразии: омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства// Вестник Евразии. № 1–2, 1998. С. 13.
7. Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. – М., 2004. С. 148.
8. Цымбурский В. Две Евразии: омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства// Вестник Евразии. № 1–2, 1998. С. 24.
9. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 2001. С. 383.

10. Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. – М., 2012. С. 95.
11. Савицкий П. Континент Евразия. – М., 1997. С. 35–36.
12. Цымбурский В. Две Евразии: омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства// Вестник Евразии. № 1–2. 1998. С. 25.
13. Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. – М., 2004. С. 145.
14. Савицкий П. Континент Евразия. – М., 1997. С. 45.
15. Дугин А. Логика русской истории на фоне общемирового кризиса и апокалипсических предчувствий// Однако. № 1(150). 19 января 2013. http://www.odnako.org/magazine/material/show_23244/
16. Строев С. А. Неоевразийство и классическое евразийство//<http://www.mesoeurasia.org/archives/7911>.
17. Дугин А. Битва за Украину// Однако. № 37(101). 11 ноября 2011. http://www.odnako.org/magazine/material/show_13779/.

НАСЛЕДСТВО ТАНДЕМА ХУ – ВЭНЬ

Константин Сыроежкин

Прошедший в ноябре 2012 года XVIII съезд КПК оставил много вопросов как для интересующихся будущим раскладом сил в мире, так и для тех, кто проявляет интерес к проблемам развития Китая и его месту в меняющемся мире. Если на ближайшие пять лет по кадровому вопросу группировкам во власти на съезде удалось договориться, то вопрос о том, в каком направлении будут двигаться руководители «пятого поколения», смогут ли они удержать Китай от перспективы увеличения социальных и межэтнических конфликтов, а главное – от политического кризиса, пока окончательно не определен.

Многое будет зависеть от того курса, которым будут следовать руководители «пятого поколения» и удастся ли им повторить успехи своих предшественников. Китай стоит перед массой проблем, часть из которых требуют срочных решений, о чем свидетельствуют как материалы съезда, так и выступления на нем представителей нового руководства.

Скорее всего, главное, на что будет сделан акцент, – укрепление позитивного имиджа КПК и борьба с коррупцией. Во всяком случае, именно об этом свидетельствует первое публичное выступление Си Цзиньпина в качестве генерального секретаря КПК. Основной акцент им сделан на необходимости «чистки партийных рядов», борьбе с разложением и коррупцией среди партийных кадров, решении проблем их отрыва от масс, формализма и бюрократизма в их среде. Как им было подчеркнуто, «Вся партия должна очнуться и начать бить тревогу»[1].

Усилятся и социальное направление в проводимых реформах. Другого пути завоевать доверие простого народа у КПК просто нет. В своей короткой речи Си Цзиньпин акцентировал внимание и на этом, подчеркнув: «Наш народ – жизнелюбивый, он питает надежды на улучшение образования, на стабилизацию работы, большую удовлетворенность доходами, более надежное социальное обеспечение, более высокий уровень медицинского обслуживания, более комфортные жилищные условия, более благоприятную окружающую среду; надеется на то, что дети смогут расти в лучших условиях, получат более хорошую работу, будут жить лучше. Движение в сторону улучшения жизни народа – цель нашей борьбы»[2].

Однако, прежде чем приступать к политической либерализации, новому руководству, по-видимому, необходимо не только расчистить те «завалы», которые имеют место в политической, социальной и экономической системах в настоящее время, но и выработать программу дальнейших действий. Судя по первым заявлениям нового руководства КПК, собственной программы у него, по-видимому, пока нет, а потому двигаться дальше ему предстоит в рамках той «Дорожной карты», которую оставило в наследство «четвертое поколение» китайских руководителей.

Надо признать, что эта «Дорожная карта» доказала свою эффективность. И дело даже не в том, что за годы правления тандема Ху – Вэнь Китай стал признанным лидером мировой политики, о чем свидетельствует появление тезиса о «китайской модели» и концепции «Большой двойки». Было практически завершено перевооружение НОАК и начаты опытные испытания вооружений пятого поколения. Мир узнал о «тайконавтах» – китайских космонавтах. Была запущена космическая станция, началось осуществление программы зондирования Луны и т. д.

Главное заключается в том, что предложенная тандемом модель доказала свою социально-экономическую эффективность. Опубликованные в августе сравнительные цифры по социально-экономическому развитию за 2002–2012 годы убедительно доказывали, что десять лет «четвертого поколения» прошли не напрасно. За 2002–2011 годы ВВП вырос в 2,5 раза и достиг 47,2 трлн. юаней. По этому показателю Китай вышел на второе место в мире. Объем бюджета вырос в 5,5 раза и достиг 10,37 трлн. юаней.

В 2002–2011 годах в Китае наблюдалось стремительное увеличение среднедушевого ВВП, который в 2011-м достиг 35 083 юаней, что с учетом ценового фактора в 2,4 раза больше цифры 2002 года. Из расчета по среднему уровню обменного курса юаня к доллару США среднедушевой ВВП в Китае возрос с 1135 долларов США в 2002 году до 5432 долларов в 2011-м.

Вложения в основные средства за 2003–2011 годы составили 144,9 трлн. юаней и росли темпами 25,6 процента в год. В 2010 году удельный вес обрабатывающей промышленности Китая в мировой обрабатывающей промышленности составил 19,8 процента. По этому показателю Китай стал крупнейшей страной в мире, обогнав даже США. Среди 500 видов главных промышленных товаров мира 220 видов китайского производства заняли лидирующее место по объему выпуска.

Протяженность железных дорог выросла на 25,6 процента и достигла 93 тыс. км; протяженность автомобильных дорог выросла в 2,3 раза и достигла 4 млн. 106 тыс. км, в том числе автобанов – 85 тыс. км, протяженность которых выросла в 3,4 раза; протяженность авиалиний выросла в 2,2 раза и достигла 3 млн. 491 тыс. км.

Объем импорта и экспорта по сравнению с 2002 годом вырос в 5,9 раза и в 2011-м составил 3 трлн. 642,1 млрд. долларов. При этом, общий объем экспорта промышленных товаров ведущих предприятий Китая в стоимостном

выражении достиг 10 трлн. юаней, увеличившись в 5 раз по сравнению с 2002 годом. Прямые инвестиции за рубежом выросли в 20,7 раза и в 2011-м достигли 60,1 млрд. долларов. Объем золотовалютных резервов вырос в 11,1 раза и достиг 3 трлн. 181,1 млрд. долларов.

Но самое главное – постоянно росло благосостояние простых граждан и их образовательный уровень. Доходы городского и сельского населения выросли в 2,8 раза и достигли соответственно 21.810 юаней и 6.977 юаней. В 2010 году доля населения с высшим образованием в общей численности населения страны составила 8,9 процента, увеличившись вдвое против 2002-го, доля населения с начальным образованием составила 26,8 процента, со средним образованием высшей ступени – 14, средним образованием – 38,8 процента[3].

И хотя социально-экономическое, и особенно политическое, наследство тандема подвергается критике, включая критику со стороны, казалось бы, лояльных ученых и СМИ[4], тем не менее даже ими признается, что сделано немало. Кое-что тандему действительно сделать не удалось, к решению каких-то проблем он только начал приступать, но то, что главное направление было выбрано верно, не подлежит сомнению. А потому для понимания прошедших десяти лет, да и будущего развития Китая небезынтересно обратиться к анализу как процесса выработки нового курса, так и его содержания.

Выработка нового курса

Судя по тому, как решительно руководство «четвертого поколения» начало расчистку «завалов», возникших за два десятилетия реформ, и в особенности за период, прошедший с трагических событий на площади Тяньаньмэнь весной – летом 1989 года, оно не только отдавало себе ясный отчет в том, с какими социально-экономическими и политическими проблемами сталкивается страна, но и наверняка имело готовый план проведения дальнейших реформ.

Три главные темы, которые обсуждались сразу после XVI съезда КПК, – укрепление институтов рыночной экономики, изменения в конституции и ограниченные реформы внутри КПК. Эту пирамиду венчала по-новому прочитанная Ху Цзиньтао идея Цзян Цзэминя о «тройном представительстве»[5]. С его точки зрения, сущностью «тройного представительства» является «установление партии для всех» (*ли дан вэй гун*) и «осуществление правления для народа» (*чжи чжэн вэй минь*). Как подчеркнул Ху Цзиньтао в речи на семинаре по изучению важных идей «тройного представительства» в феврале 2003 года, «когда сердце народа отворачивается – это основная причина, определяющая упадок политической партии, политического авторитета. Лишь следуя помыслам народа, помышляя об интересах народа и заполучив сердце народа, теоретическая линия марксистской политической партии, ее политический курс и

вся ее работа смогут получить поддержку и одобрение народа, только так они смогут навсегда занять беспроблемную позицию»[6].

Главный вывод, к которому пришли руководители «четвертого поколения», заключался в том, что возникшая в конце 1970-х годов модель Дэн Сяопина, ориентированная на «опережающее обогащение» наиболее активной части общества и поддержание высоких темпов роста ВВП, исчерпала свой потенциал. Пришло время обратить внимание на качество роста, попытаться сгладить социальные противоречия, дать сотням миллионов китайцев доступ к бесплатному среднему образованию и недорогому здравоохранению, позаботиться о сохранении окружающей среды, снизить расход энергии и сырья.

Второй принципиальный вывод – сверхвысокие темпы экономического развития страны не должны рассматриваться в качестве самоцели. Новая концепция предполагала смену приоритетов со стимулирования экономического роста любой ценой на поддержание устойчивых темпов экономического развития, результаты которого должны относительно равномерно распределяться между различными социальными группами внутри страны. На первый план выходило повышение качества жизни и смягчение тех противоречий, которые возникли и обострились на предыдущих этапах реформ.

Два других значимых вопроса, которые поставил тандем Ху – Вэнь, – вопрос о вмешательстве государства в экономику и законодательное закрепление незыблемости прав на частную собственность.

Вынесение этих вопросов в политическую повестку дня свидетельствовало, с одной стороны, о признании новым руководством КПК сложившихся социально-экономических реалий, а с другой – что в Китае подошли к такому рубежу, когда прежние методы реформы экономической структуры исчерпаны.

Прежняя модель обеспечивала беспрецедентные темпы экономического роста, но не способствовала столь же впечатляющему увеличению производительности труда. Экономический рост достигался благодаря наращиванию инвестиций, то есть экстенсивным образом, а не посредством повышения эффективности. Ключевую роль в реализации модели играло государство, которое не только считало быстрый экономический рост своей главной целью, но и обеспечивало его с помощью государственных ресурсов. Тандем Ху – Вэнь решил этот подход изменить. Развитие начинает трактоваться как комплексный, многоаспектный общественный процесс, который недопустимо сводить исключительно к экономическому росту. Это было крайне необходимо ввиду того, что в среднесрочной или долгосрочной перспективе отдельные кризисные явления могли перерасти в общий системный кризис.

Одним из ключевых направлений нового экономического курса стало изменение акцентов в проблеме взаимоотношений различных социальных слоев китайского социума. Эта проблема начала рассматриваться прежде всего с точки зрения защиты слабых групп, не имеющих возможностей отстаивать свои интересы от посягательства со стороны деловых людей и чиновников.

Подчеркнутый акцент на человеке, отличающийся от акцента на приоритете развития «передовых производительных сил», преобладавшем в китайской официальной идеологии в предыдущие годы, был закреплен в концепции «*и жэнь вэй бэнь*»[7].

Во-вторых, провозглашение перехода от концепции «первоначального обогащения» к концепции «всеобщей зажиточности». При этом, однако, речь не шла о перераспределении доходов и возвращении к уравниловке. Напротив, новое руководство выступило в защиту частного имущества и интересов негосударственного сектора экономики[8], о чем свидетельствуют принятые в марте 2003 года поправки в Конституцию КНР. Это было не только признание социальных реалий Китая, где быть богатым становилось неопасно, но и простой экономический расчет, учитывающий значимость негосударственного сектора в экономике КНР.

Совершенно новый подход тандем Ху – Вэнь предложил и в отношении политической реформы. Не отрицая необходимости дополнения социально-экономических реформ политическими и использования достижений различных моделей демократии, руководители «четвертого поколения», решительно высказались за неприемлемость для Китая «слепого копирования опыта западных демократий».

Уделяя подчеркнутое внимание низшим слоям общества, новое руководство КПК стало более активно пропагандировать лозунг укрепления основ правового государства, что аналитиками было охарактеризовано как попытка осуществлять «заботливое консервативное правление». Это направление было закреплено в концепции «управления государством на основе закона» – «*и фа чжи го*».

Третья, а, скорее всего, главная составляющая политической реформы – изменение роли КПК в обществе и повышение ее позитивного имиджа путем очищения партии от коррупционеров и «разложившихся кадров». Новое руководство партии пришло к пониманию того, что без изменения («самоусовершенствования» в терминологии партийных документов) роли партии в китайском обществе решить задачу адаптации КПК к современным внутри- и внешнеполитическим условиям не представляется возможным.

Наконец, хотя это и не афишировалось, судя по высказываниям и действиям тандема, им на вооружение была принята программа политических реформ, предложенная в свое время Чжао Цзяном[9], но «замороженная» Дэн Сяопином и Цзян Цзэмином после событий на площади Тяньаньмэнь весной – летом 1989 года.

Ключевой идеей, призванной воплотить в жизнь задачу по адаптации КПК к новым условиям и по усилению ее способности к управлению государством, стала концепция «строительства гармоничного социалистического общества» (*гоуцзянь шэхуйчжун хэсие шэхуй*). Именно эта концепция начала рассматриваться как «важная предпосылка продвижения вперед политического, экономического, культурного развития», «конечной целью и конечным критерием»

которого является ответ на вопрос, «способна ли КПК представлять и отражать коренные интересы и общие чаяния широких народных масс»[10].

Гармоничное социалистическое общество, по замыслу Ху Цзиньтао и его команды, должно быть обществом, в котором будут сочетаться между собой:

- 1) демократия и законность (*миньчжун фацжун*);
- 2) равенство и справедливость (*гунпин чжэньи*);
- 3) искреннее доверие и дружеская любовь (*чэньсинь юай*);
- 4) «наполнение жизненной силой» (*чунмань холи*);
- 5) стабильность и порядок (*аньдин юсюй*);
- 6) гармония между человеком и природой (*жэнь хэ цзыжань хэсе сяньчу*)[11].

Из пропагандистского арсенала команды Цзян Цзэмина был взят не подвергающийся сомнению принцип «возрождения величия китайской нации» (*чжунхуа миньцзу ды вэйда фусин*), предусматривающий не только возвращение китайцам (в широком смысле этого понятия как «китайской нации») чувства глубокого удовлетворения самими собой и своей страной, но и укрепление государства.

Основным тезисом в концепции «гармоничного общества» стал тезис о демократии и законности, означающий, что управление государством осуществляется исключительно на основе закона (*и фа чжи го*). При этом «демократическое управление страной» трактуется как «твердое следование установкам на то, что само управление страной осуществляется в интересах народа, ради народа, что управление страной осуществляется в опоре на народ, что оказывается поддержка осуществлению принципа: народ – это хозяин в своем доме, и этот принцип гарантируется»[12].

Еще одна оставляющая наследства тандема Ху – Вэнь – необходимость постоянного внимания проблемам коррупции и «разложения руководящих кадров» и решительная борьба с этими явлениями. Еще на 5-й сессии ВСНП 10-го созыва (март 2007 года) Вэнь Цзябао вынужден был признать неприятный факт: «по мере развития рыночной экономики в Китае один за другим выявляются факты коррупции и разложения, которые обретают все более серьезный характер и даже затрагивают руководителей высшего эшелона»[13].

Для решения проблемы коррупции руководство КПК предложило исходить из институциональной точки зрения, так как это явление возникает по многим причинам, «важнейшей из которых является чрезвычайная централизация власти и отсутствие механизмов ее эффективного контроля и ограничения». «Это рождает необходимость реформирования административной и политической системы, понижения излишней централизации власти и укрепления контроля со стороны народа над правительством».

Что касается второй проблемы, по мнению Вэнь Цзябао, «одна из важных задач состоит в том, чтобы покончить с губительным роскошеством и расточительством, имеющим место в некоторых административных органах».

Методика борьбы с этим явлением проста – введение жестких правил, нормирующих поведение и стиль жизни государственных служащих, бюджетные ограничения и снижение себестоимости управленческого аппарата, расширение контроля со стороны общества и развитие гласности.

Закрепление позиций

На XVII съезде КПК (октябрь 2007) тандему Ху – Вэнь предстояло решить несколько задач.

Во-первых, закрепить предлагаемый ими новый курс в качестве официальной идеологии КПК. В этом же блоке должна была решаться задача повышения идеологической составляющей в общественной жизни КНР, культивирования в обществе позитивных идей и ценностей, имеющихся в традиционной китайской культуре.

Во-вторых, внести в Устав КПК изменения, гарантирующие контроль над партийными организациями всех уровней и сохранение, а по возможности, повышение управленческого потенциала КПК (в том числе и в плане повышения ее позитивного имиджа в общественном мнении Китая).

В-третьих, провести окончательную «зачистку» противников нового курса из числа представителей «шанхайского клана» и начавшего набирать силу движения «новых левых» как на уровне центральных органов партии, так и на местах.

Наконец, обеспечить приход в высшие органы КПК лояльных тандему Ху – Вэнь представителей «пятого поколения», тем самым решив в принципе вопрос если не персонально о преемниках Ху Цзиньтао, Вэнь Цзябао и других руководителей «четвертого поколения», то, во всяком случае, о преемственности провозглашенного ими курса.

Судя по опубликованным итогам XVII съезда КПК и состоявшегося сразу после завершения его работы I пленума ЦК КПК 17-го созыва, все эти задачи были успешно решены.

Поправки, внесенные в Устав КПК, как нельзя лучше, отражают борьбу внутри КПК между группировками, ориентированными на различные модели развития КНР. Хотя канонизировать «научную концепцию развития» команде Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК не удалось (это было сделано через пять лет на XVIII съезде КПК), тем не менее в тексте Устава и «научная концепция развития», и другие новации, предлагаемые командой Ху Цзиньтао, нашли свое отражение. Более того «научная концепция развития», которая «видит в человеке основу основ и требует всестороннего, гармоничного и устойчивого развития», заявлена как «важный руководящий курс» и «важная стратегическая идея» [14].

В новой редакции Устава КПК также нашли отражение идеи Ху Цзиньтао о необходимости строительства гармоничного социалистического общества, возврата к ценностям традиционной китайской культуры (включая и ряд элементов, почерпнутых из норм этики и морали революционного периода), бескомпромиссной борьбы с разложением и коррупцией.

Удалось тандему Ху – Вэнь серьезно потеснить своих противников в регионах и в центральных органах КПК и КНР. Как сообщала китайская печать, за период с 2004 года и до XVII съезда КПК 6824 человека ушли с руководящих постов по разным причинам: одни по собственному желанию, другие допустили ошибки и просчеты, а третьи подверглись взысканиям. Большинство региональных руководителей были переизбраны либо до XVII съезда КПК, либо сразу после него [15].

Причем на смену руководителям «третьего» и «четвертого поколения» уже в тот период начали приходиться руководители «пятого поколения». По данным на конец 2007 года, среди кадровых работников государственных органов 45-летние составляли 71,5 процента, в том числе лица моложе 30 лет – 30, а число лиц с высшим образованием среди кадровых работников составляло 87,5 процента [16].

Итоги прошедших на XVII съезде перевыборов в высшие органы КПК показывают, что большая часть сторонников «шанхайского клана» не вошла в них.

Из 198 членов ЦК КПК 16-го созыва оказались переизбранными лишь 96 человек, 46 членов нового ЦК КПК были переведены из кандидатов в члены ЦК КПК 16-го созыва и 10 из членов ЦКПД 16-го созыва. Вновь избранных членов ЦК КПК, ранее не входящих в руководящие органы КПК, оказалось 52 (25,5 процента общего числа членов ЦК КПК). Численность членов ЦК КПК увеличена до 204 человек.

Еще более серьезной «перетряске» подверглись кандидаты в члены ЦК КПК. Из 158 человек списочного состава 46 были переведены в постоянные члены ЦК КПК и 37 переизбраны в качестве кандидатов в члены ЦК КПК. Другими словами, только 52,5 процента старых кандидатов в члены ЦК КПК либо улучшили, либо сохранили свои прежние позиции. В новый состав кандидатов в ЦК КПК было избрано 130 (77,9 проц.) новых членов, ранее не входящих в руководящие органы КПК. Число кандидатов ЦК КПК нового созыва увеличено до 167 человек.

Аналогичным образом была проведена ротация членов ЦКПД. 10 членов из ее бывшего состава стали постоянными членами ЦК КПК и лишь 22 были переизбраны. 8 новых членов ЦКПД 17-го созыва были избраны из числа кандидатов ЦК КПК 16-го созыва. Кроме того, в ее состав (в качестве председателя) был кооптирован один член ЦК КПК 16-го и 17-го созывов. Другими словами, из «стариков» в новом составе ЦКПД остался лишь 31 человек, 96 (75,6 проц.) членов ранее не входили в руководящие органы КПК. Численность ЦКПД увеличена со 121 до 127 членов.

В Политбюро ЦК КПК и в ПК Политбюро ЦК КПК победа тандема Ху – Вэнь была не столь очевидной. В этих органах сохранился баланс между «принцами», «шанхайцами» и «комсомольцами». Хотя вопрос с преемниками решить все-таки удалось, о чем говорило включение в состав ПК Политбюро ЦК КПК двух молодых «новичков» – Си Цзиньпина и Ли Кэцзяна.

Секретариат ЦК КПК был «зачищен» более основательно. Число членов Секретариата сократилось с 7 до 6 человек, а из старого состава в нем остались

лишь двое – Лю Юньшань и Хэ Юн. «Новички» – Си Цзиньпин, Ли Юаньчао, Лин Цзихуа и Ван Хунин – все являлись сторонниками курса Ху Цзиньтао.

1-я сессия ВСНП 11-го созыва (март 2008), почти полностью реорганизовав Госсовет КНР, закрепила кадровые победы тандема Ху – Вэнь. «Большая четверка» – председатель КНР (Ху Цзиньтао), премьер Госсовета (Вэнь Цзябао), председатель ПК ВСНП (У Банго) и председатель ВК НПКСК (Цзя Цинлинь) – сохранили свои посты. Вошедшие в состав ПК Политбюро ЦК КПК осенью 2007 года Си Цзиньпин и Ли Кэцян стали, соответственно, заместителем председателя КНР и первым вице-премьером Госсовета КНР.

На II пленуме ЦК КПК 17-го созыва (февраль 2008) была принята программа административной реформы и реформы Госсовета; в мае 2008 года ЦК КПК опубликовал Указания по работе по созданию и укреплению системы наказания и профилактики разложения на 2008–2012 годы, направленные на упорядочение системы подбора, проверки и контроля деятельности кадрового корпуса[17]; III пленум ЦК КПК 17-го созыва (октябрь 2008) принял Решение ЦК КПК по некоторым важным вопросам стимулирования развития и реформы села[18], призванное не только решить проблему «трех сельских»[19], но попытаться возродить рыночную экономику деревни, и соответственно – существенно повысить доходы сельского населения.

IV пленум ЦК КПК 17-го созыва (сентябрь 2009) принял Решение ЦК КПК по некоторым важным вопросам усиления и совершенствования партийного строительства в новой обстановке[20]. Его необходимость диктовалась тем, что, хотя аналогичные решения принимались после каждого съезда, начиная с XII съезда КПК (сентябрь 1982), тем не менее проблема с адаптацией КПК к новым социально-экономическим реалиям в стране и очищения партии от коррупционеров и «разложенцев» сохранялась.

Новое «Решение...», указав на многочисленные проблемы, имеющие место в КПК, сконцентрировало внимание членов партии на шести актуальных задачах:

- строительство КПК как марксистской партии учебного и правящего типа, повышение идейно-политического уровня всей партии;
- поддержание и совершенствование системы демократического централизма, активное развитие внутрипартийной демократии;
- углубление реформы кадровой системы, решение важнейшей задачи создания высококвалифицированного кадрового корпуса, отвечающего продвижению научного развития и стимулированию гармонии в обществе;
- создание организационной основы для КПК как правящей партии;
- требование прославления (следования) лучшим партийным традициям (стилю в работе);
- ускорение системного строительства, стимулирующего профилактику и искоренение коррупции и разложения.

V пленум ЦК КПК 17-го созыва (октябрь 2010) подвел итоги 11-й пятилетки (2006–2010), рассмотрел и одобрил рекомендации ЦК КПК по 12-му (2011–2015) пятилетнему плану социально-экономического развития КНР.

По мнению руководства КПК, в ближайшие пять лет главный акцент должен быть сделан на осуществлении стратегической экономической реструктуризации, научно-техническом прогрессе и инновационной деятельности, улучшении благосостояния населения, строительстве ресурсосберегающего и дружелюбного по отношению к окружающей среде общества, проведении реформ и открытости.

В качестве одной из ключевых задач на следующее пятилетие была подчеркнута необходимость дальнейших усилий по обеспечению и улучшению народного благосостояния с постепенным совершенствованием системы базовых социальных услуг, которая должна соответствовать реалиям страны, носить устойчивый характер и охватывать как города, так и деревни[21].

Пленум выдвинул пять базовых требований к 12-й пятилетке:

1. Неуклонно придерживаться того, что стратегическое упорядочение экономической структуры есть основное направление ускоренного изменения модели экономического развития. Речь идет о том, что в будущем модель экономического развития должна базироваться на четырех «китах» – внутреннем потреблении, инновациях, инвестициях и экспорте[22]. Причем главным локомотивом экономического роста должны стать инновации и внутреннее потребление. А раз так, то главная задача – поддержание на должном уровне благосостояния населения через увеличение зарплат, грамотную налоговую политику и создание реальной системы социального страхования. По мнению КПК, это позволит осуществить переход от экономики сбережений к экономике расходов.

2. Неуклонно придерживаться того, что научно-технический прогресс и инновации – важнейшая опора ускоренного изменения модели экономического развития. Отсюда базовое требование на будущее – усиление потенциала собственных инноваций, расширение кадрового потенциала, способного к инновациям, стимулирование развития важнейших направлений, обеспечивающих научно-технический прогресс, повышение качественной составляющей трудовых ресурсов, обновление менеджмента и ускоренное создание инновационного государства.

3. Неуклонно придерживаться того, что гарантированное улучшение благосостояния населения – базовое условие и опора ускоренного изменения модели экономического развития. Отсюда – особое внимание на социальные программы и изменение имеющих место диспропорций в оплате труда, доходах, развитии города и деревни, отдельных регионов и т. д.

4. Неуклонно придерживаться того, что строительство общества, сберегающего ресурсы и дружелюбно относящегося к окружающей среде, – важнейшая точка направления усилий на ускорение изменения модели экономического развития.

5. Неуклонно придерживаться того, что реформа и открытость – мощнейшая движущая сила ускоренного изменения модели экономического развития.

В качестве основных целей социально-экономического развития в 12-й пятилетке руководством КПК предлагается рассматривать следующие:

➤ сбалансированное и быстрое экономическое развитие, предусматривающее стабильность уровня цен, увеличение занятости, внешнеэкономический баланс, рост качества экономики и повышение ее эффективности

➤ достижение прогресса в стратегическом упорядочении экономической структуры, что предполагает рост потребительского спроса населения, повышение доли сектора услуг и уровня урбанизации, гармоничное развитие регионов, города и деревни

➤ быстрое и повсеместное повышение доходов городского и сельского населения, рост заработной платы, постоянное повышение качества жизни

➤ укрепление социального строительства, предполагающее совершенствование системы общественного обслуживания городского и сельского населения, повышение уровня образования, повышение идейного и морального уровня всех национальностей, повышение их культурного уровня и качества здравоохранения

➤ постоянное углубление политики реформ и открытости, что требует повышения эффективности финансовой и налоговой системы, стабильности цен, борьбу с монополизмом, ускорение административной реформы и повышение эффективности работы правительства.

Утвержденная генеральная цель, поставленная еще на XVI съезде КПК, – всестороннее построение к 2020 году общества *сяо кан*.

В области углубления структурных реформ в период 12-й пятилетки предлагается сконцентрировать внимание на пяти актуальных проблемах: 1) проведение административной и структурной реформы[23], 2) ускорение налоговой реформы[24], 3) углубление реформы финансовой системы, 4) углубление реформы цен на продукцию сырьевых отраслей и реформы рынка[25], 5) ускорение реформы социальной сферы[26].

Еще одно знаковое событие, которое произошло на V пленуме ЦК КПК 17-го созыва, – назначение заместителя председателя КНР, члена ПК Политбюро ЦК КПК Си Цзиньпина заместителем председателя ЦВС КПК[27]. Это свидетельствовало о том, что преемник Ху Цзиньтао на посту генерального секретаря ЦК КПК и председателя КНР был определен окончательно.

VI пленум ЦК КПК 17-го созыва (октябрь 2011) был посвящен вопросам реформы культурной системы КНР. Примечательно, что вопросы культуры впервые рассматривались на столь высоком уровне. И обращение пленума ЦК КПК к ним было отнюдь не случайным.

Во-первых, мировоззрение граждан КНР (особенно молодежи) в последние два десятилетия серьезно изменилось. На смену коллективистским ценностям и конфуцианской культурной традиции пришли индивидуальные ценности и активно внедряемые в последние годы (особенно на телевидении) элементы западной массовой культуры. Фактически разрушена традиционная система кланов, а вместе с ней и традиционный институт семьи и почитания старших. Все большее число молодых людей предпочитают не связывать себя узами официального брака, и все чаще старики не могут рассчитывать на помощь молодых.

Во-вторых, доминирование индивидуализма и активная пропаганда в 1980–1990-е годы известного лозунга Дэн Сяопина о том, что одни люди или коллективы могут богатеть раньше, чем другие, положило начало размыванию идеалов социализма. Сейчас в них мало кто верит, о чем свидетельствуют опросы общественного мнения и последние решения ЦК КПК.

В-третьих, развитие новых интернет-технологий (формирование виртуальных «социальных сетей» и сетевых каналов передачи информации по мобильной телефонии, с помощью SMS-технологий, сетей Facebook и Twitter) привело к тому, что их стали применять в целях социализации. Использование именно этих технологий в событиях в странах Магриба не осталось незамеченным в Китае, тем более что активность блогеров в социальных сетях китайского Интернета в последние несколько лет значительно повысилась, а уровень протестных настроений и число акций протеста значительно возросли.

Наконец, в последние годы Китай в своей внешней политике все чаще апеллирует не к «жесткой», а к «мягкой» силе[28], которая не только доказывает свою эффективность, но и оказывает позитивное воздействие на имидж Китая в мире. Новые политические инициативы, такие как «улыбчивая дипломатия» (*вэйсяо вайцзяо*), «публичная дипломатия» (*гунгун вайцзяо*) и «добрососедская дипломатия» (*мулин вайцзяо*) играют важную роль в стремлении Пекина влиться в интеграционные процессы и стать неформальным региональным лидером. Для повышения эффективности пропагандистского обеспечения своей внешнеполитической деятельности Пекин задействовал ценности традиционной конфуцианской мысли, которой издревле было присуще уважение к «гармонии». Отсюда – сформулированная Ху Цзиньтао стратегия «гармоничного мира».

По сути пленум детализировал направления строительства «мягкой силы» в КНР, сформулированные Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК:

- 1) создание системы основных ценностей социализма и повышение привлекательности и цементирующей силы социалистической идеологии;
- 2) создание гармоничной культуры, культивирование цивилизованных нравов и обычаев;
- 3) поднятие на щит китайской культуры, создание общего духовного очага китайской нации;
- 4) стимулирование культурных инноваций, наращивание живительных сил культурного развития[29].

Главным итогом VI пленума ЦК КПК 17-го созыва стало Решение ЦК КПК по некоторым важным вопросам углубления реформы культурной системы, стимулирования великого развития и расцвета социалистической культуры[30], не только развившее обозначенные на XVII съезде КПК положения по вопросу строительства «мягкой силы», но и расставившее точки над *i* в плане как совершенствования культурной системы, так и ужесточения контроля над СМИ, особенно за телевидением и Интернетом[31].

Сегодня задача в области культуры ставится широко – во-первых, противодействовать негативному влиянию на общественное мнение и поведение

народа (особенно молодежи) западной идеологии и западных ценностей; во-вторых, культивируя традиционные конфуцианские ценности, способствовать решению задачи объединения страны и возрождения величия Китая и величия китайской нации; в-третьих, повысить влияние китайской (культивируемой государством) культуры, идеологии и ценностей в мире и тем самым повысить уровень «мягкой силы» в совокупной мощи государства.

Задача, нужно сказать, достаточно амбициозная. Однако другого пути у руководства КПК и КНР, по-видимому, нет. С одной стороны, оно не может не понимать, что в недалеком будущем КНР столкнется с проблемой прихода к власти поколения так называемых «маленьких императоров», которые воспитаны на иной, нежели их родители, системе ценностей. А это серьезная угроза не только для положения КПК как руководящей силы, но и для перспектив развития КНР в парадигме китайского специфического социализма.

С другой стороны, Китай явно подошел к переосмыслению своего гуманитарного влияния в мире. В руководстве понимают, что кроме экспорта товаров и инвестиций необходим массовый экспорт идей и китайских культурных ценностей. Это сделать непросто по причинам традиционной самодостаточности китайской цивилизации, определенной изолированности Китая в Средние века и новое время, а также в силу сложного и не всегда адекватного восприятия Западом китайских ценностей. А потому Си Цзиньпин предлагает китайцам «слушать мир», а миру – «слушать Китай»[32].

О многом говорит и кадровый компромисс, достигнутый на XVIII съезде КПК. «Комсомольцам» действительно не удалось добиться окончательной победы. Однако с учетом того, что в отличие от «принцев» и «шанхайцев» «комсомольцы» являются более сплоченной группой, скорее всего, их окончательная победа не за горами, и через пять лет на XIX съезде КПК они это докажут.

А это означает, что линия, предложенная и частично реализованная кумирами «комсомольцев» Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао, будет продолжена. Тем более что, несмотря на ведущуюся в КПК полемику по поводу будущего развития Китая, по большому счету курсу, который предложил и начал реализовывать тандем Ху – Вэнь, альтернативы нет.

«Дорожная карта» тандема Ху – Вэнь

Уже к XVII съезду КПК «Дорожная карта» тандема Ху – Вэнь в основных чертах была сформирована, на XVIII съезде КПК к ней лишь добавили конкретики. Если попытаться дать эту «Дорожную карту» в обобщенном виде, она сводится к нескольким базовым положениям.

Общие принципы:

- неуклонное следование принципу «человек – основа основ»
- всестороннее осуществление концепции научного подхода к развитию

- осуществление единого планирования в пяти направлениях с целью всестороннего построения общества сяо кан
- следование курсу реформ и открытости
- нахождение Китая в настоящее время и еще в продолжение длительного периода на начальной стадии социализма[33]
- неуклонное следование курсу китайского специфического социализма
- переход от концепции «первоначального обогащения» части людей и части регионов к концепции «всеобщей зажиточности»
- единство трех принципов – поддержание руководящей роли партии, становление народа как хозяина государства и управление государством на основе закона
- борьба за достижение цели возрождения величия китайской нации
- строительство гармоничного социалистического общества, основными принципами функционирования которого являются: демократический порядок; справедливость; искреннее доверие и дружеская любовь; жизнестойкость; стабильность и порядок, а также гармония между человеком и природой.

В экономической сфере:

- приоритет доктрине «устойчивого развития», в которой «рост не является конечной целью развития»
- закрепление незыблемости прав на частную собственность и защита имущественных прав граждан и полученных ими законным путем доходов
- трансформация модели экономического роста; переход от экстенсивных методов развития экономики к повышению ее эффективности и экономическому росту через повышение качества труда, технический прогресс и рост потребительского спроса населения
- ориентация на национального инвестора и национальную буржуазию, на использование потенциала отечественной негосударственной экономики
- скоординированное развитие города и деревни и сбалансированное развитие регионов
- переориентация основного потока инвестиций на развитие сельского хозяйства и инфраструктуры села, строительство новой китайской деревни
- приоритет развитию инноваций, создание государства инновационного типа
- экономное использование энергетических и иных ресурсов и охрана окружающей среды – залог и основа длительного и устойчивого развития
- совместное развития всех секторов экономики при сохранении приоритета общественного сектора.

В социальной сфере:

- покончить с ростом «факторов дисгармонии», концентрация внимания на проблеме достижения социальной стабильности

- необходимость безотлагательного решения проблемы несоответствия между существенным развитием в области экономики и слабым развитием социальной сферы

- приоритет развитию сферы образования, создание «державы людских ресурсов»

- улучшение системы здравоохранения
- активное проведение политики занятости
- создание системы справедливого распределения доходов и общественных услуг

- расширение доступности социального обеспечения и социальных гарантий

- культивирование ценностей социалистической культуры и морали, а также ценностей традиционной китайской культуры

В политической сфере:

- акцент в политической реформе на реформировании системы административного управления и на структурной реформе

- сохранение роли КПК как правящей партии
- совершенствование и укрепление контролирующей функции представительных органов власти, повышение эффективности их работы

- повышение роли закона в жизни китайского общества; практическая реализация принципа «управления государством на основе закона» (*и фа чжи го*)

- расширение гласности в работе всех ветвей власти, включая деятельность КПК

- развитие «низовой демократии», совершенствование системы самоуправления на местах

- укрепление механизма межпартийных консультаций, а также консультаций с общественными объединениями и экспертами

- продолжение политики, направленной на разграничение функций партийных и административных органов, административных органов и предприятий; институционализация этих отношений и «придание им законного характера»

- создание системы предупреждения и искоренения явлений бюрократизма, коррупции и разложения, которая бы соединяла в себе воспитание, институциональность и контроль

В партийной и идеологической сфере:

- реализация принципов «установление партии для всех» (*ли дан вэй гун*) и «осуществление правления для народа» (*чжи чжэн вэй минь*); не контроль над массами, а контроль масс над партией

- КПК является авангардом китайского рабочего класса и одновременно авангардом китайского народа и китайской нации

- замена единой партийной управленческой вертикали четырехзвенной структурой управления: руководящее звено – это КПК, исполнительное звено – это правительства всех ступеней, посредническое звено – это организации, существующие в обществе, базовое звено – это активные члены общества

- расширение внутривластной демократии и гласности в работе партийных организаций всех уровней; наращивание творческой энергии партии с одновременным укреплением партийной дисциплины

- очищение партии от разлагателей, коррупционеров и перерожденцев, невзирая на их прошлые заслуги и занимаемые посты

- превращение КПК из «революционной партии» в «правлящую партию» и партию «учебного типа»

- отказ от «слепого копирования опыта западных демократий» и концентрация внимания на строительстве китайского специфического социализма

- усиление позиций КПК в законодательной сфере (через ВСНП и собрания народных представителей всех уровней)

- культивирование норм социалистической морали, честного исполнения своих обязанностей и презрения к роскошеству и расточительству, повышение притягательной и цементирующей силы социалистической идеологии

- культивирование присущих традиционной китайской культуре нравов и обычаев; повышение «мягкой мощи» государства в лице культуры.

- культивирование норм социалистической морали, честного исполнения своих обязанностей и презрения к роскошеству и расточительству, повышение притягательной и цементирующей силы социалистической идеологии
- культивирование присущих традиционной китайской культуре нравов и обычаев; повышение «мягкой мощи» государства в лице культуры.

В сфере внешней политики:

- создание гармоничного мира с прочным миром и общим процветанием[34]

- неуклонное следование по пути мирного развития
- усиление значимости «мягкой силы» во внешней политике, продвижение за рубежом ценностей традиционной китайской культуры и привлекательности китайской экономической и политической модели

- перспективы и судьбы Китая все теснее переплетаются с перспективами и судьбами всего мира

- Китай неизменно выступает за равноправие всех стран, как больших, сильных и богатых, так и малых, слабых и бедных; уважает право народов всех стран на самостоятельный выбор собственного пути развития и не вмешивается во внутренние дела других стран, не навязывает им свою волю

- проведение оборонительной политики в области национальной обороны и неучастие в гонке вооружений; Китай не составляет военную угрозу другим странам

- Китай выступает против всех форм гегемонизма и силовой политики и никогда не будет претендовать на гегемонию, никогда не будет заниматься экспансией

- Китай никогда не вредит другим ради собственной выгоды, не приносит в жертву ближнего

- продолжение развития дружбы и сотрудничества со всеми странами на основе пяти принципов мирного сосуществования.

Следование изложенным выше принципам уже доказало свою эффективность. Тем более, как мы видели, взяты на вооружение они были не от хорошей жизни, а многим из них альтернативы просто нет. Другой вопрос, насколько они окажутся эффективными для «пятого поколения» и сумеет ли оно их эффективно задействовать, чтобы удержать страну от социальных потрясений, а КПК от окончательного распада. Но то, что следование этим принципам – жизненная необходимость, сомнений нет. Тем более что у «пятого поколения», по-видимому, своей «Дорожной карты» пока нет.

Литература

1. См. Си Цзиньпин чжунъян чжэнчжицзюй чанвэй цзичжи цзяньмяньхуй цзянхуа (Выступление Си Цзиньпина на встрече членов ПК Политбюро с журналистами). – // *Синьхуа ван*, 20 ноября 2012. – <http://edu.people.com.cn/>
2. См. Там же.
3. См. Цун шилю да дао шибя да цзинци шэхуй фачжань чэнцзю силе баогао. Гоцзя тунци цзю цзунхэ сы (Системный доклад «Успехи социально-экономического развития с XVI по XVIII съезды КПК». Сводный департамент Госстата). – // *Официальный сайт Государственного статистического агентства КНР*, 15 августа 2012. – <http://www.stats.gov.cn/>.
4. В этом отношении примечательна статья Дэн Юйвэня, появившаяся накануне XVIII съезда КПК в журнале «*Сюэси шибяо*», издаваемом Центральной партийной школой ЦК КПК, курируемой в то время Си Цзиньпином. Статья была растиражирована наиболее влиятельными китайскими изданиями и воспроизведена на ряде сайтов в Интернете. – См. Дэн Юйвэнь. Ху Вэнь ды чжэнчжи ичан (Политическое наследство Ху – Вэня). – // *Сайцзин*. – 2012. № 22, сентябрь. – <http://www.magazine.caijing.com.cn/>.
5. Смысловое содержание этой идеи сводилось к тому, что КПК должна постоянно представлять требования развития передовых производительных сил Китая, постоянно представлять прогрессивное направление передовой китайской культуры, постоянно представлять коренные интересы самых широких слоев китайского народа.
6. Ху Цзиньтао. Цзай «саньгэ дайбяо» чжунъяо сысян лилунь яньтаохуэй шан дэ цзянхуа. (Речь на семинаре по изучению важных идей «тройного представительства»). – // *Жэньминь жибао*. – 7 февраля 2003.
7. Начиная с октября 2003 года, эта формула присутствует во всех партийных и государственных документах; Дословный перевод формулы «*и жэнь вэй бэнь*» – «брать человека за основу», «человек – корень всего и вся», «человек – основа основ», «настаивать на том, чтобы брать человека в качестве корня-основы».
8. Правда, когда это имущество нажито законным путем. В отношении тех, кто нарушает закон, напротив, было предложено принимать самые жесткие меры, и примеров тому за десять лет правления тандема Ху – Вэнь было достаточно.
9. См. Чжао Цзыян. Вперед по пути строительства социализма с китайской спецификой. Отчетный доклад на XIII Всекитайском съезде КПК (25 октября 1987). – // В кн: *Документы XIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (1987)*. – Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1987. С. 45–65.
10. См. Чжунгун чжунъян гуаньюй цзяцянь дан ды чжичжэн нэнли цзяньшэ цзюэдин (Решение ЦК КПК об усилении строительства управленческого потенциала партии). – // *Синьхуа ван*, 26 сентября 2004. – <http://www.people.com.cn/>.
11. См. Там же.
12. См. Галенович Ю. М. Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае. – М.: Памятники исторической мысли, 2006. С. 93.
13. См. Вэнь Цзябао. Доклад о работе правительства на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 10-го созыва (5 марта 2007 года). – // *Жэньминь жибао он-лайн*, 17 марта 2007. – <http://russian.people.com.cn/>.
14. См. Устав Коммунистической партии Китая (Принят с частичными поправками XVII Всекитайским съездом КПК 21 октября 2007 года). – // *Агентство Синьхуа*, 26 октября 2007. – <http://www.russian.xinhuanet.com/>.
15. См. Сыроежкин К. Л. Современный Китай. Ученые записки МГУ им. М. В. Ломоносова. Выпуск 4. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2008. С. 54–62.
16. См. Чжунго чжэнчжи фачжань цзинчэн (2010 нянь). Шанхай шэхуй кэсюэ юань дандай Чжунго чжэнчжи яньцзю чжунсин. (Развитие политического процесса в Китае (2010 год). Центр по изучению политики современного Китая Шанхайской академии социальных наук). – Пекин: Шиши чубаньшэ, 2010, март. С. 89.
17. См. Цзяньли цзянцюань чэнчжи хэ юйфан фубай тиси 2008–2012 гунцзо гуйхуа (Указания по работе по созданию и укреплению системы наказания и профилактики разложения на 2008–2012 годы). – // *Жэньминь жибао*, 23 июня 2008.
18. См. Чжунгун чжунъян гуаньюй туйцзинь нунцунь гфэйгэ фачжань жогань чжунда вэньти ды цзюэдин (Решение ЦК КПК по некоторым важным вопросам стимулирования развития и реформы села). – // *Жэньминь жибао*, 20 октября 2008.
19. «Три сельских» – развитие сельского хозяйства, повышение благосостояния крестьян и развитие инфраструктуры села.

20. См. Чжунгун чжунъян гуаньюй цзяцянь хэ гайцзинь синь синши ся дан ды цзяньшэ жогань чжунда вэньти ды цзюэдин (Решение ЦК КПК по некоторым важным вопросам усиления и совершенствования партийного строительства в новой обстановке). – // *Чжунго гунчан дан синьвэнь ван (Портал «Новости КПК»)*, 27 сентября 2009. – <http://cpc.people.com.cn/>.
21. См. Чжунгун чжунъян гуаньюй чжидин гоминь цзинци хэ шэхуй фачжань дишиэр гэ унянь гуйхуа ды цзяньи (Предложения ЦК КПК по наметкам к 12-й пятилетке социально-экономического развития КНР). – // *Жэньминь жибао*, 28 октября 2010.
22. Прежняя модель базировалась на инвестициях и росте экспорта.
23. Предполагается поэтапное изменение правительственных функций, углубление системы административного контроля, ускорение реформы разделения ответственности между предприятием и правительством, сокращение непосредственного вмешательства правительства в экономическую деятельность, создание правительства, подчиненного закону и оказывающего услуги. При этом предусматривается дальнейшее упрощение структуры правительства, сокращение звеньев административной иерархии, полномочий чиновников, наделение большими правами низовых структур и т. д.
24. Суть предлагаемой реформы – бюджетный разделизм между Центральным правительством и местными органами государственного управления.
25. Речь идет о необходимости полноценного введения в рыночной оборот земли, капитала, труда, техники и информации.
26. Предлагается в контексте перехода на новую модель экономического роста активизировать проведение реформы науки, образования, культуры, здравоохранения, спорта и других социальных сфер. Развивать и поддерживать деятельность НПО, приветствовать их участие в управлении общественными делами и обслуживании общества. Реформировать систему общественного обслуживания, внедрить в нее механизм конкуренции, расширить предоставление платных услуг, практиковать различные формы обслуживания населения.
27. На должность заместителя председателя ЦВС КНР Си Цзиньпин был утвержден на 17-м заседании ПК ВСНП 11-го созыва 28 октября 2010 года, прошедшем уже после пленума ЦК КПК.
28. К «мягкой силе» в китайских источниках обычно относятся: стратегия развития государства; идентификационная мощь его идеологии и ценностных ориентаций; притягательная сила его социального строя и модели развития; способность государства реализовывать стратегию развития; национальная идея и творческая сила нации; обаяние культуры и сила ее влияния в международных делах. – См. Лю Цзайци. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая. – // *Полис*, 2009, № 4. С. 149.

29. См. Ху Цзиньтао. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, бороться за новую победу в деле полного построения среднезажиточного общества.
30. См. Чжунгун чжунъян гуаньюй шэнхуа вэньхуа тичжи гайгэ туйдун шэхуйчжуй вэньхуа да фачжань да фаньжун жогань чжунда вэньти ды цзюэдин (Решение ЦК КПК по некоторым важным вопросам углубления реформы культурной системы, стимулирования великого развития и расцвета социалистической культуры). – // *Жэньминь жибао*, 26 октября 2011.
31. Подробнее об этом документе см. Сыроежкин К. Л. «Мягкая сила» Китая (К итогам VI пленума ЦК КПК 17-го созыва) – // *Analytic*, 2011, № 5. С. 42–56.
32. См. Си Цзиньпин чжунъян чжэнчицзюй чанвэй цзичжи цзяньмяньхуй цзянхуа.
33. Особенности этой стадии были подробно охарактеризованы в докладе Ху Цзиньтао XVII съезду КПК:
 - ✓ несмотря на возросшую экономическая мощь, уровень производительных сил остается невысоким, а возможности в самостоятельной инновации пока невелики; копившиеся годами структурные противоречия и экстенсивная модель роста не претерпели коренного изменения
 - ✓ наряду с созданной в начальной форме системой социалистической рыночной экономики по-прежнему существуют институционально-структурные препятствия, мешающие развитию
 - ✓ народ в целом зажил среднезажиточной жизнью, но тенденция увеличения разрыва в доходах все еще в корне не остановлена, бедного и низкооплачиваемого населения в городе и на селе пока еще немало, растут трудности с единым учетом интересов различных сторон
 - ✓ гармонизация развития дала заметные результаты, однако ситуация со слабой аграрной базой и отставанием развития села осталась без изменений; сохраняются проблемы в сокращении разрыва в уровне развития города и села, а также регионов
 - ✓ несмотря на достижения в политической сфере, строительство в области демократии и правопорядка все еще не полностью отвечает требованиям расширения народной демократии и социально-экономического развития, реформа политической системы нуждается в дальнейшем углублении.
 - ✓ социалистическая культура становится все более процветающей, но наряду с этим изо дня в день растут духовно-культурные запросы народа, заметно усиливается самостоятельность, альтернативность, изменчивость и дифференцированность мыслительной деятельности людей, что предъявляет более высокие требования к развитию передовой социалистической культуры

- ✓ заметно возросла жизненная энергия общества, но одновременно в его структуре, формах организации, в конфигурации социальных интересов происходят глубокие перемены, социальное строительство и управление стоят перед лицом массы новых проблем
 - ✓ все более ширится открытость внешнему миру, но в то же время изо дня в день растет и международная конкуренция; прессинг экономического и научно-технического превосходства развитых стран будет существовать долго; множатся предсказуемые и непредсказуемые риски. – См. Ху Цзиньтао. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, бороться за новую победу в деле полного построения среднезажиточного общества. Доклад на XVII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. 15 октября 2007. – //Жэньминь жибао он-лайн, 25 октября 2007 г. – <http://russian.people.com.cn/>.
34. С точки зрения Ху Цзиньтао, «гармоничный мир» означает, что отношения между государствами должны строиться на основе строгого соблюдения международного права и общепризнанных норм международных отношений; необходимо развивать в этих отношениях дух демократии, согласия, сотрудничества и взаимного выигрыша. В политическом плане друг друга уважая и друг с другом равноправно консультируясь, необходимо совместно продвигать демократизацию международных отношений. В экономическом – друг с другом сотрудничая и друг друга дополняя имеющимися преимуществами, необходимо совместно продвигать развитие экономической глобализации в сторону равномерного, выгодного и выигрышного для всех развития. В культурном – учась друг у друга, находя общее при наличии расхождений и уважая многообразие мира, вместе стимулировать процветание и прогресс человеческой цивилизации. В плане безопасности – друг другу доверяя и усиливая сотрудничество, необходимо твердо стоять на том, чтобы решать международные споры мирным путем, а не посредством войны, сообща защищать мир во всем мире и поддерживать стабильность. В плане охраны окружающей среды – друг другу помогая и вместе продвигая это дело, необходимо сообща оберегать общий дом человечества – нашу планету Землю. – См. Ху Цзиньтао. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, бороться за новую победу в деле полного построения среднезажиточного общества.

ИТОГИ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В ГРУЗИИ И ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК ГРУЗИНСКОГО РУКОВОДСТВА

Аскар Нуриа

Состоявшиеся в Грузии 1 октября 2012 года парламентские выборы привели к значительным изменениям во внутренней и внешней политике страны. Главным итогом выборов стало поражение возглавляемой действующим президентом страны М. Саакашвили партии «Единое национальное движение» (ЕНД), правившей в Грузии в течение восьми лет. Уступив оппозиционной коалиции «Грузинская мечта – Демократическая Грузия» и заняв по результатам выборов второе место, ЕНД официально перешла в оппозицию. Лидер коалиции «Грузинская мечта» Бидзина Иванишвили 25 октября был утвержден парламентом премьер-министром страны.

Несмотря на поражение, партия «Единое национальное движение» остается важной политической силой в стране, получив 65 из 150 мест в грузинском парламенте. Остальные 85 принадлежат «Грузинской мечте», объединяющей шесть политических партий: «Грузинская мечта – Демократическая Грузия», Республиканская партия Грузии, «Свободные демократы», «Национальный форум», Консервативная партия и «Промышленность спасет Грузию»[1].

Выборы в Грузии, при всех имеющихся противоречиях и проблемах, были признаны Западом и мировым сообществом как «исторические» и «свободные». Произошедшая по итогам выборов смена власти получила в целом положительную оценку и была расценена как значительный шаг вперед для страны и региона, если сравнивать с авторитарными политическими моделями, установившимися на большей части постсоветского пространства. Это дает возможность новому грузинскому руководству позиционировать политический режим как «демократический» и соответственно легитимный на Западе, а также расширяет возможности Грузии во взаимодействии с европейскими и мировыми демократиями.

С точки зрения процессов внутренней политики ситуация в Грузии важна тем, что ее можно рассматривать как возможную модель для смены власти в постсоветских странах. Уже тот факт, что грузинская политическая элита, несмотря на серьезные расхождения в политических взглядах, осуществила мирный переход власти в стране посредством конкурентных парламентских

выборов, позволяет оценивать происходящие процессы в Грузии как неординарные для Кавказа и в целом для постсоветского пространства.

Очевидно, что выборы не решили всех проблем, и между ведущими политическими силами страны противоречия сохраняются, поскольку старые правила игры уже не действуют, а новые еще находятся на стадии формирования. Это ясно показывает острая политическая борьба, развернувшаяся сразу после выборов между ЕНД и «Грузинской мечтой» по вопросу сокращения конституционных полномочий президента в системе органов власти.

В соответствии с новой редакцией конституции, принятой парламентом Грузии в октябре 2010 года, роль парламента в политической системе должна заметно усилиться. Значительная часть полномочий президента переходит к премьер-министру, избираемому парламентом[2]. Реальная власть будет сосредоточена в руках премьер-министра, как и статус первого лица государства, а политическое влияние президента снизится. Но произойти это должно было не раньше октября 2013 года, после президентских выборов в стране. М. Саакашвили отсидел два президентских срока и больше не имеет права баллотироваться, но до очередных президентских выборов он сохранял прежние президентские полномочия в полном объеме. Таким образом, после парламентских выборов и формирования нового правительства в стране возникла ситуация двоевластия между правительством во главе с Б. Иванишвили и президентом М. Саакашвили.

В сложившихся обстоятельствах М. Саакашвили выбрал выжидательную тактику, не предпринимая никаких действий, способных обострить отношения с новым правительством и позиционируя себя в роли защитника грузинской демократии, ответственного за демократические процессы в стране. По вопросу взаимодействия со своими оппонентами М. Саакашвили следующим образом обозначил свою позицию: «У меня было много возможностей вызвать политический кризис, но я этим не воспользовался. Они получили мандат от народа, и я не намерен чинить им препятствия в деятельности»[3]. М. Саакашвили при этом дал понять, что он не довольствуется пассивной ролью и не исключил вероятности возвращения во власть, если его партия завоюет большинство в парламенте.

По всей видимости, М. Саакашвили рассчитывал на диалог со стороны «Грузинской мечты», в обмен на свою конструктивную позицию в отношении правительства в течение переходного периода. Положение покидающего пост президента и перспектива его уголовного преследования со стороны новых властей подталкивает М. Саакашвили к гибкости, сделав его заинтересованным сторонником поиска компромисса между политическими партиями Грузии.

Б. Иванишвили, в свою очередь, повел решительное наступление на позиции президента. Сразу после парламентских выборов в стране, как только стало известно о том, что президентская партия проиграла выборы, Б. Иванишвили призвал М. Саакашвили уйти с поста президента и назначить до-

срочные президентские выборы[4]. После отказа М. Саакашвили нападки в его адрес со стороны оппонентов приняли форму политического преследования. Президента обвинили в крупных растратах из бюджета. От него потребовали освободить резиденцию главы государства в Тбилиси. В феврале 2013 года М. Саакашвили отказался от услуг государственной охраны в связи с тем, что специальная служба государственной охраны после реорганизации перешла в подчинение правительства. К февралю активисты НПО собрали около 1 млн. 200 тыс. подписей за отставку М. Саакашвили и организовали антипрезидентские пикеты.

После нескольких спорных ситуаций между парламентом и президентом, не дожидаясь осени 2013 года, 25 марта грузинский парламент на чрезвычайном заседании принял закон о конституционных поправках, в котором досрочно ограничил полномочия президента, сохранив ему право распускать правительство, но при этом лишив его права без согласия парламента назначить новый кабинет министров. Положения закона будут действовать до октября, когда в силу вступит конституционная реформа. Тем самым можно говорить о том, что усилиями «Грузинской мечты» вопрос двоевластия снят с повестки дня, а президент М. Саакашвили как центр политического влияния в Грузии значительно ослаблен.

Несмотря на серьезные противоречия, обращает на себя внимание тот факт, что и правящая коалиция «Грузинская мечта», и ЕНД стремятся действовать в правовом поле. Объективно существуют внешние и внутренние факторы, которые заставляют обе стороны взаимодействовать в цивилизованном политическом пространстве.

Во-первых, это приверженность, выраженная ведущими политическими силами страны, развитию демократии, что требует соответствия и создает ограничительные рамки для методов политической борьбы. Основные стороны политического процесса осознают, что борьба должна вестись не на улицах, а в стенах парламента и в большей степени в легальной публичной сфере.

Во-вторых, трансформация власти. В результате конституционной реформы меняются характер власти и полномочия политических институтов. Обе стороны готовятся к изменениям и осваивают новые роли, что займет определенное время.

В-третьих, демократические процессы в Грузии и мирный характер протекания политической борьбы, с большой долей уверенности можно утверждать, осуществляются при поддержке США и ЕС. По всей видимости, Запад принуждает политических игроков к ненасильственному взаимодействию и выступает гарантом протекания политических процессов в правовом поле, принимая во внимание слабость внутренних консолидирующих начал.

Пока трудно с уверенностью говорить, насколько преуспеет грузинская политическая элита в следовании новой модели властных отношений. Грузинская демократия является хрупкой, политические институты слабы, а демократические традиции глубоко не укоренены.

Пересмотр политического наследия М. Саакашвили

Усиливая давление на президента М. Саакашвили, правящая коалиция во главе с Б. Иванишвили активно занялась пересмотром внутренней и внешней политики, проводимой в годы его президентства.

В первую очередь новые власти нанесли удар по самому чувствительному месту в политике президента, подняв вопрос о «тысячах незаконных заключенных» за период пребывания М. Саакашвили у власти и тем самым поставив под сомнение демократичный характер его президентства. Глава комитета по правам человека парламента Грузии Эка Беселия 29 октября сообщила о начале совместной работы комитета по правам человека и гражданской интеграции и юридического комитета парламента Грузии над законопроектом «Об амнистии», а также над освобождением «незаконных заключенных»[5]. Для изучения и определения списка «незаконных заключенных» 1 ноября была создана специальная рабочая группа парламента, куда вошли депутаты, представители правительства и неправительственных организаций. По итогам работы рабочей группы 5 декабря парламент Грузии на своем заседании утвердил список политзаключенных, приняв соответствующее постановление. Парламент признал политзаключенными 190 граждан, отбывающих тюремный срок, а 25 – политическими беженцами[6].

Действия «Грузинской мечты» вызвали недовольство сторонников М. Саакашвили. Представитель ЕНД Чиора Тактакишвили раскритиковала произвольный характер присвоения статуса «политзаключенный», поскольку в стране нет закона, который бы регулировал статус политзаключенных. По ее словам, так же неправомерно апеллирование к ПАСЕ. С 1999 года, отметила Ч. Тактакишвили, ПАСЕ раз в два года проверяла процессы демократического развития Грузии, приняла множество резолюций и ни в одной не было указано о политзаключенных в Грузии[7].

21 декабря парламент страны, не обращая внимания на возражения президента, принял закон «Об амнистии». 28 декабря парламент преодолел президентское вето. Закон вступил в силу, после того как 12 января его подписал председатель парламента Давид Усупашвили. К февралю по амнистии грузинские тюрьмы покинули около 6 тысяч заключенных. В соответствии с законом «Об амнистии», был также сокращен срок заключения для женщин и несовершеннолетних, для осужденных за употребление наркотиков и совершивших менее тяжкие преступления[8]. Амнистия коснулась не только представителей политической оппозиции. Среди амнистируемых – лица, осужденные за попытку свержения режима М. Саакашвили, заключенные, обвиненные в шпионаже в пользу России, а также несколько криминальных авторитетов. Как утверждает М. Саакашвили, большинство освобожденных по амнистии являются «русскими агентами и заговорщиками». По его мнению, новое правительство Грузии освободило «опасных преступников», угрожающих государственности Грузии[9].

Еще одним признаком политических перемен М. Саакашвили стало возвращение в страну Ираклия Окруашвили, одного из лидеров оппозиции. Покинувший Грузию из-за уголовного преследования, И. Окруашвили в апреле 2008 года получил политическое убежище во Франции. Он длительное время рассматривался одним из наиболее серьезных политических противников М. Саакашвили и его возможной альтернативой на посту президента. На первоначальном этапе формирования списка политзаключенных в него был включен и И. Окруашвили, но впоследствии был изъят из списка. По прибытии 20 ноября в страну он был взят под стражу и помещен в тюрьму, где дожидался судебного процесса по заведенным на него уголовным делам. 8 января прокуратура сняла большую часть обвинений, и 11 января суд принял решение заменить арест И. Окруашвили на освобождении под залог. Обращает на себя внимание, что освобождение И. Окруашвили произведено новыми властями посредством судебных процедур, а не произвольно. Грузинскому обществу и зарубежным партнерам продемонстрировано уважение к нормам и принципам правового государства как один из критериев развитости демократии в стране.

Б. Иванишвили намерен изменить подходы Тбилиси в отношении грузинских регионов, проведя децентрализацию и предоставив регионам широкие права самоуправления. В конце октября прошлого года Б. Иванишвили принял участие в заседании Верховного совета Аджарии, где пообещал вернуть автономной республике реальную автономию. При этом остальные регионы Грузии, по словам Б. Иванишвили, будут иметь гораздо больше прав, чем на сегодня имеет Аджария. «Усиление местных самоуправлений является нашим приоритетом. Регионы сами должны управлять собой. Этим мы должны повысить политическую культуру. Нельзя, чтобы все управлялось из Тбилиси. Децентрализация должна произойти как можно быстрее. У центра обязательно останутся свои функции» – заявил Б. Иванишвили[10]. Неожиданно для ЕНД «Грузинская мечта» одержала победу на выборах в Аджарии 1 октября, получив 65 процентов голосов в местном законодательном органе и право занять ключевые позиции в аджарских органах власти. Планы Б. Иванишвили помогут «Грузинской мечте» закрепить этот успех.

Наряду с Аджарией, Б. Иванишвили набирает политические очки в Джавахетии, значительную часть населения которой составляют грузинские армяне. Периодически местные армяне поднимают вопрос о предоставлении Джавахетии автономии. Острые разногласия между ЕНД и «Грузинской мечтой» вызвало освобождение 24 января по амнистии лидера политического движения «Демократический союз «Единый Джавахк» Ваагна Чахалаяна, которого генеральный секретарь ЕНД В. Мерабишвили назвал не иначе как «идеологом армянского сепаратизма в Джавахетии», «некрытым эмиссаром российской военной разведки» и «главным врагом государственности Грузии в Джавахетии». Освободив В. Чахалаяна, считает В. Мерабишвили, новая власть приняла «самое тяжелое после выборов решение», за которым может последовать «неисправимые результаты»[11]. В том же духе высказался президент М. Саакаш-

вили, охарактеризовав В. Чахалюна «внутренним врагом Грузии», «резидентом российских спецслужб» и возложив ответственность за его выход на свободу лично на Б. Иванишвили[12].

Б. Иванишвили отчетливо продемонстрировал стремление привлечь на свою сторону армянскую общину Грузии и добиться их электоральной поддержки. 17 января поблагодарив грузинских армян за поддержку, премьер-министр пообещал, что его «правительство сделает все, чтобы армяне чувствовали, что живут в своей стране, сделает все для их интеграции и выполнит все данные обещания»[13]. Перед грузинскими властями остро стоит проблема армянского сепаратизма в Джавахетии и интеграции грузинских армян. Возможно, Б. Иванишвили сознательно выбрал данную тактику для снижения остроты проблемы. Это выглядит контрастом с публичной жесткой позицией М. Саакашвили, который открыто поставил себе в заслугу «наведение в Самцхе-Джавахети порядка и вывод оттуда и из Абхазии российских войск» за два года после революции роз[14].

Просматривается желание новых грузинских властей оздоровить и улучшить отношения между Грузией и Арменией. Стороны официально рассматривают друг друга важными стратегическими и торговыми партнерами. В условиях транспортной изоляции Армения нуждается в свободном транзите товаров и грузов через грузинскую территорию, и грузинская сторона в этом вопросе идет Армении навстречу. Однако геополитические векторы стран в годы президентства М. Саакашвили заметно разошлись, и, учитывая тесные военно-политические связи Армении с Россией, а с другой стороны – интенсивные контакты Грузии с Азербайджаном и Турцией, их трудно привести к общему знаменателю. Грузия подозревает Армению в поддержке сепаратизма грузинских армян, подрывной политики России в отношении Грузии и болезненно относится к планам открытия и использования Арменией абхазского участка грузинской железной дороги для железнодорожного сообщения между Россией и Арменией. «Это будет легализация оккупации», – заявил 1 февраля президент Грузии[15]. Для углубления двусторонних отношений М. Саакашвили в конце 2011 года предложил армянской стороне концепцию единого Кавказа по принципу Евросоюза или ЕЭП. В качестве первого шага планировалось начать с упрощения пограничного контроля.

Сложным в двусторонних отношениях является уходящий в глубь веков исторический спор между Армянской апостольской (ААЦ) и Грузинской православной (ГПЦ) церквями по церковному имуществу. ААЦ требует вернуть Грузинской епархии ААЦ армянские церкви на грузинской территории, которые ГПЦ считает грузинскими, а также дать армянской церкви в Грузии юридический статус.

С учетом вышесказанного, состоявшийся 17 января первый визит премьер-министра Грузии Б. Иванишвили в Армению вызвал серьезный интерес. Очевидно, что теплые заявления Б. Иванишвили в адрес грузинских армян, прозвучавшие в Ереване, и подвижки в деле В. Чахалюна имели не только вну-

триполитическое, но и внешнеполитическое измерение, создав позитивный фон для визита. По вопросу абхазского участка грузинской железной дороги Б. Иванишвили произвел сенсацию, выразив заинтересованность в ее скорейшем восстановлении, но увязав прогресс в этом вопросе с урегулированием грузино-российских отношений и территориальной целостностью Грузии. По проблеме армянских церквей Б. Иванишвили дал обещание лично проследить и профинансировать реставрацию церквей, пока комиссии двух стран устанавливают принадлежность[16]. Тем самым, не сделав очевидных уступок, но дав понять об отходе от прежней позиции М. Саакашвили и готовности к компромиссу, Б. Иванишвили своим визитом заложил основу для улучшения политического климата в двусторонних отношениях.

Одним из ключевых вопросов для грузинской политики остается ситуация вокруг непризнанных республик – Абхазии и Южной Осетии. Сразу после выборов представители «Грузинской мечты» заявили о пересмотре политики Тбилиси в отношении самопровозглашенных республик. Накануне назначения на пост премьер-министра, 24 октября Б. Иванишвили фактически признал, что Грузии не удастся быстро вернуть территории, и его видение решения данной проблемы заключается в том, чтобы «построить интересную страну для проживания абхазов и осетин» и «заинтересовать их теми условиями, которые реально будут созданы». При этом он пообещал сделать все, чтобы вернуть оккупированные территории. Б. Иванишвили не упустил возможности, чтобы подвергнуть критике политику М. Саакашвили в данном вопросе, подчеркнув, что «России возможность вторгнуться в Грузию в 2008 году дали действия грузинских властей», поскольку «на основании провокации у России появился реальный повод сделать то, что она не смогла осуществить на протяжении лет и веков»[17].

Объявление Б. Иванишвили в конце октября 2012 года в Абхазии планов децентрализации и предоставления грузинским регионам широких прав самоуправления может в том числе рассматриваться как важный шаг в сторону корректировки политики в отношении Абхазии и Южной Осетии в расчете на то, что самопровозглашенные республики заинтересуются привлекательными условиями, которые будут предоставлены грузинским регионам.

Несмотря на критику в адрес президента М. Саакашвили, премьер-министр не выходит за рамки концепции сохранения территориальной целостности Грузии, с тем отличием, что он не заявляет о военно-силовых способах решения вопроса. Помимо широких прав самоуправления и прагматических проектов в экономической области, Б. Иванишвили пока ничего конкретного Абхазии и Южной Осетии не предложил. Не отказался Б. Иванишвили от темы возвращения грузинских беженцев. На серьезные уступки он пойти не может, опасаясь общественного мнения.

Таким образом, новые власти Грузии во главе с Б. Иванишвили практически по всем ключевым направлениям пересматривают достижения президентства М. Саакашвили и избавляются от его политического наследия. С одной

стороны, эти действия направлены на корректировку и отказ от тех подходов во внутренней и внешней политике, которые показали свою неэффективность, а с другой – на дискредитацию М. Саакашвили для ослабления его политических позиций.

Грузино-российские отношения: смена тренда

Одним из центральных пунктов внешнеполитической программы Б. Иванишвили является нормализация отношений с Россией. После вооруженного конфликта в августе 2008 года и признания независимости Абхазии и Южной Осетии Кремль для себя «поставил крест» на М. Саакашвили, отказавшись иметь с ним какие-либо дела. М. Саакашвили, в свою очередь, назвал условием возобновления отношений отказ России от «агрессивной политики» и уважение территориальной целостности Грузии[18]. Дипломатические отношения между странами зашли в тупик. Эмбарго, введенное Россией на грузинскую продукцию в 2006 году, лишило Грузию доступа на российский рынок, что серьезно ударило по грузинской торговле. До запрета на Россию приходилось около 80 процентов грузинского экспорта вин и 35 – экспорта «Боржоми»[19].

После вступления России в ВТО летом 2012 года Грузия призвала восстановить доступ своей сельскохозяйственной продукции на российский рынок, напомнив о соответствующих обязательствах, после того как Грузия сняла возражения против вступления России в организацию. Однако при желании Россия, вновь ссылаясь на проблемы санитарного контроля, вполне могла затянуть данный процесс.

Накануне парламентских выборов в стране, 28 сентября, Б. Иванишвили на пресс-конференции для западных СМИ в случае победы на выборах объявил о намерении в короткие сроки восстановить торговые и культурные связи с Россией, назвав ее самым большим и сильным соседом Грузии. При этом Б. Иванишвили отметил важность российского рынка для грузинского сельского хозяйства,[20]. Сигнал из Тбилиси был в России услышан, однако отреагировала на него Россия, после того как стало ясно, что возглавляемый Б. Иванишвили блок выиграл выборы. Премьер-министр России Д. Медведев заявил о готовности партии «Единая Россия» к диалогу с Тбилиси о будущем российско-грузинских отношений[21]. 24 октября, выступая в грузинском парламенте, Б. Иванишвили вновь подтвердил намерение восстановить торговые и культурные отношения с Россией, обвинив при этом М. Саакашвили в потере российского рынка.

Другой важной целью, которую Б. Иванишвили преследует, стремясь нормализовать отношения с Россией, является ситуация вокруг самопровозглашенных республик. Б. Иванишвили видит ключи от урегулирования проблемы в Москве и рассчитывает посредством снижения напряженности в двусторонних отношениях и восстановления нормальных экономических связей с Россией вернуть контроль над Абхазией и Южной Осетией.

1 ноября Б. Иванишвили учредил должность специального представителя премьер-министра Грузии по вопросам взаимоотношений с Россией, назвав это первым шагом в направлении налаживания отношений. На должность спецпредставителя был назначен бывший посол Грузии в РФ (2000–2004) Зураб Абашидзе. Комментируя назначение З. Абашидзе, Б. Иванишвили, указал на ближайшую его задачу: «И если к концу этого года мы сможем наладить вывоз цитрусов в Россию, это будет уже большой успех»[22].

По инициативе Грузии 14 декабря в Женеве состоялась первая формальная с момента вооруженного конфликта в августе 2008 года официальная встреча представителей правительств двух стран без посредников. Грузию представлял на встрече спецпредставитель премьер-министра З. Абашидзе, Россию – заместитель министра иностранных дел Г. Карасин. Стороны осторожно заявили о техническом характере встречи, не выражая ожиданий прорыва от встречи. В этот же день в Москве глава Роспотребнадзора РФ Г. Онищенко выразил готовность к встрече с грузинскими производителями и заявил о рассмотрении вопроса возвращения на российский рынок грузинского вина и «Боржоми» в 2013 году[23].

После встречи тональность в заявлениях представителей России в отношении Грузии заметно смягчилась. 20 декабря во время большой пресс-конференции в Москве В. Путин призвал деполитизировать вопрос о грузинских товарах и пообещал, что Россия выполнит взятые на себя международные обязательства, в частности по допуску грузинских товаров на российский прилавки. При этом он не исключил возможной встречи в будущем с Б. Иванишвили[24]. Вслед за В. Путиным 21 декабря выступил первый заместитель министра иностранных дел РФ А. Денисов, сообщив об отсутствии у России политических претензий к Грузии в вопросе допуска грузинской сельскохозяйственной продукции и вина на российский рынок[25].

24 декабря российские СМИ сообщили о приобретении структурой российской компании «Альфа-Групп» контрольного пакета акций компании IDS Wojomi у семьи грузинского бизнесмена Бадри Патаркацишвили. Семья Патаркацишвили подтвердила заключение сделки в конце января, согласно которой она осталась миноритарным владельцем, сохранив около 37 процентов бумаг. Это позволит семье сохранить участие в управлении компанией, а «Боржоми» поспособствует получить допуск на рынок России. В конце декабря министр сельского хозяйства Грузии Давид Кирвалидзе сообщил о начале поставок в Россию цитрусовых транзитом через белорусскую территорию.

Эксперты склоняются к мнению, что эти взаимосвязанные события стали результатом состоявшихся 14 декабря переговоров Абашидзе – Карасина. Открытие российского рынка для грузинских товаров, судя по первым шагам Москвы и Тбилиси, будет сопровождаться встречным открытием доступа для российских компаний на грузинский рынок.

Еще один важный признак потепления отношений – неофициальная встреча премьер-министра Грузии Б. Иванишвили и главы российского правитель-

ства Д. Медведева на полях Всемирного экономического форума в швейцарском Давосе 23 января. По словам министра иностранных дел Майи Панджикидзе, встреча носила кратковременный характер и заранее не была запланирована. Политики встретились на приеме, который был проведен от имени организатора Давосского Всемирного экономического форума Клауса Шваба, поприветствовали друг друга, познакомились и беседовали только в течение одной-двух минут[26]. Российские СМИ, освещая данную новость, акцентировали внимание на то, что Б. Иванишвили «подошел к Медведеву, и они о чем-то говорили несколько минут»[27].

Отсутствие дипломатических отношений, таким образом, не мешает новым грузинским властям поэтапно идти к восстановлению экономических отношений с Россией. Пока речь идет об экономических связях и налаживании официальных контактов. Между тем пространство для маневра для грузинской дипломатии на российском направлении ограничено. Грузинская дипломатия предлагает отталкиваться от прагматических деловых контактов и пытается не увязывать экономические связи напрямую с проблемой самопровозглашенных республик. Однако вынести данный вопрос за скобки при всем желании не удастся. Учитывая общественное мнение, Б. Иванишвили подчеркивает, что его визит в Россию не состоится, пока у России есть посольства в Абхазии и Осетии[28]. Более того, пока не решится вопрос территориальной целостности Грузии, Б. Иванишвили не готов к восстановлению официальных дипломатических отношений между Россией и Грузией[29].

Если предположить, что грузинская политическая элита добивалась урегулирования отношений с Россией и выхода из состояния вооруженного конфликта, то это ей отчасти удалось. Заслуга Б. Иванишвили состоит в том, что благодаря его политике сложился новый формат отношений между Грузией и Россией, а также снижена острота «грузинского вопроса» в отношениях между Россией и Западом без пересмотра главного курса на сближение с США и ЕС.

Грузия и Запад

После победы на парламентских выборах коалиции «Грузинская мечта» Б. Иванишвили подтвердил преемственность прежнему курсу страны на европейскую интеграцию с ЕС и членство в НАТО, назвав западный вектор главным приоритетом внешней политики страны.

Свой первый зарубежный визит в качестве премьер-министра Грузии Б. Иванишвили 12–14 ноября совершил в Бельгию, проведя важные встречи с руководством Еврокомиссии и Европарламента. Ранее с первым зарубежным визитом он планировал посетить США. Однако с согласия американской стороны перенес свой визит на более позднее время в связи ноябрьскими президентскими выборами в США.

В отличие от М. Саакашвили, доведшего до крайности противостояние с Россией, Б. Иванишвили, выступая перед западными партнерами, не скрывал

своего намерения нормализовать отношения с Москвой. Не подвергая сомнению отношения с Западом, Б. Иванишвили улучшение отношений с Россией назвал своим «большим обязательством», признавая при этом, что совместить отношения с Россией и НАТО будет «сложно, но не невозможно». Своей политикой, убежден премьер-министр, М. Саакашвили усугубил положение Грузии, используя вопрос вступления в НАТО как «красную тряпку для быка». «При правильной дипломатии, правильном анализе и в правильное время, – считает Б. Иванишвили, – можно убедить Россию, что вступление Грузии в НАТО не создает РФ никакой опасности, и это не должно быть принципиально для Москвы»[30].

Смена новыми грузинскими властями курса на российском направлении была встречена спокойно в западных столицах. Госдепартамент США в конце октября 2012 года поддержал «улучшение отношений между Грузией и Россией», не видя «никаких противоречий между живыми и здоровыми грузино-американскими отношениями и живыми и здоровыми отношениями между Грузией и Россией»[31]. В ноябре посол США в Грузии Р. Норланд констатировал, что после парламентских выборов в стране, которые привели к смене власти, евроатлантический курс Тбилиси не изменился, а евроинтеграция Грузии имеет двухпартийную поддержку[32]. Действия Б. Иванишвили в сторону диалога с Россией приветствовал 12 ноября глава Еврокомиссии Жозе Мануэл Баррозу, отметив важность того, чтобы у стран – партнеров ЕС были хорошие отношения с ЕС, и, позитивно оценив назначение грузинским премьер-министром спецпредставителя по взаимоотношениям с Россией[33].

Напротив, резкое осуждение у западных партнеров Грузии вызвало внутреннее политическое противостояние между М. Саакашвили и Б. Иванишвили. Аресты, производимые новыми властями высокопоставленных представителей прежней администрации, были расценены преследованием политических оппонентов. Для США и ЕС важно, чтобы Грузия продолжила демократические реформы, а грузинская политическая элита оставалась внутренне консолидированной.

Все это может говорить о том, что курс Б. Иванишвили на нормализацию отношений с Россией, если и не был инициирован Западом, то, по крайней мере, получил сдержанное одобрение. Смена власти в Грузии была вопросом времени, и Б. Иванишвили для Запада – не самый худший вариант в условиях, когда назрела смена формата политики Грузии в отношении соседей.

После признания Россией Абхазии и Южной Осетии политика Грузии и Запада на Кавказе зашла в тупик. Перспективы вступления Грузии в НАТО и ЕС отодвинулись на более длительную перспективу, и Запад не готов ускорить этот процесс. Между тем фокус интересов США и ЕС сдвинулся южнее, в сторону Ближнего и Среднего Востока. В ситуации, когда Запад нуждается в диалоге с Россией по вопросам вывода войск из Афганистана, ситуации вокруг Сирии и Ирана, воинственность М. Саакашвили могла оказаться контрпродуктивной для западной стратегии. Не исключено, что Грузия в этих условиях стала

предметом торга между Россией и Западом, и приход к власти Б. Иванишвили является следствием двусторонней договоренности по снижению степени напряженности «грузинского вопроса».

С другой стороны, поддержка М. Саакашвили со стороны США заметно ослабла после смены администрации в Белом доме в ноябре 2008 года. Можно предположить, что демократическая администрация в рамках пересмотра стратегии на постсоветском пространстве решила заморозить на время «грузинский вопрос» и проекты республиканцев. Похожую картину мы наблюдаем в Украине, где приход к власти В. Януковича снизил напряженность России и Запада по «украинскому вопросу».

Надо понимать, что Запад заинтересован в сохранении прозападного курса Грузии и дрейф в сторону России новых грузинских властей огорожен «красными флажками», о которых США и ЕС периодически напоминают М. Саакашвили. Поэтому о реальном сближении с Россией речи быть не может, как в случае В. Януковича, так и в случае с Б. Иванишвили. В худшем случае мы имеем дело с «украинизацией» внешней политики Грузии при новом руководстве, в лучшем – это тактическая игра Грузии, Запада и России для решения текущих конкретных вопросов.

Показательно, что с весны 2013 года военные контакты между США и Грузией вновь активизировались. В конце марта на территории Грузии прошли грузино-американские военные учения Agile Spirit 2013, которые проводятся ежегодно с 2011-го. Цель учений – подготовка грузинских солдат к миссии в Афганистане. 2 апреля в Супсе, на черноморском побережье Грузии началось строительство Центра управления морскими операциями, осуществляемое при финансировании со стороны США. Как отмечает посольство США в Грузии: «Центр управления морскими операциями улучшит морскую безопасность Грузии как транзитной страны» [34].

Нетрудно заметить, что создаваемый при помощи США Центр управления морскими операциями может стать очередным звеном в усилении американского присутствия в Черноморско-Кавказском регионе.

Фактор Б. Иванишвили

Эксперты, наблюдающие за развитием ситуации в Грузии, считают премьер-министра Б. Иванишвили «темной лошадкой» грузинской политики. Forbes называет Б. Иванишвили богатейшим человеком Грузии. В 2012 году с состоянием 6,4 млрд. долларов он занял 153-е место в мировом списке миллиардеров Forbes [35]. Обстоятельства его прихода в политику и проводимый им курс вызывают диаметрально противоположные предположения.

В октябре 2011 года, после того как Б. Иванишвили объявил о своих политических планах, лидер Лейбористской партии Грузии Ш. Нателашвили заявил, что считает его ставленником США, а уход Б. Иванишвили в политику способом сохранить власть в руках правящей команды [36].

В средствах массовой информации высказывались предположения о том, что при помощи Б. Иванишвили президент М. Саакашвили решил повторить возвращение В. Путина во власть после одного президентского срока Д. Медведева. Несмотря на публичное противостояние в настоящее время, Б. Иванишвили и М. Саакашвили на протяжении многих лет тесно сотрудничали, однако не афишировали свое партнерство. Заслуживает внимания громкое заявление, сделанное в октябре 2011 года лидером христиан-демократов Г. Таргамадзе, который утверждал, что «в деле политического уничтожения Б. Патаркацишвили и потопления телевидения «Имеди» М. Саакашвили помогал именно Б. Иванишвили и поддерживал его финансами в борьбе против Патаркацишвили» [37]. Отвечая на эти обвинения, Б. Иванишвили признал, что «всячески поддерживал президента Грузии», но «на определенном этапе крайне разочаровался во власти». «Общество думало, что правительство Грузии финансировал (Джордж) Сорос, на самом же деле в основном эту сумму платил я» [38], – заявил тогда Б. Иванишвили, показав степень своего прежнего влияния на политические процессы в стране.

Вслед за версией «Б. Иванишвили ставленника Вашингтона» появилась версия «ставленника Москвы». В течение 2012 года в ходе предвыборной кампании М. Саакашвили и его сторонники, отмечая, что Б. Иванишвили на первый план выносит отношения с Россией, подпитывали подозрения в том, что Б. Иванишвили действует в угоду России. Оппоненты Б. Иванишвили указывают на его миллиардное состояние и активы, заработанные с 90-х годов в России, тесные связи в российском бизнес-сообществе и российское гражданство до октября 2011 года, до того как он вступил в активную политическую борьбу в Грузии. Премьер-министру также ставят в вину освобождение по амнистии в январе 2013-го лиц, задержанных в ходе спецоперации под кодовым названием «Энвер» и осужденных за шпионаж в пользу России. Кульминацией стало январское заявление президента М. Саакашвили, в котором он публично обвинил Б. Иванишвили в пророссийской политике. «Премьер ориентируется не на западные ценности, а на Россию, шпионов и агентов, которых он выпускает на свободу. Он уже говорит об отражении атаки Запада, который всегда помогал Грузии», – полагает М. Саакашвили [39].

Б. Иванишвили также приходится опровергать обвинения в связях с российским и грузинским криминальным миром. Обвинения касаются как самого Б. Иванишвили, так и его окружения. Накануне парламентских выборов Главная прокуратура Грузии распространила материалы, свидетельствующие о встрече в 2011 году на территории Франции представителя грузинской оппозиции, бывшего государственного министра Грузии по урегулированию конфликтов Г. Хаиндрасы с грузинскими «ворами в законе», якобы с целью создания заговора для дестабилизации ситуации в Грузии во время выборов [40]. В ответ «Грузинская мечта» заявила, что Г. Хаиндрава не входит в данный оппозиционный блок. Вслед за прокуратурой в проведении ряда мероприятий, установивших вмешательство в политику грузинских «воров в законе», отчи-

талось МВД Грузии. Из материалов МВД следовало, что «воры в законе» организовали давление на избирателей, с тем чтобы на выборах они голосовали за «Грузинскую мечту». По данным МВД, обеспечить запугивание избирателей грузинская мафия поручила криминальному авторитету Д. Хизанишвили из клана лидера российского криминального мира Аслана Усояна, известного как Дед Хасан[41].

После парламентских выборов раскручивание криминальной темы оппонентами Б. Иванишвили продолжилось. Поводом для этого стала объявленная властями амнистия и освобождение по амнистии из грузинских тюрем нескольких грузинских «воров в законе», что было интерпретировано, как результат сделки и благодарность ворами за помощь в процессе смены власти. Интрига состоит в том, что вслед за освобождением грузинских «воров в законе» 16 января в Москве был убит Дед Хасан. Таким образом, освобождение из тюрем грузинских криминальных авторитетов может иметь отношение к войне за власть в криминальном мире России и постсоветского пространства. Масла в огонь подлил грузинский журналист Г. Липартелиани, обвинив Б. Иванишвили в организации заказного убийства Деда Хасана. Более того, Г. Липартелиани обвинил Б. Иванишвили в заказном убийстве в 1994 году Отара Квантришвили. «Новые грузинские власти – это воровской, российский продукт», – утверждает журналист[42]. Существует и другая версия, согласно которой освобождение грузинских «воров в законе» и убийство Деда Хасана – это совместная операция российских и грузинских спецслужб.

Отдельный вопрос – французское гражданство Б. Иванишвили. На момент ухода в политику Б. Иванишвили помимо грузинского был обладателем еще российского и французского паспортов. На этом основании в начале октября 2011 года Б. Иванишвили после перехода в оппозицию был лишен грузинского гражданства. В декабре Россия удовлетворила его прошение об отказе от российского гражданства, в этом же месяце Б. Иванишвили инициировал процесс отказа от французского гражданства. Пока его заявление рассматривалось Францией, возглавляемый им блок «Грузинская мечта» выиграл парламентские выборы. В середине октября 2012 года грузинское гражданство Б. Иванишвили было восстановлено, и он возглавил правительство, фактически имея двойное гражданство: французское и грузинское. По законодательству Грузии, пост премьер-министра страны не может занимать лицо, имеющее двойное гражданство. Но, по всей видимости, премьер-министр намеренно затягивал процесс отказа от французского гражданства, и стремится его сохранить, внося изменения в законодательство. Это свидетельствует о том, что деловые и политические интересы Б. Иванишвили как крупного предпринимателя и миллиардера носят транснациональный характер. Б. Иванишвили находится в центре пересечения нескольких групп интересов, и выводы о его лояльности лишь одной из сторон, например России, не имеют под собой реальной почвы.

Неожиданным было заявление Б. Иванишвили, сделанное в сентябре 2012 года, перед парламентскими выборами, о намерении покинуть политику через два года, после того как он станет премьером. По его словам, за этот период он намерен заложить «основу для формирования реальных демократических институтов и приоритета верховенства закона», а также «создать команду и оставить во власти такие кадры, которые будут реализовывать программу «Грузинской мечты»[43]. После победы на выборах Б. Иванишвили вновь подтвердил намерение уйти из политики в 2014 году после местных выборов, озвучив решение перейти в гражданский сектор и оттуда контролировать правительство[44]. Недели спустя Б. Иванишвили сделал оговорку, что может пересмотреть свое решение, если он и его команда не сможет выполнить свои обещания за полтора года. «Но если понадобится, я никуда не уйду, и буду бороться на следующих выборах», – заявил Б. Иванишвили[45].

Грузия и транспортно-энергетические проекты

Приход к власти в Грузии нового правительства во главе с Б. Иванишвили вызвал много вопросов относительно приверженности Грузии курсу на углубление отношений с Западом и степени влияния России на внутреннюю и внешнюю политику грузинского правительства. Если до недавнего времени Грузия твердо стояла на пути интеграции в ЕС и НАТО и находилась на острие западной политики, направленной на сдерживание и ослабление региональных позиций России, то Б. Иванишвили все больше проявляет себя как сторонник сбалансированной внешней политики и нормализации отношений с Россией. Эти тренды актуализируют вопрос о том, как приход к власти Б. Иванишвили отразится на дальнейших перспективах транспортно-коммуникационных и энергетических проектов «Центральная Азия – Кавказ – Турция – Европа», проходящих через грузинскую территорию.

Грузинская оппозиция после выборов выразила опасение, что новые власти страны в обмен на отход России от жесткой линии в двусторонних отношениях пересмотрят роль Грузии в указанных проектах, что могло бы сыграть на руку России. Исключив из этих проектов Грузию, играющую ключевую транзитную роль на Кавказе, Россия могла бы на ближайшие пять – восемь лет вновь вернуть себе стратегическую инициативу в регионе.

Поводом для подобных предположений стало интервью Б. Иванишвили в газете «Резонанс», опубликованное 21 декабря накануне его визита в Азербайджан. В нем премьер-министр Грузии поставил под сомнение выгоду для Грузии от строящейся железнодорожной магистрали Баку – Тбилиси – Карс. «На каком-то этапе это может не быть нам полезно, и вопрос требует урегулирования», – отметил Б. Иванишвили, собираясь поставить данный вопрос перед азербайджанской стороной в ходе визита[46].

Заявление Б. Иванишвили раскритиковал президент М. Саакашвили, сказав в ответ на это, что подобные заявления «отдалят Грузию от Европы и свяжут с

Россией кабальными отношениями»[47]. 24 декабря Б. Иванишвили опроверг обвинения в свой адрес, акцентируя внимание на экономической стороне вопроса. По его словам, «есть угроза, что после вступления в эксплуатацию железнодорожной магистрали Карс – Ахалкалаки – Тбилиси – Баку грузооборот на «старой» железной дороге страны, как и в грузинских портах, уменьшится»[48].

Дискуссию среди экспертов также оживили заявления грузинских властей о возможном открытии и использовании абхазского участка грузинской железной дороги в случае нормализации грузино-российских отношений и при условии прогресса в переговорах о статусе самопровозглашенных республик. Таким образом Б. Иванишвили демонстрирует готовность обсудить с Россией реализацию в регионе взаимовыгодных экономических проектов с возможным привлечением российского капитала.

Продление существующих и проектируемых транспортных и энергетических коридоров до территории России и подключение к ним Армении позволило бы Грузии более эффективно использовать свои транзитные и транспортно-распределительные функции и интенсифицировать региональное и межрегиональное сотрудничество. Это стабилизировало бы обстановку в регионе, но спровоцирует усиление конкуренции между турецкими, европейскими и российскими инфраструктурными проектами в регионе.

Для стран Центральной Азии, включая Казахстан, в зависимости от степени присутствия России в данных проектах имеются и плюсы, и минусы. Если присутствие России будет уравниваться, то снижение напряженности в российско-грузинских отношениях в целом будет способствовать улучшению делового и инвестиционного климата в Грузии, что отвечает интересам Казахстана. Напротив, получение Россией возможности контроля над транспортной и трубопроводной инфраструктурой Грузии угрожает центральноазиатским странам снижением эффективности кавказского направления как альтернативного маршрута для экспорта энергоресурсов.

К настоящему времени, грузинские власти не предприняли каких-либо практических шагов, свидетельствующих о пересмотре позиции в отношении трубопроводов. Заявления представителей Тбилиси пока говорят о том, что Грузия намерена отстаивать свои экономические интересы в данных проектах и подвергать более тщательной экспертизе их экономическую выгоду для страны.

Несмотря на смягчение напряженности между Грузией и Россией благодаря политике Б. Иванишвили, реального прогресса в отношениях не наблюдается. На этом фоне с весны 2013 года во внешнеполитическом курсе Грузии набирает обороты обратный тренд. В Батуми 28 марта прошла встреча глав МИД Турции, Грузии и Азербайджана, которая подтвердила намерение данных стран развивать диалог в трехстороннем формате. Еще одним важным событием стало заявление, сделанное 5 апреля госминистром Грузии по евроинтеграции Алекси Петриашвили, о рассмотрении Грузией вопроса использования железной дороги «Баку – Тбилиси – Карс» для транзита грузов из Афганистана. Это может означать, что Грузия наряду с Азербайджаном вскоре

может быть определена одним из маршрутов для вывода западных войск и военной техники из Афганистана. Открывается перспектива для создания на территории Грузии транзитного пункта США и НАТО и размещения здесь части военной техники, вывозимой из Афганистана.

Тема энергетических и транспортно-коммуникационных проектов в обход России, включая проект строительства железной дороги Баку – Тбилиси – Карс, прозвучала также в ходе визита М. Саакашвили в Турцию, куда грузинский президент прибыл 6 апреля, где состоялись его переговоры с турецким руководством.

Подобная активность грузинских властей на южном направлении, по существу, призвана продемонстрировать сохранение актуальности для Грузии антироссийских транспортно-коммуникационных проектов на Кавказе. Если при этом учесть, что Грузия при американской финансовой помощи в начале апреля начала строительство в Супсе Центра управления морскими операциями, то говорить об изменении в пользу России трубопроводной политики Грузии пока преждевременно.

Литература

1. Парламент утвердил состав правительства Иванишвили// Вести, 25 октября 2012.
2. Парламент Грузии принял новую конституцию страны// Русская служба Би-би-си, 15 октября 2010.
3. Саакашвили пообещал не устраивать политического кризиса в Грузии// Вестник Кавказа, 17 января 2013.
4. Иванишвили призвал Саакашвили уйти в отставку// РИА «Новости», 2 октября 2012.
5. Парламент начинает работу над освобождением «незаконных заключенных» и амнистией//Новости – Грузия, 29 октября 2012.
6. Парламент Грузии официально признал политзаключенными 190 человек// Кавказский узел, 5 декабря 2012.
7. Тактакишвили: «Сегодня один из самых постыдных моментов в истории Грузии!»//Новость.ge, 6 декабря 2012.
8. Парламент Грузии принял закон «Об амнистии», под которую подпадают 190 политзаключенных// РБК, 22 декабря 2012.
9. Саакашвили: Я лично посоветовал Иванишвили не освобождать Чахалаяна// Mardik.am, 29 декабря 2013.
10. Иванишвили обещает регионам Грузии больше прав//Эхо Кавказа, 28 октября 2012.

11. Иванишвили освободил идеолога армянского сепаратизма в Джавахетии – Генсек Единого национального движения// 1NEWS.az, 25 января 2013.
12. За освобождение «врага Грузии» Чахалаяна ответственен лично Иванишвили – Саакашвили// Новости – Грузия, 25 января 2013.
13. Иванишвили поблагодарил грузинских армян за поддержку// Новости – Армения, 17 января 2013.
14. Саакашвили: Для наведения порядка в Джавахетии правительству понадобилось 2 года// Регнум, 29 января 2013.
15. Саакашвили не хочет подражать армянам во внешнеполитическом курсе// Вестник Кавказа, 1 февраля 2013.
16. Халатян А. Ереванский визит Иванишвили. Эпизод I: Новая надежда// Кавказская политика, 21 января 2013, <http://kavpolit.com/erevanskij-vizit-ivanishvili-epizod-i-novaya-nadezhda>.
17. Иванишвили рассказал людям Саакашвили, как вернуть Абхазию и Южную Осетию// Росбалт, 24 октября 2012.
18. Тбилиси назвал условия диалога с Москвой// Lenta.ru, 6 августа 2011.
19. «Мы должны защитить своих производителей сыров, потому что вступаем в ВТО»// Коммерсантъ FM, 7 февраля 2012.
20. Иванишвили рассказал западным СМИ о будущих отношениях с Россией// Взгляд, 28 сентября 2012.
21. Медведев: «Единая Россия» готова к диалогу с Грузией// ВВС Русская служба, 2 октября 2012.
22. Премьер-министр Грузии назначил спецпредставителя по вопросам взаимоотношений с РФ// Кавказский узел, 1 ноября 2012.
23. Киндзмараули просочилось через Онищенко// Газета.ru, 15 декабря 2012.
24. Путин: Вопрос о грузинских товарах в России надо деполитизировать// Взгляд, 20 декабря 2012.
25. МИД РФ: допуск грузинских товаров на рынок РФ в плане политики решен// РИА «Новости», 21 декабря 2012.
26. По словам Панджикидзе, Иванишвили и Медведев познакомились друг с другом во время краткой беседы// Civil.ge, 24 января 2013.
27. Премьеры России и Грузии пообщались впервые с момента разрыва дипломатических отношений// Regnum, 24 января 2012.
28. Иванишвили не поедет в Россию, пока она не покинет Абхазию и Осетию// Rosbalt.ru, 22 ноября 2012.
29. Грузия не готова возобновлять дипотношения с Россией// ВВС, Русская служба, 26 декабря 2012.
30. Иванишвили: Совместить членство в НАТО и дружбу с РФ сложно, но можно// Росбалт, 2 октября 2012.

31. Америка не видит противоречий между здоровыми отношениями Грузии с США и с Россией// Новости – Грузия, 29 октября 2012.
32. Евроатлантический курс Грузии не изменился – посол США// Новости – Грузия, 5 ноября 2012.
33. Премьер Грузии Иванишвили заявил из Бельгии о желании нормализовать «исторические отношения» с Россией// NEWSru.com, 12 ноября 2012.
34. При финансировании США в Грузии создается центр управления морскими операциями// Trend.az, 2 апреля 2013.
35. <http://www.forbes.ru/sobytiya/151862-bidzina-ivanishvili-evropa-vot-nash-vybor>.
36. Лейбористы называют Иванишвили ставленником США// Новости – Грузия, 17 октября 2011.
37. Таргамадзе: «Иванишвили финансировал Саакашвили для уничтожения Патаркацишвили»// Грузинформ, 13 октября 2011.
38. Иванишвили: Саакашвили финансировал я, а не Сорос// Росбалт, 21 октября 2011.
39. Иванишвили уводит Грузию от Запада к России – Саакашвили// 1NEWS.az, 14 января 2013.
40. Прокуратура Грузии обвинила экс-министра Гогу Хаиндрава в сговоре с «ворами в законе»// ИА «Прайм Крайм», 25 сентября 2012.
41. Авторитета из клана Деда Хасана, готовящего смену власти в Грузии, короновали по Skype// NEWSru.com, 27 сентября 2012.
42. В убийстве Деда Хасана увидели руку Бидзины Иванишвили// News.am, 22 января 2013.
43. Иванишвили уйдет из большой политики через два года// GeorgiaTimes, 18 сентября 2012.
44. Когда уйдет Иванишвили// GeorgiaTimes, 14 ноября 2012.
45. Иванишвили может пересмотреть решение уйти из политики// РИА «Новости», 22 ноября 2012.
46. Железная дорога Карс – Ахалкалаки может быть невыгодна Грузии – Иванишвили// Бизнес – Грузия, 21 декабря 2012.
47. Вопросы касательно ж/д Баку – Карс – Ахалкалаки не напрягли азербайджанцев – Иванишвили// Регнум, 28 декабря 2012.
48. Проект «Карс – Ахалкалаки» способен снизить грузооборот «старой» ж/д Грузии – Иванишвили// Новости – Грузия, 24 декабря 2012.

СИСТЕМА ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В КАЗАХСТАНЕ: ОСОБЕННОСТИ И МЕХАНИЗМЫ

Андрей Чеботарев

В современной политической науке идеология определяется как система взглядов, идей, убеждений, ценностей и установок, которые выражают интересы различных социальных общностей (группы, классы, общества и т. д.) и в которых осознаются и оцениваются отношения людей к существующей действительности и друг к другу[1].

Чаще всего идеологию связывают с политическими партиями и другими общественно-политическими организациями, которые строят свою деятельность в соответствии с определенными программными установками, в свою очередь, отражающими ценностно-ориентационные компоненты того или иного идеологического течения.

В Казахстане в период его пребывания в составе Союза ССР продолжительное время существовала официальная идеология монополично правящей Коммунистической партии Советского Союза – марксизм-ленинизм. Однако с падением тоталитарного советского строя и распадом СССР постепенно были разрушены и многие его ценности. Прежде всего казахстанцы перестали идентифицировать себя с институтами советского строя (КПСС, комсомол и т. д.). Вместе с тем деидеологизация общественных отношений привела к массовой дезориентации населения республики, что отрицательно отразилось и в духовно-нравственной сфере.

Так или иначе, но именно в этих условиях, совпавших с первыми годами суверенитета Казахстана, происходит переосмысление роли и места идеологии в общественно-политической жизни страны. В новых социоисторических реалиях, связанных с провозглашением Казахстана независимым государством, руководство республики предприняло меры, призванные преодолеть идейно-духовный вакуум общества и придать новое идеологическое обоснование его дальнейшему развитию. Разработку и представление Президентом Республики Казахстан Н. А. Назарбаевым в 1992–1993 годах своих идеологическо-теоретических произведений «Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства» и «Идейная консолидация общества как условие прогресса Казахстана» можно рассматривать как первые шаги по оформлению новой официальной идеологии страны.

Обобщение современных научно-теоретических представлений о государственной идеологии позволяет сформулировать следующее определение этого явления:

Государственная идеология представляет собой целостную и систематизированную совокупность идей, знаний, представлений, ценностей и принципов соответствующего государства, в которых образующая его общность людей (народ, нация) непосредственно и/или через официальные институты, которым она делегировала осуществление государственной власти, осознает себя и свое положение в окружающей действительности, определяет формы организации своего существования, выражает и обосновывает свои цели, потребности и интересы как единого целого, определяет пути и ориентиры своего развития, формулирует и корректирует по мере необходимости приоритеты политики данного государства.

Несмотря на то что в большинстве стран мира государственная идеология как таковая отсутствует, во всяком случае в ее советском варианте, тем не менее в каждой из них имеется система ценностей и идей, сплачивающих соответствующее общество как совокупности граждан данного государства и членов сложившейся здесь национально-культурной общности, содержащих представления об истории становления данного народа и его государственности, о его политических, экономических, культурных, правовых и морально-нравственных традициях и устоях. Для этой системы более подходит другое понятие – *национальная идея*.

Именно такого подхода, судя по всему, придерживается и Казахстан. Вместе с тем в силу транзитного характера формирования современного казахстанского общества и государства и влияния ряда сопутствующих ему факторов четко обозначенной национальной идеи здесь еще фактически не сложилось. Во всяком случае, на таком уровне, чтобы основным субъектом ее формирования и ее носителем был народ Казахстана.

В этих условиях государству приходится выполнять идеологическую функцию, выражающуюся в формировании и поддержании ценностей и идей, разделяемых абсолютным большинством казахстанцев. При этом соответствующая работа выражается в сохранении и активном развитии традиционных ценностей и идеалов, прежде всего казахов как государствообразующего этноса, с одной стороны, и наполнении общественного сознания качественно новым социоисторическим и духовным содержанием – с другой.

Основные подходы руководства страны к официальной идеологии отражены в Концепции формирования государственной идентичности Республики Казахстан, утвержденной распоряжением Президента РК 23 мая 1996 года, следующим образом: «В Казахстане признано идеологическое и политическое многообразие. Это, по сути, отказ от монополии на истину и от идейного единообразия. Важно исходить из того, что идеология ни одного общественного объединения не должна претендовать на статус общегосударственной. Поскольку любое общественное объединение выражает интересы только

части граждан, то основными идеями государства должны стать единство народа, гражданский мир, социальная стабильность, межнациональное и межконфессиональное согласие, компромисс и терпимость. В обществе должны утвердиться духовные ценности, основанные на общечеловеческих нормах морали, национальных традициях, воспитывающие гражданскую ответственность и патриотизм»[2].

Таким образом, при обеспечении в обществе идеологического плюрализма государство оставляет за собой право формировать и поддерживать общую для всех казахстанцев систему взглядов и ценностей, что особенно актуально в контексте многоэтничного, многоконфессионального и поликультурного уклада казахстанского общества. Соответственно этому государством проводится определенная идеологическая работа.

Нужно отметить, что если идеологию можно рассматривать как научно-теоретическую категорию, то понятие «идеологическая работа», скорее всего, следует отнести в разряд прикладных. Для ее четкого понимания следует обратиться к практике современной Беларуси, являющейся партнером Казахстана по Таможенному союзу и Единому экономическому пространству. В этой стране идеологическая работа носит системный характер и подкреплена многочисленными научно-теоретическими разработками и, что самое важное, разветвленным механизмом ее реализации. По свидетельству некоторых теоретиков основ белорусской идеологии, среди населения само слово «идеология» уже не вызывает неприятных ассоциаций, а воспринимается как составной элемент политики белорусского государства. При этом в обществе сформировался социальный заказ на проведение идеологической работы[3].

Непосредственно идеологическая работа определяется в Беларуси как *«совокупность адаптивных, социально значимых форм и методов общественного воздействия на формирование мировоззрения человека, его нравственной и духовной культуры, этики межличностных, межнациональных, межконфессиональных отношений, гражданских компетенций в контексте ценностей и идеалов белорусского общества, цивилизационного процесса, международного права»[4].*

Представляется, что относительная успешность проведения идеологической работы в Беларуси обусловлена следующими ключевыми факторами. Во-первых, сочетанием в рамках идеологии элементов, отражающих традиционные этнокультурные ценности белорусов (толерантность, трудолюбие, патриотизм, коллективизм, основанный на признании приоритета общего интереса, и т. д.), с одной стороны, и идеи, призванные консолидировать население страны (государственность, суверенитет, гражданственность и т. д.) – с другой. Можно сказать, что белорусское руководство пытается сформировать своего рода синтез государственной идеологии и национальной идеи.

Во-вторых, высоким уровнем поддержки значительной частью населения официального политического курса, проводимого президентом страны Алек-

сандром Лукашенко. При этом роль самого президента в идеологической политике государства признается определяющей.

В-третьих, выстраиванием идеологической вертикали в системе государственной власти и управления Беларуси. Она включает Главное идеологическое управление Администрации Президента РБ, управления и отделы идеологической работы областных, районных и городских исполнительных комитетов. В систему идеологической работы также вовлечены руководители государственных СМИ. Помимо этого на руководителей других государственных органов и организаций возложена персональная ответственность за состояние идеологической работы в коллективах работников[5].

Еще одной особенностью официальной идеологии Беларуси является ее надпартийный характер. Это обусловлено тем, что в политической системе страны нет института правящей партии, которая бы имела либо монопольное право, либо преимущественное положение на разработку и продвижение в обществе своего собственного мировоззрения. Надо сказать, что даже Палата представителей Национального собрания формируется на мажоритарной основе и не имеет депутатских фракций политических партий. Это делает государственную идеологию общенациональной и максимально привлекательной в обществе. Вместе с тем руководство Беларуси опирается на сеть общественно-политических организаций, которые поддерживают его политику и участвуют в той или иной степени в идеолого-пропагандистском процессе. Это, в частности, Белорусский республиканский союз молодежи, Белорусский союз женщин, Белорусское общественное объединение ветеранов, Федерация профсоюзов Беларуси и т. д.

В отличие от Беларуси государственная идеология Казахстана находится в неоднозначном положении. С одной стороны, она не является официально признанным атрибутом системы государственной власти и управления. Соответственно это касается и идеологической работы государства и его уполномоченных органов, которая никак не отражена в действующем праве республики.

С другой стороны, как уже отмечалось выше, официальная идеология все же имеет место. Реально она проявляется на следующих основных уровнях:

1) положения Конституции как Основного Закона Республики Казахстан, где идеология государства находит свое максимально концентрированное выражение;

2) идеи Президента РК, озвученные в его ежегодных Посланиях народу Казахстана, выступлениях на различных публичных мероприятиях, а также научных и идеолого-теоретических произведениях;

3) идеи, отраженные в концепциях, государственных программах, стратегических планах и иных официальных документах.

Также имеются базовые идейно-политические концепты, которые постоянно применяются на официальном уровне и выступают в качестве своего рода руководства к деятельности государства и его органов. Это, в частности, гражданский мир, внутривластная стабильность, общественное, межэтническое

(межнациональное) и межконфессиональное согласие, национальное единство, религиозная толерантность, социальная и политическая модернизация.

Соответственно всему этому в Казахстане действует и система идеологической работы, которая выглядит следующим образом*:

№	Государственный институт (орган) или негосударственная структура	Направления деятельности, функции по линии идеологии
1	Президент	1. Обращение с ежегодным устным или письменным Посланием к народу Казахстана о положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики республики. 2. Утверждение государственных программ и стратегических планов.
2	Государственный секретарь	Выработка для Президента РК предложений по основным направлениям внутренней политики
3	Отдел внутренней политики Администрации Президента РК	1. Внесение предложений по: – формированию и совершенствованию внутренней политики государства, в том числе государственной информационной и молодежной политики, политики в сферах развития гражданского общества и прав человека, межконфессиональных отношений, образования, общественно-гуманитарных наук, здравоохранения, демографии, культуры, языковой политики и спорта; – обеспечению внутривнутриполитической стабильности в стране, в том числе в межконфессиональной сфере. 2. Организация разъяснения в СМИ проводимой Президентом РК внутренней политики.
4	Министерство культуры и информации	1. Формирование государственной политики в области культуры, охраны и использования объектов историко-культурного наследия, языковой политики, информации, архивного дела и документации и взаимодействия с общественными организациями. 2. Разработка государственных и отраслевых (секторальных) программ в областях культуры, охраны и использования объектов историко-культурного наследия,

		<p>языковой политики, информации, архивного дела и документации.</p> <p>3. Проведение международных, республиканских и иных мероприятий, акций и конкурсов, направленных на укрепление внутривнутриполитической стабильности, межэтнического согласия.</p> <p>4. Осуществление взаимодействия с общественными организациями по реализации государственной и отраслевых (секторальных) программ.</p> <p>5. Проведение социально значимых мероприятий в области культуры.</p> <p>6. Обеспечение всемерного развития государственного языка, укрепление его международного авторитета.</p> <p>7. Формирование, размещение и контроль издания литературы на республиканском уровне, а также создание национальных фильмов.</p> <p>8. Координация деятельности организаций культуры.</p> <p>9. Координация репертуарной политики в сфере музыкального и театрального искусства.</p> <p>10. Взаимодействие с творческими союзами и другими организациями независимо от формы собственности по вопросам культуры.</p> <p>11. Координация деятельности центральных и местных исполнительных органов по вопросам СМИ.</p> <p>12. Формирование и размещение государственных заказов по проведению государственной информационной политики на республиканском уровне.</p>
5	Министерство образования и науки	1. Формирование единой государственной политики в области образования, научной и научно-технической деятельности, а также государственной молодежной политики.

		<p>2. Разработка и внедрение в практику работы организаций образования программ и методик, направленных на формирование законопослушного поведения несовершеннолетних, привитие им основ нравственности и здорового образа жизни.</p> <p>3. Проведение государственной молодежной политики и разработка программ по ее реализации.</p> <p>4. Повышение патриотического самосознания и гражданской активности молодежи.</p> <p>5. Организация информационного и научного обеспечения деятельности по реализации государственной молодежной политики.</p> <p>6. Обеспечение учебниками и учебно-методическими комплексами республиканских организаций среднего образования.</p> <p>7. Выдача разрешений к использованию учебников, пособий и другой литературы для организаций образования.</p> <p>8. Формирование приоритетных направлений фундаментальных и прикладных научных исследований.</p>
6	Министерство здравоохранения	<p>1. Организация, координация и методическое руководство формирования здорового образа жизни.</p> <p>2. Организация разъяснительной работы среди населения по вопросам охраны здоровья.</p>
7	Министерство обороны	<p>1. Организация работы по морально-психологическому обеспечению войск с целью формирования у личного состава высоких боевых и морально-нравственных качеств.</p> <p>2. Осуществление контроля за деятельностью и качеством учебно-воспитательной работы ведомственных военно-учебных заведений и других организаций образо-</p>

		<p>вания, осуществляющих военную подготовку.</p>
8	Министерство иностранных дел	<p>1. Содействие распространению за рубежом информации о внешней и внутренней политике, социально-экономической, культурной и духовной жизни страны.</p> <p>2. Формирование положительного имиджа Казахстана на международных рынках.</p>
9	Агентство по делам религий	<p>1. Осуществление государственного руководства в сфере обеспечения межконфессионального согласия, прав граждан на свободу вероисповедания и взаимодействия с религиозными объединениями.</p> <p>2. Выработка предложений по формированию государственной политики в сфере обеспечения реализации прав граждан на свободу вероисповедания и взаимодействия с религиозными объединениями.</p> <p>3. Проведение разъяснительной работы по вопросам государственной политики в области обеспечения прав граждан на свободу вероисповедания.</p> <p>4. Обеспечение проведения религиозно-научных экспертиз.</p> <p>5. Осуществление информационно-пропагандистских мероприятий по вопросам, относящимся к компетенции агентства.</p>
10	Управления внутренней политики областей, городов Астана и Алматы**	<p>1. Реализация государственной политики по обеспечению внутривнутриполитической стабильности, единства народа и консолидации общества в регионе.</p> <p>2. Информационно-идеологическое сопровождение деятельности местных исполнительных органов региона по ключевым направлениям внутренней политики, в том числе по вопросам реализации государственной политики в области образования, здравоохранения, социального обеспечения и защиты на-</p>

		<p>селения, занятости, межэтнического и межконфессионального согласия, патриотического воспитания и молодежной политики, пропаганды государственных символов, в языковой, информационной, культурной, гендерной и семейно-демографической сферах.</p> <p>3. Формирование социального оптимизма жителей региона.</p> <p>4. Обеспечение разъяснения и пропаганды в регионе основных приоритетов Стратегии развития Казахстана до 2030 года, ежегодных Посланий Президента народу Казахстана, государственных и отраслевых программ и других стратегических документов.</p> <p>5. Организация информационно-разъяснительной работы о деятельности местных исполнительных органов в социально-экономической, общественно-политической и других сферах.</p> <p>6. Организация в регионе деятельности информационно-пропагандистских групп (ИПГ) республиканского и регионального значения по разъяснению и пропаганде ежегодных Посланий Президента народу Казахстана и других стратегических документов, информационно-методическое обеспечение ИПГ.</p> <p>7. Обеспечение эффективной реализации государственной информационной политики в регионе.</p>
11	Ассамблея народа Казахстана	<p>1. Создание благоприятных условий для дальнейшего укрепления межэтнического согласия и толерантности в обществе.</p> <p>2. Формирование политико-правовой культуры граждан, опирающейся на демократические нормы.</p> <p>3. Содействие формированию казахстанского патриотизма.</p> <p>4. Пропаганда казахстанской модели межэтнического и межконфессионального согласия в стране и за рубежом.</p>

		<p>5. Осуществление просветительской и издательской деятельности, направленной на достижение межэтнического согласия.</p> <p>6. Поддержка казахской диаспоры в зарубежных странах в вопросах сохранения и развития родного языка, культуры и национальных традиций, укрепления ее связей с исторической Родиной.</p> <p>7. Методическая помощь этнокультурным общественным объединениям.</p> <p>8. Проведение семинаров, конференций, осуществление иных мероприятий, обеспечивающих диалог государственных органов и общественных объединений по вопросам межэтнических отношений.</p>
12	Народно-демократическая партия «Нур Отан»	<p>1. Укрепление идейной и организационной основы общенациональной консолидации вокруг курса Первого Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Нурсултана Назарбаева.</p> <p>2. Дальнейшее развитие базовых ценностей казахстанского общества[6].</p>
13	Информационно-пропагандистские группы	Проведение целенаправленной информационно-политической работы среди населения по пропаганде, разъяснению и продвижению ежегодных Посланий Президента страны народу Казахстана
14	Государственные средства массовой информации	Реализация государственной информационной политики
15	Частные СМИ, получающие и реализующие государственный информационный заказ	

* Данная таблица разработана с учетом положений Конституции и действующего законодательства Республики Казахстан, определяющих соответствующие направления деятельности, функции рассматриваемых государственных институтов (органов) и негосударственных структур

** На примере Управления внутренней политики Актюбинской области (см. Положение о государственном учреждении «Управление внутренней политики Актюбинской области» (<http://sayasat.aktobe.gov.kz/ru/node/1343>))

Очевидно, что главенствующую роль в процессе формирования, а также определения путей и механизмов продвижения официальной идеологии Казахстана в силу своего конституционного положения играет Президент республики. Показательным в этом отношении, в частности, является публикация 10 июля 2012 года в газете «Казахстанская правда» фактически программной статьи главы государства «Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда».

Одной из ключевых идеологических установок здесь можно считать критический подход к доминирующей в современном обществе идеологии потребления. Так, по словам главы государства: «Сегодня стала очевидной иллюзорность концепции потребительского общества, которая была широко распространена с 60-х годов прошлого столетия. Сегодня весь мир с особой остротой убедился, что эта идеология потребления оказалась губительной. Она породила массовое социальное иждивенчество в развитых странах мира и является одной из главных причин глобального кризиса»[7].

Таким заявлением фактически был дан старт процессу формирования в казахстанском обществе качественно новой культуры потребления. Представляется, что эта культура должна быть основанной на чувстве ответственности граждан за развитие общества и государства и их социальной активности в этом процессе, а также исключить социальное иждивенчество и эгоистичное удовлетворение людьми своих потребностей. В практическом же отношении глава государства поставил перед правительством и другими государственными органами 20 поручений в рамках проведения социальной модернизации. В целом, соответствующие установки Президента РК способны заложить основу для долгосрочного стратегического тренда на ориентацию деятельности государства и его органов в интересах повышения уровня и качества жизни казахстанцев и совершенствования социальной политики страны.

Что касается других отмеченных выше государственных и негосударственных структур, то они в рамках своих направлений работы и полномочий призваны непосредственно продвигать и популяризировать соответствующие идейно-политические установки Президента РК среди населения.

Отдельно следует выделить такой институт, как информационно-пропагандистские группы (ИПГ). Впервые такие группы появились в мае 2000 года в целях разъяснения и пропаганды первоочередных мероприятий правительства и программы его действий на 2000–2002 годы[8]. Первоначально они создавались на межведомственной основе из числа представителей руководящего состава центральных исполнительных органов. Впоследствии статус и деятельность ИПГ подверглись серьезным изменениям. Прежде всего их главными задачами стали пропаганда, разъяснение и продвижение ключевых установок Президента РК, озвученных им в рамках своих ежегодных Посланий народу Казахстана. При этом ИПГ стали образовываться и действовать на всех уровнях административно-территориального деления страны – от республиканского до сельского. Наконец, помимо госслужащих в их число входят депутаты

Парламента и маслихатов, представители поддерживающих официальный политический курс партий, НПО и экспертного сообщества.

Вместе с тем, несмотря на наличие системы и механизмов идеологической работы в Казахстане, она в силу ряда причин осуществляется на недостаточном уровне. На первое место среди них, видимо, следует поставить отмеченный выше факт расхождения между положением официальной идеологии на уровнях де-факто и де-юре. То есть реально она присутствует, но официального статуса, как, например, в той же Беларуси, и вытекающих из него подходов и возможностей для своего продвижения не имеет.

Показательным в этом отношении являются следующие противоположные друг другу две точки зрения по данной проблеме:

1. Официальная (из Стратегического плана Минкультуры и информации РК на 2011–2015 гг. – **Прим. авт.**): «Учитывая, что одной из ключевых задач государства является проведение эффективной идеологической работы с широкими слоями населения, требуются дальнейшее совершенствование механизмов и методов организации информационно-пропагандистской деятельности, расширение сотрудничества в этой сфере с институтами гражданского общества, разработка и внедрение методологической и технической базы, отвечающих современным требованиям»[9].

2. Альтернативная (озвучена председателем Комитета по финансам и бюджету Мажилиса Парламента РК Гульжан Карагусовой. – **Прим. авт.**): «Надо признать честно – за 20 лет были существенные пробелы в идеологической работе. Нет государства без идеологии! Если этой работой не займется государство на своем уровне, этим займется религия, извращенная, фундаментальная. Если государство не будет работать со своим народом с момента рождения, это сделают за государство деструктивные силы. Не надо бояться этого слова – идеология, оно есть в каждом государстве... И, если мы опоздаем с идеологией, то мы дорожке заплатим. Возможно, и человеческими жизнями, судьбами»[10].

Как видим, обе стороны признают необходимость осуществления идеологической работы. Вместе с тем даже по официальной линии видно, что данное направление государственной деятельности нуждается в совершенствовании важных механизмов ее реализации. Тогда как позиция парламентария вообще основана на том, что идеология должна быть именно признана на официальном уровне и продвигаться более активно, чем в настоящее время.

Отдельные эксперты также видят серьезные недостатки в процессе идеологической работы в большом количестве непосредственно ответственных за нее госорганов и должностных лиц при отсутствии четкой координации их деятельности и отсутствии эффективного взаимодействия между ними. Так, по оценкам главного редактора биографической энциклопедии «Кто есть Кто в Казахстане» Данияра Ашимбаева, «в этом секторе много «смотрящих»: есть госсекретарь, замруководителя по идеологии, премьер, пресс-секретарь президента, советник президента по политическим вопросам,

вице-премьер по социальной политике... Непосредственным руководителям СМИ приходится иметь дело с кучей руководителей, которые дают массу взаимоисключающих приказов. Фактически идеологическая работа была парализована»[11].

Если принимать во внимание соответствующий опыт различных зарубежных государств, провозглашающих свою приверженность демократии и политическому плюрализму, то общенациональные идейно-духовные ценности здесь помимо государства формируют и поддерживают различные социальные институты, включая семью, религию, частные учреждения образования, партии, профсоюзы, СМИ и т. д. Государство же, как правило, выполняет лишь определенные идеолого-пропагандистские функции.

В Казахстане же ни один из данных институтов, за исключением именно государства, в силу разных факторов не в состоянии выполнять указанные задачи. Разве что различные общественные организации и СМИ в той или иной степени оказывают содействие государству в проведении идеологической работы. Но вместе с тем они сами не формируют, а всего лишь передают, причем часто в собственной интерпретации, те или иные идейно-политические ценности и установки. В связи с этим сложно оценить уровень приверженности последним самих этих организаций и масс-медиа. Тем более что многие из них делают это небезвозмездно, в частности, в рамках государственного социального или информационного заказа. К тому же не наблюдается какой-либо системности в соответствующей деятельности рассматриваемых негосударственных структур, включая ее координации со стороны уполномоченных госорганов.

Немаловажно и то, что в Казахстане в условиях политического и идеологического плюрализма наряду с официальной идеологией действуют альтернативные идейно-политические течения, имеющие своих проводников и приверженцев. На левом фланге политического поля страны речь в основном идет о коммунистических (марксизм-ленинизм, троцкизм и т. д.) и социал-демократических идеях. Тогда как правый фланг в этом отношении представлен в основном всевозможными вариациями неолиберализма. Однако фактически универсальными в силу отсутствия четко определенных политических рамок и поэтому наиболее серьезными оппонентами официальной идеологии выступают национал-патриотические идеи, основанные на политизации состояния государственного языка и других актуальных вопросов развития казахского этноса.

По логике вещей всем этим идейно-политическим течениям и их носителям в лице соответствующих партий и общественных движений в первую очередь должна оппонировать возглавляемая Президентом РК народно-демократическая партия «Нур Отан». Тем более что еще в ходе внеочередного XII съезда партии, прошедшего 15 мая 2009 года, глава государства поручил «Нур Отану» возглавить работу «по формированию правильной системы ценностей в обществе», включая культивирование в молодежной среде ценностей межэт-

нического согласия и патриотизма[12]. В то же время НДП «Нур Отан» пока не вышла на уровень политической силы, способной самостоятельно отстаивать политику руководства страны на публичном уровне, особенно во взаимодействии с оппозицией. Во всяком случае, должного позиционирования со стороны именно этой партии преимуществ декларируемых ею ценностей и идей политического центризма по отношению к идеям национал-патриотизма, неолиберализма и т. д. не наблюдается.

Наконец, серьезные проблемы и упущения в идеолого-пропагандистской работе наблюдаются со стороны государственных и частных СМИ. Причем это открыто было признано Государственным секретарем РК Маратом Тажиным в ходе прошедшей 22 февраля этого года встречи с информационным активом страны. В частности, он подверг критике работу соответствующих СМИ по следующим моментам:

- а) несоответствие уровня популярности и доверия со стороны населения к официальным масс-медиа увеличению объемов их финансирования;
- б) чрезмерная зависимость данных СМИ от пропагандистской функции и ущерб информационной составляющей;
- в) несовершенство политики по формированию государственного информационного заказа и практики содержательного контроля за его исполнением;
- г) кадровый дефицит, особенно в региональных СМИ;
- д) низкий уровень подготовки и переподготовки специалистов информационной отрасли[13].

Исходя из этого, госсекретарь дал уполномоченным госорганам и руководству официальных СМИ ряд поручений, призванных улучшить процесс идеолого-пропагандистской работы. Среди них особенно выделяется установка относительно изменения подачи информации о социальных, экономических и иных проблемах в Казахстане в соответствии со следующей схемой: «проблемы показываются – проблемы не скрываются – показываются и меры, предпринимаемые государством для нейтрализации и удаления болевых точек». Представляется, что данная мера будет способствовать повышению уровня объективности и, как следствие, привлекательности официальной информации среди населения страны. В свою очередь, это позволит государственным и поддерживающим официальный политический курс частным СМИ более эффективно конкурировать с оппозиционными масс-медиа.

Также обращает на себя внимание поручение сформировать несколько мобильных групп из ведущих журналистов и телеоператоров для подготовки «живых» специальных репортажей о ситуации в мире. Тем самым казахстанские власти, скорее всего, рассчитывают постепенно преодолеть явное доминирование на информационном поле Казахстана новостной и аналитической информации о ситуации в мире со стороны масс-медиа соседней России. В идеологическом отношении это правильный подход, позволяющий казахстанским СМИ формировать и транслировать собственную точку зрения относительно развития процессов и событий за рубежом.

В целом, нужно отметить, что политика деидеологизации общества и государства была оправдана на заре независимости Казахстана в интересах преодоления тоталитарного прошлого. Вместе с тем она привела к массовой дезориентации населения республики, что отрицательно отразилось и в духовно-нравственной сфере. Так что по мере строительства суверенного национального государства потребовалось пересмотреть эту политику в сторону постепенного формирования качественно новой системы идейно-духовных ценностей.

В связи с этим на настоящем этапе развития казахстанского общества и государства сложилась и действует официальная идеология. Правда, в условиях идеологического и политического многообразия она представляет собой не столько систему, сколько набор функций государства по формированию и поддержке общих для всех казахстанцев взглядов и ценностей. К тому же нуждаются в серьезном совершенствовании подходы и механизмы осуществления деятельности по их продвижению и пропаганде. Особенно это касается мер, стимулирующих общество и его институты к осознанному и активному участию в данном процессе, что, в свою очередь, станет важным условием достижения здесь в перспективе заметных позитивных результатов.

Литература

1. Политология. Краткий энциклопедический словарь-справочник/ Отв. ред. Ю. С. Борцов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 137.
2. Концепция формирования государственной идентичности Республики Казахстан (одобрена Распоряжением Президента Республики Казахстан 23 мая 1996 г. № 2995)// Юридический справочник «Законодательство».
3. Идеологическая работа в Республике Беларусь: в помощь идеологическому активу/ Е. В. Матусевич, С. Г. Паречина; под общ. ред. С. Н. Князева. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2005. С. 6.
4. Вонсович Л. В. Основы идеологии белорусского государства. Ответы на экзаменационные вопросы. – Минск: ТетраСистемс, 2010. С. 61–62.
5. Указ Президента Республики Беларусь от 20.02.2004 № 111 «О совершенствовании кадрового обеспечения идеологической работы в Республике Беларусь»// Интернет-портал «LawsBY – Правовая база Республики Беларусь» (<http://lawsby.narod.ru>).
6. Программа народно-демократической партии «Нур Отан» до 2020 года// Веб-сайт НДП «Нур Отан» (<http://www.ndp-nurotan.kz>).
7. Назарбаев Н. А. Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда// Казахстанская правда, 2012, 10 июля.

8. Распоряжение Премьер-Министра Республики Казахстан от 19 мая 2000 года № 80-р «О межведомственных информационно-пропагандистских группах»// Юридический справочник «Законодательство».
9. Стратегический план Министерства культуры и информации Республики Казахстан на 2011–2015 годы (Утвержден постановлением Правительства Республики Казахстан от 8 февраля 2011 года № 96)// Веб-сайт Министерства культуры и информации РК (<http://www.mk.gov.kz>).
10. Карагузова Г. Социальная инфантильность общества – следствие просчетов в идеологической работе государства// Новости – Казахстан, 2012, 12 ноября.
11. Ахматова З. Данияр Ашимбаев: Системе не хватает нового «верховного южанина»// Власть, 2013, 11 февраля.
12. Индустриально-технологическое развитие Казахстана ради нашего будущего. Выступление Президента Республики Казахстан, Председателя НДП «Нур Отан» Нурсултана Назарбаева на внеочередном XII съезде партии// Казахстанская правда, 2009, 16 мая.
13. В Астане состоялась встреча Госсекретаря РК с информационным активом// Номад, 2013, 25 февраля.

ЧТО ПРОИСХОДИТ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Мурад Лаумулин

В конце 2012-го и в начале 2013 года в регионе Большого Ближнего Востока получили дальнейшее продолжение тревожные тенденции, которые развились в ходе так называемой «арабской весны». Данные тенденции характеризуются следующими аспектами:

- ползучей исламизацией стран, переживших «арабскую весну» (Египет, Ливия, Тунис);
- ростом шиитского самосознания и политической активизацией шиитского населения (страны Персидского залива);
- хронической внутривнутриполитической нестабильностью (Египет, Ливия, Йемен, Ирак);
- усилением влияния консервативных монархических режимов (Саудовская Аравия, Катар);
- спадом экономического роста и даже падением развития стран, переживших «арабскую весну»[1].

Более того, негативные тенденции резко усилили свою динамику. Можно наблюдать чрезвычайную эскалацию внутрисирийского конфликта, который перерос в полномасштабную гражданскую войну при одновременном расширении внешнего вмешательства (Турция, арабские монархии, Запад, Иран). Продолжается антитеррористическая операция в Йемене с активным участием США.

Другой тревожной тенденцией стал рост нестабильности в Северной Африке. Ливия превратилась в рассадник исламистских террористических группировок, которые превратили страну в базу для активизации своей деятельности по всей сахарской Африке. С территории Ливии наносятся удары по Алжиру. На грани полного захвата контроля исламистами оказалась Мали.

На другом конце региона нарастает напряженность вокруг Ирана и его атомной программы, которая чревата полномасштабным военным конфликтом. Попытки наладить дипломатический диалог и поиски компромисса между ИРИ и США, имевшие место в предвыборный период, фактически завершились провалом после повторной победы Б. Обамы.

Фактически свержение режима Б. Асада в Сирии нацелено против Ирана[2]. Поэтому не исключено военное вмешательство ИРИ в случае угрозы

падения Б. Асада, что чревато крупномасштабным конфликтом на всем регионе Ближнего и Среднего Востока с вовлечением (помимо государств НАТО) Израиля, России и Китая. В этом случае влияние подобного конфликта неизбежно затронет постсоветское пространство, в первую очередь Кавказ, а также Афганистан и Центральную Азию.

Кризис в Египте

Египетские власти не могут решить актуальных проблем расшатанной революцией экономики, но ведут активную внешнюю политику, стремясь подыграть потенциальным и действующим кредиторам.

В начале января текущего года Египет обрел новое правительство. В кабинет были назначены десять новых министров. Перестановки коснулись прежде всего МВД и минфина. Руководство смещено в минтрансе, министерстве гражданской авиации, минэнерго, министерстве социального обеспечения, коммуникаций и информационных технологий, а также министерстве по делам парламента, местного развития и охраны окружающей среды[3].

Египет получит заем от Катара в объеме до 5 млрд. долларов. Правительство АРЕ возобновило переговоры с МВФ о выделении транша в объеме 4,8 млрд. долларов.

К серьезным экономическим проблемам привела нестабильная политическая ситуация, возникшая два года назад после свержения власти Хосни Мубарака: бюджетный дефицит, расходование золотовалютного резерва, упадок туристической отрасли – основного источника дохода бюджета.

Новая Конституция, принятая египтянами накануне новогодних праздников и фактически узаконившая шариат, отпугивает туристов – снижение посещаемости курортов иностранцами в декабре составило 40 процентов.

Глава правительства Хишам Кандиль основными считает семь направлений развития, среди которых привлечение иностранных инвестиций, обеспечение населения топливом, развитие туризма, противостояние коррупции в госучреждениях, достижение социальной справедливости. В рамках борьбы с падением курса нацвалюты и оттоком капитала за рубеж власти запретили ввоз и вывоз иностранной валюты на сумму свыше 10 тыс. долларов США.

По данным ЦБ Египта, для обеспечения страны топливом и продовольствием в казне есть немногим более 11,3 млрд. евро – этого хватит на три месяца (до революции, в 2010 году, валютные резервы составляли 36 млрд. евро). Теперь, согласно данным, опубликованным в декабре 2012 года минфином Египта, дефицит бюджета в ноябре составлял 12,5 млрд. долларов, или около 9,6 млрд. евро.

Внутренние проблемы не стали для руководства Египта препятствием для широкой внешнеполитической деятельности. Президент Мурси, в конце прошлого года относительно успешно выполнивший посредническую функцию в

конflikте между Израилем и сектором Газа (ХАМАС), сделал попытку примирить два ведущих политических движения Палестины – ХАМАС и ФАТХ.

При этом Мурси занимает крайне негативную позицию в отношении Израиля. Он утверждал (в 2010 г.), что единственным решением палестинского вопроса является «сопротивление во всех его формах».

Довольно определенную позицию имеет Египет и в сирийском кризисе. Если ранее Каир предлагал себя в качестве посредника для урегулирования кризиса и представлял миру варианты такового, то теперь явно перешел на радикальные позиции нефтяных монархий. Как Саудовская Аравия и Катар, Египет требует отставки президента САР Башара Асада. Совершенно очевидно, что, делая такие заявления, Мухаммед Мурси хочет расположить к себе своего нового кредитора Катар, а также кредиторов США и Евросоюз. В отношении Европы этот вывод подтвердил недавний визит Мурси в ФРГ, где он получил обещание финансовой помощи.

Таким образом, Египет снова охвачен протестами. Улица требует от президента покинуть пост. По мнению демократической оппозиции, страну спасет от краха только создание правительства национального доверия. Президент Мурси проводит консультации с партиями. Оппозиция отказалась от диалога.

Отметим, что социальная опора Мурси – большинство. В основном – малообразованное большинство населения Египта. Протестное сообщество находится в меньшинстве, хотя оно и более активно и, вне сомнения, значительно более образованно. Есть еще третье сообщество – армия. Сегодня положение военных во многом неопределенное. Верхушка армии лояльна власти.

Возможность вмешательства армии в политический конфликт растет с каждым днем. Министр обороны Египта Абдель-Фаттах ас-Сисси сделал самое серьезное до сих пор предупреждение противоборствующим силам страны. Он объявил, что противостояние между властями и оппозицией может привести к краху государства. Надежды оппозиции, судя всему, связаны с военными. С приходом к власти исламистов роль египетской армии, которая в годы правления Мубарака была государством в государстве и пользовалась широкими привилегиями, стала уменьшаться. Президент Мурси постепенно ограничивал полномочия высшего генералитета, подбираясь и к финансово-экономическим активам военных. Одновременно на руководящие армейские посты назначались лояльные новым властям люди. Все это породило волну недовольства среди египетских генералов и офицеров[4].

Конфликт в Сирии

В январе сего года сирийский лидер Б. Асад сделал попытку найти выход из политического кризиса и вооруженного конфликта, в котором пребывает страна с марта 2010-го[5].

Сирийская оппозиция, а также поддерживающие ее страны Запада и ООН отвергли план урегулирования, предложенный президентом Сирии Башаром

Асадом. По их мнению, никакие переговоры о прекращении конфликта невозможны, пока сирийский лидер не уйдет со своего поста. Между тем ситуация в стране ухудшается.

План Асада состоит в следующем. Власти Сирии готовы к переговорам об урегулировании ситуации. По словам Асада, для этого иностранные государства должны прекратить финансовую и военную помощь «террористическим группам» в Сирии. После этого армия остановит боевые действия, сохраняя право на их возобновление при возникновении угрозы «государственным интересам». Затем власти начнут диалог с «сирийскими представителями и политическими партиями» с целью организации конференции по национальному примирению. Там стороны выработают так называемую Хартию национального примирения для последующего обсуждения на референдуме. Заключительный этап урегулирования предполагает формирование правительства национального единства, которое подготовит новую конституцию и проведет парламентские выборы.

В это время ситуация в самой Сирии обостряется. Как полагают эксперты, в ближайшее время стране может грозить голод. Из-за непрекращающегося почти два года конфликта сельское хозяйство Сирии находится в упадке.

Однако у сирийского конфликта существует серьезный геополитический и энергетический подтекст. Исход войны в Сирии может серьезно повлиять на развитие европейского газового рынка. Стороны конфликта поддерживают две конкурирующие державы, которые рассчитывают проложить новый газопровод в ЕС через сирийскую территорию, – Иран и Катар.

Алавитский режим президента Башара Асада является союзником шиитского Ирана и надежным оплотом Тегерана в Восточном Средиземноморье. Борьба против режима Б. Асада рассматривается как увертюра удара против Ирана. Но энерго-политическое измерение конфликта в Сирии остается за кадром. Между тем вооруженный конфликт в стране – во многом эхо борьбы, которую начали крупнейшие игроки мирового газового рынка. Главный приз в этой борьбе – доступ на крупнейший и емкий газовый рынок Европы.

Выбирая из всех существующих энергоносителей, Европа решила делать ставку именно на природный газ как самый экологически безопасный из всех углеводородов. В перспективе доля газа в европейском энергобалансе (на начало 2010-х она составляла 18,8 проц.) будет неуклонно расти. Учитывая ограниченные возможности наращивания добычи на месторождениях в Северном море, рост потребления будет удовлетворяться за счет газового импорта. В итоге Брюссель сделал приоритетными два направления своей газовой политики. Первое из них – давление на существующих поставщиков с целью снизить цены и больше учитывать спотовую цену на газ в долгосрочных контрактах. Второе направление – диверсификация источников поставок.

Брюссель не оставил надежды получить новые источники трубопроводного газа. И «арабская весна» предоставила такую возможность. Правда, для этого должно было исчезнуть одно важное препятствие – режим Башара Асада в

Сирии. В 2000-е годы Катар, занимающий третье место в мире по разведанным запасам газа и имеющий крупнейшее на планете неразработанное месторождение Северное Поле (в Иране, который тоже имеет выход к этому месторождению, оно называется «Южный Парс»), сделал ставку на наращивание поставок СПГ.

Танкерные поставки СПГ делают Катар более независимым с точки зрения диверсификации рынков сбыта. Однако, учитывая географическое положение страны, источники ее дохода во многом зависят от безопасности в регионе Персидского залива. В случае конфликта между Ираном и Западом Тегеран грозит перекрыть Ормузский пролив, через который идут все газовые танкеры Qatargas. В связи с этим Катар старается развивать трубопроводы в обход пролива (похожую тактику избрала и Саудовская Аравия, активно строящая обходные нефтепроводы).

Ресурсной базой новой трубы могло бы стать месторождение Северное Поле, причем ее прокладка позволила бы укрепить права эмирата на освоение месторождения. В ситуации, когда Тегеран под давлением санкций вынужден был приостановить развитие своей части месторождения, Катар может опередить соперника. В результате происходящих на Ближнем Востоке изменений перспектива строительства газопровода из Персидского залива к побережью Средиземного моря стала более реальной. Убедить Саудовскую Аравию согласиться на строительство газопровода через свою территорию вполне возможно, даже несмотря на ее территориальные претензии к Катару. И Запад может сыграть в этом процессе важную роль.

Ранее Эр-Рияд целиком полагался на союз с Вашингтоном, но сейчас политика США вызывает у Саудовской Аравии серьезное беспокойство. Дело в том, что администрация Обамы не только стремится вывести войска из горячих точек, но и активно демонстрирует свое нежелание вмешиваться в новые конфликты. В свете этого для Эр-Рияда стало очевидно, что вероятность военной акции в отношении Ирана со стороны США низка. На фоне охлаждения отношений с Вашингтоном Эр-Рияд стремится как можно крепче развивать отношения с Европой.

Ситуация в Иордании с газопроводной точки зрения еще больше отвечает интересам Катара и ЕС. Сирия важна не только для транспортировки газа из Катара, но и для возможности транзита египетского газа. Каир, безусловно, заинтересован в поставках газа в Европу по экономическим причинам: новой власти крайне необходимы источники доходов. Кроме того, в этом случае правительству «Братьев-мусульман» не придется оправдываться в поставках газа по низким ценам в Израиль, который на сегодня является ключевым иностранным потребителем египетского газа. Поэтому по сирийскому вопросу между Дохой и Каиром наметился стратегический союз – обе страны действуют сообща в рамках ООН, Лиги арабских государств и «Группы друзей Сирии».

В этих условиях Катар стал одним из главных вдохновителей борьбы с сирийским режимом. Помимо активных и публичных дипломатических усилий

Дохи катарское правительство, по неофициальным данным, оказывает существенную материальную помощь сирийской вооруженной оппозиции.

Но у сирийского режима есть мощный союзник в лице Ирана. Строительство газопровода через Ирак в Сирию позволило бы Тегерану решить проблему вывода своего газа на мировые рынки. Если западные энергетические компании откажутся покупать иранское сырье в конечной точке маршрута, Тегеран всегда сможет продать свой газ в Европу через вторые или третьи руки. Эти аргументы (наряду с полезностью Сирии в качестве потенциальной угрозы для Израиля) заставляют Иран всячески поддерживать режим Башара Асада, отправляя ему деньги и добровольцев.

В раскладе вокруг Сирии одну из ключевых ролей, безусловно, играют США. Однако для Вашингтона большая игра вокруг Дамаска уже не связана с энергетикой. Мирный настрой администрации Обамы во внешней политике связан с потребностью в существенном снижении расходов: долг США конце 2011 года достиг 70 процентов ВВП – наибольшего уровня со времен Второй мировой войны. В этой ситуации военные расходы, по мнению бюджетного управления Конгресса, должны быть снижены как минимум до 3 процентов ВВП при текущем уровне 4,3 процента ВВП.

Нарастает угроза интернационализации сирийского конфликта. Помимо Турции Израиль перебросил на север страны комплексы ПРО и ударную авиацию. Иордания также подтягивает танки и артиллерию к границе с Сирией. Израиль опасается, что сирийские запасы химоружия могут быть переданы Башаром Асадом ливанской шиитской группировке «Хезболлах» или будут захвачены боевиками оппозиции, среди которых много джихадистов, связанных с «Аль-Каидой». Наблюдатели полагают, что Израиль готовится уничтожить сирийские запасы химоружия с воздуха, а батареи ПРО нужны как предосторожность на случай возможного ракетного удара возмездия со стороны «Хезболлах» или сирийцев. Некоторое время назад на территории Иордании прошли международные учения, в ходе которых отрабатывался захват сирийских арсеналов химоружия в случае коллапса режима Асада. Другая потенциальная угроза для Хашимитского королевства – превращение Сирии в базу для джихадистов. Выступая на форуме в Давосе, король Иордании Абдалла II предупредил, что в Сирии может возникнуть новый «Талибан», имея в виду радикальные группировки, которые стремятся создать там исламское государство.

События в Алжире

В середине января исламистская группировка «Подписавшиеся кровью», близкая к «Аль-Каиде», захватила около 700 заложников на принадлежащем ВР заводе близ города Ин-Аменас. Среди захваченных были как иностранные специалисты, так и местные работники. Террористы требовали вывести французские войска из Мали, где регулярная армия при поддержке иностранных сил сражается с отрядами исламистов. В результате спецоперации по осво-

бождению заложников 80 человек погибли. 650 были спасены из плена в ходе спецоперации. Противостояние с боевиками продолжалось четыре дня, в итоге все террористы были уничтожены.

По данным спецслужб, всего в атаке на комплекс участвовали 40 боевиков. Среди них 11 тунисцев, 7 египтян, 5 малийцев, 3 алжирца, а также выходцы из Канады, Нигера, Мавритании. Руководил подготовкой боевиков и их действиями хорошо известный алжирским властям контрабандист и главарь экстремистской группировки «Подписавшиеся кровью» Мохтар Бельмохтар.

Эксперты, расследующие драму в Ин-Аменасе, приходят к выводу: операцию такого масштаба надо готовить как минимум несколько месяцев. Это опровергает первоначальную версию, что акция была спонтанно организована в ответ на действия французской армии в Мали. Расположенный посреди пустыни газоперерабатывающий завод охраняется столь тщательно, в том числе из космоса с помощью французских и американских спутников, что боевые группы исламистов, захватившие объект, не могли подобраться к нему незаметно.

Аналитики убеждены: участники акции просачивались в зону безопасности вокруг объекта постепенно, используя агентуру среди работников предприятия, оборудовали тайники с оружием, горючим, средствами связи, продовольствием. Они досконально изучили план завода и даже производственный процесс: сразу после захвата они очень профессионально остановили работу предприятия, действовали слаженно и организованно. Целью радикалов было нанести удар именно по Алжиру, по его газовой промышленности – главному источнику поступлений в бюджет.

Теракт в Алжире продемонстрировал, что обезопасить индустриальные объекты в будущем будет непросто. По мнению экспертов, драма в Ин-Аменасе подтолкнет Алжир к еще более тесному взаимодействию с Францией и африканскими государствами, предоставившими свои контингенты для борьбы с исламистами в Мали.

Ситуация в Мали

В январе 2013 года Франция и западноафриканские страны вмешались в гражданскую войну в Мали в целях недопущения победы исламистов. Причем Франция получила задним числом одобрение всего состава Совета Безопасности ООН[6].

Против центрального правительства здесь сейчас воюют не представители враждебного клана, желающие перехватить рычаги власти и экономические активы страны, и не представители конфессионального или этнического меньшинства, стремящиеся отделиться и создать собственное государство. В Мали противники центральных властей – исламисты, в планах которых не только превратить Мали в исламскую республику с законами шариата, но и наладить «экспорт революции» во все страны региона от Алжира до Нигерии.

Совместная операция в Мали проходит достаточно успешно. Французы активно нанесли воздушные удары по позициям боевиков, освободили города. На помощь французским солдатам уже спешат воинские контингенты из соседних африканских государств, готовых взять на себя сухопутные (то есть чреватые самыми большими потерями среди личного состава) операции.

Нынешний кризис в Мали – прямое следствие событий, произошедших в Ливии. Убийство Муаммара Каддафи разрушило весьма хрупкий баланс сил в Западной Африке и обрекло регион на затяжной конфликт. Каддафи фактически содержал малийскую армию и субсидировал малийский бюджет. Он также умирал самую беспокойную часть населения – туарегов, которые раньше регулярно восставали против центральных властей. После убийства полковника приток денег прекратился, и малийские власти вынуждены были не только серьезно сократить социальные расходы, но и перевести армию на самообеспечение. Но это была не благотворительность: в ответ Каддафи получал политическую лояльность и подтверждение статуса panaфриканского лидера[7].

После событий в Ливии в Мали вернулись туареги. Они принесли с собой тяжелое вооружение из ливийских правительственных арсеналов (технику, системы залпового огня и, вероятно, часть ПЗРК «Стрела», пропавших с ливийских складов). Среди вернувшихся были и кадровые офицеры ливийской армии. Получив столь серьезное подкрепление, туарегские сепаратисты из MNLA в середине января 2012 года стали захватывать северные города Мали. Не имевшие современного вооружения и боевого опыта, а также элементарного снабжения, регулярные войска терпели поражение за поражением. В результате туареги уже в марте контролировали почти треть территории страны.

В стране росло недовольство, которым решили воспользоваться французы. В Париже давно были обеспокоены слишком тесным общением президента страны Амаду Тумани Туре с Китаем (особенно его планами продавать Пекину золото), а также слухами о причастности Туре к массовым похищениям французских граждан в стране. В итоге Елисейский дворец, по некоторым данным, 22 марта 2012 года инициировал в Мали военный переворот. Хунта быстро передала власть гражданским: обязанности президента стал исполнять председатель парламента Дионкунда Траоре, а захватившие север страны туареги заявили, что не будут вмешиваться во внутренние дела «соседнего государства». Кроме того, туареги согласились отдать французам концессии на разработку урановых месторождений в Азаваде. Однако проблема была в том, что уже через несколько месяцев территорию Азавада контролировали не они, а исламисты.

На севере Мали против правительственных войск воевали не только туареги, но и местные исламисты, а также часть представителей «зеленого интернационала» из Ливии, которая после свержения Каддафи не отправилась в Сирию. Пока эти две силы совместно сражались против малийской армии, между

собой они особо не конфликтовали. Однако после победы все изменилось. Если MNLA выступало за создание на севере Мали светского государства, то исламисты рдели за халифат с законами шариата. 26 мая 2012 года туареги заключили официальное соглашение о перемирии с исламистами, однако уже через пару дней это соглашение было разорвано. В начавшейся междоусобной войне исламистам удалось одержать верх, после чего они не только ввели шариат на севере, но и летом 2012 года направились на юг. Их действия оказались настолько успешными, что уже в сентябре официальное правительство Мали обратилось за помощью к ООН.

В Брюсселе и Вашингтоне были против перехода под контроль исламистов урановых рудников, а также путей транзита латиноамериканского кокаина (есть сведения, что ежегодно до 50–60 тонн порошка разгружается в западноафриканских портах и аэродромах, а затем через пустыню идет в Европу). Кроме того, в Париже хотели избежать распространения исламизма заразы на соседние африканские государства, где у Франции также есть серьезные экономические интересы. Наконец, Запад в принципе выступает против создания в Мали (да и в любой другой стране третьего мира) исламского государства.

Именно Франция, в чьей сфере влияния и находится Мали, быстро начала формировать международную коалицию из соседних с Мали африканских государств – членов ЭКОВАС. Эти страны были сами заинтересованы в недопущении захвата исламистами власти в Мали. В конце декабря 2012 года Парижу удалось добиться резолюции Совета Безопасности, который выдал годовой мандат на проведение операции странами Западной Африки. Продвижение исламистов на юг шло столь успешно, что к началу января они уже угрожали крупным портам на реке Нигер, захватив которые, могли бы беспрепятственно плыть к столице. В этой ситуации в Елисейском дворце принимают экстренное решение о начале 11 января операции «Серваль» – ввода французских войск в Мали.

Судя по тому, что Совет Безопасности в итоге поддержал действия Франции, претензий не было у России и Китая. Любопытно, что Россия предложила Франции помощь в переброске войск в Мали. В Пекине, конечно, недовольны смещением президента Амаду Тумани Туре, однако видеть исламистов у власти в Мали китайцы также не хотят. Однако в долгосрочной перспективе операция в Мали вполне может обернуться серьезным внешнеполитическим провалом Франции. Так, исламисты перешли к тактике терактов и взятия заложников. США заявили, что не собираются поддерживать малийских военных до тех пор, пока в этой стране не будут восстановлены демократические процессы путем проведения выборов. Не исключено, что вся тяжесть операции ляжет на плечи Парижа.

Показательно, что вступление в войну против исламистов Франции не смогло помешать их дерзкому заграничному рейду, а также повлиять на их решимость воевать сразу на несколько фронтов. Фактически они противостоят всем: местным туарегам, результатами восстания которых воспользовались,

центральному правительству Мали, Франции, которую логистически поддерживают многие государства НАТО, военным контингентам из стран Черной Африки, а теперь еще и Алжиру – обладателю самой сильной армии в регионе.

Однако даже если Париж потерпит фиаско, исламистов к власти в Мали все равно не пустят. Такие державы, как США, Китай, Великобритания (которые сейчас отказывают Елисейскому дворцу в реальной поддержке миротворческой операции), не меньше, чем Франция, заинтересованы в стабильной добыче ресурсов на территории Западной Африки. Если Париж потерпит поражение, то экспедиционный корпус просто возглавит другая великая держава, которая автоматически получит от Франции в наследство урановые и золотые концессии в Мали.

Иран

За последний год международное положение Ирана претерпело серьезные изменения. Угроза войны, которая в начале 2012 года представлялась вполне реальной, во второй половине приняла в большей степени виртуальный характер. Тем не менее в геополитических целях США не снимают подобное решение иранской атомной проблемы с повестки дня. В то же время США усиливали давление на Иран, но при этом сдерживали Израиль.

Продолжается процесс «геополитического окружения» Ирана, включающий в себя в первую очередь дестабилизацию Сирии и попытки сместить союзника Тегерана – режим Б. Асада. Данная политика по окружению Ирана включает в себя также нейтрализацию многочисленных шиитских группировок движений в регионе, подталкивание Азербайджана к антииранской риторике и практике.

В самом Иране ведется сложная борьба между разными общественными силами, политическими элитами, институтами и партиями, которая в высшем своем проявлении сводится к соперничеству консерваторов и прогрессистов за власть, но на самом деле гораздо глубже и острее, чем это может показаться со стороны.

«Арабская весна», маневры США, намерения Израиля, сирийская динамика, шиитский фактор и эскапады региональных конкурентов – все это не может не отразиться на внутривнутриполитическом положении Ирана. Между тем страна и ее религиозно-политический истеблишмент уже втянулись в борьбу со множеством неизвестных и с высокой степенью неопределенности выбора ходов и решений, которые могли бы обеспечить Ирану подобающее место в региональной иерархии.

Действенным инструментом давления на Тегеран оказались экономические санкции. Международное давление фактически подрывает экономику Исламской Республики. Как считают западные эксперты, экономика Ирана находится в крайне сложном положении. Правительство не знает, как реагировать на расширяющийся кризис, в то время как падение национальной валюты представляет непосредственную опасность для иранской экономики.

Тем не менее наиболее важным (но не афишируемым) фактором последние время стали неофициальные контакты между Вашингтоном и Тегераном. Вашингтон и Тегеран договорились в принципе провести прямые переговоры об иранской ядерной программе. Речь идет ни много ни мало как о «стратегическом обмене» между двумя геополитическими и идеологическими противниками: официальное признание Ирана в обмен на отказ от атомной программы. Фактически Вашингтон перевел процесс переговоров с Тегераном на себя. Две страны напрямую обсудят ядерную проблему. РФ и ЕС останутся сторонними наблюдателями.

США хотели бы ограничить переговоры обсуждением ядерной программы. А Иран желает, чтобы в повестку дня были включены также события в Сирии, Бахрейне и другие вопросы. Таким образом, у США наконец появился шанс нормализовать отношения с Ираном, к чему они давно стремились. Очевидных препятствий для этого почти не осталось.

Американские эксперты подчеркивают, что США следует выстраивать отношения с Ираном с учетом последствий вывода американских войск из Ирака и в будущем – из Афганистана. США в будущем потребуются новая стратегия на Ближнем Востоке, поскольку выстраивать отношения с Тегераном не получится в отрыве от проблем всего региона. Новая стратегия должна включать в себя четкую позицию в отношении завершения конфликта в Сирии и признание того, что военная акция против Ирана привела бы к еще большей дестабилизации в регионе.

Осторожные дипломатические контакты между Вашингтоном и Тегераном во время предвыборной кампании Б. Обамы после выборов были прекращены. После того как Иран не согласился на встречу в Стамбуле в конце января, ЕС и США обвинили его в затягивании переговоров.

Срыв нового раунда переговоров между Тегераном и шестеркой международных посредников в январе текущего года практически совпал с появлением сообщений о взрыве на иранском ядерном объекте в Фордо, закрытия которого добивается «шестерка». Тегеран отрицает инцидент, однако израильские источники подтверждают аварию. По мнению экспертов, взрыв в Фордо может указывать на смену тактики в решении иранской ядерной проблемы: прекращение разработок с помощью спецопераций вместо изнурительных переговоров или применения силы.

Неудача попыток решить проблему дипломатическими средствами сопровождалась появлением сообщений о якобы имевшем место взрыве на иранском секретном ядерном объекте Фордо, представляющем собой хорошо укрепленный подземный бункер в гористой местности близ города Кума на юго-западе Ирана[8]. О новом ядерном объекте Тегерана в мире впервые заговорили год назад, после заявления МАГАТЭ о том, что «Иран приступил к производству урана, обогащенного до 20 процентов, на предприятии Фордо». В связи с этим «шестерка» выдвинула Тегерану требование прекратить работы на объекте, которое иранская сторона тут же отвергла. Уникальность Фордо состоит в том,

что в отличие от ядерного центра в Натанзе и других иранских предприятий завод неуязвим для ракетно-бомбовых ударов.

Иранская сторона опровергла информацию о взрыве на объекте Фордо, назвав ее западной пропагандой накануне переговоров с «шестеркой», призванной повлиять на их результат. Однако никаких признаков нового витка пропагандистской войны против Ирана в связи с сообщениями об аварии на заводе Фордо не наблюдается. По мнению экспертов, речь, скорее всего, идет не о пропагандистской кампании или недостоверном вбросе, а об утечке информации о спецоперации против иранской ядерной программы, которую никто на Западе не признает.

Нельзя исключать применения новой тактики решения иранской проблемы – тайных спецопераций против иранских ядерных объектов с целью вывести их из строя с помощью диверсий, кибератак и других технологичных и почти бескровных средств. Подобная тактика позволила бы США и Израилу добиться своего и избежать серьезной войны, чреватой большими жертвами и колоссальными политическими издержками.

Внешнеэкономические санкции против ИРИ, доходы которой во многом зависят от экспорта энергоносителей, заметно сказываются на макроэкономических показателях этой страны. Так, по прогнозам Вашингтонского Института международных финансов, ВВП Ирана в 2012 году, как ожидалось, сократится на 3,5 процента при положительных темпах роста, в 2011-м – на 1,2.

Об ухудшении макроэкономических показателей свидетельствуют цифры по безработице и инфляции, которые составляют соответственно 36 и 50 процентов и более. На этом фоне наблюдаются уменьшение платежеспособности населения и инфляция, которая, согласно официальным данным, составляет 36 процентов. Эксперты считают уровень инфляции, объявленный Центробанком, заниженным, считая, что реальная цифра близка к 70 процентам. Экспорт снизился на 40 процентов[9].

В нынешнем году прогнозируется дальнейшее снижение экспорта до 63,3 млрд. долл., а импорта – до 61 млрд. 600 млн. долл. Бюджет на 2013 год в Иране будет дефицитным. Вопреки принятой стратегии по постепенному снижению дефицита госбюджета, уже в текущем году Иран ожидает бюджетный дефицит в 540 трлн. риалов (около 44 млрд. долл.). Причина – сокращение на 40 процентов в течение 2012 года нефтяной торговли – главного источника доходов страны.

Экономические санкции, наложенные США и Евросоюзом на Тегеран, привели к сокращению доходов от продажи нефти в два раза. Эмбарго, введенное странами Запада на приобретение иранской нефти, привело к тому, что поставки нефти из Ирана европейцам прекратились, а объем иранского нефтяного экспорта в страны Азии упал до 30 процентов. Помимо сокращения бюджетных поступлений от продажи нефти Иран из-за санкций столкнулся с дефицитом иностранной валюты и резким падением курса национальной валюты[10].

Роль Турции

Неопределенность геополитического положения Турции состоит в ее активизировавшейся политике на Ближнем Востоке, которая включает в себя наступательную поддержку «арабской весны», ухудшение отношений с Ираном (а до того – с Израилем), попытки поставить «арабскую весну» на службу турецким интересам, готовность идти на открытую конфронтацию, прежде всего с Сирией[11].

Международное положение Анкары изменилось, когда Эрдоган всерьез увлекся идеей реализации нового неоосманского проекта и продвижения турецкой модели в арабском мире. Однако вооруженный конфликт с Сирией может отбросить Турцию далеко назад в экономическом и политическом развитии. Такую цену ей придется заплатить за мечты о восстановлении империи и насильственном миссионерстве[12].

Вся стратегия Турции основывалась на том, что ей не придется оккупировать Сирию, а будет достаточно лишь разбить проправительственные сирийские войска и оставить Дамаск победившей оппозиции. Теперь в случае ухода Асада на территории Сирии Турция будет иметь дело с вооруженными и сплоченными курдами, противостоять которым будущая марионеточная сирийская власть просто не сможет.

Для того чтобы не дать развиваться курдскому движению, Турция должна будет сама контролировать территорию Сирии, а это означает необходимость оккупации. Оккупация автоматически превратит Турцию из освободителя Сирии в ее завоевателя и будет иметь для Анкары серьезные геополитические последствия. При этом антитурецкие настроения на арабской улице будут всячески подогреваться Ираном.

Вооруженное вторжение в Сирию чревато для Турции и другими проблемами. По мнению аналитиков, ее возможностей (без привлечения американцев или европейцев) не хватит для проведения успешного блицкрига.

Фактически, развязав войну с Сирией, Турция понесет колоссальные экономические и политические потери. Этот шаг уничтожит ее десятилетние достижения и претензии на региональное лидерство. Сирия и ее союзники не просто понимают проблематичное экономическое положение Турции, но и всячески способствуют ее углублению, направляя весь поток беженцев именно к туркам. Однако наиболее серьезным ответом Сирии на давление Анкары стала поддержка курдских боевиков на территории Турции. По мнению ряда турецких аналитиков, именно массовая поставка оружия Дамаском стала причиной резкой активизации курдских сепаратистов.

Единственным спасением для Турции стал бы многонациональный формат операции. Это позволило бы ей до какой-то степени избежать обвинений в силовом восстановлении Османской империи, а также предоставило бы необходимые ресурсы – технику, самолеты, логистику.

Таким образом, от того, в какую сторону будет развиваться в ближайшее время турецкая внешняя политика (под влиянием серьезнейших внешних и внутренних вызовов), будет во многом зависеть, останется ли Анкара в активной форме на постсоветском пространстве, включая Центральную Азию.

Перспективы развития ситуации в регионе

Развернувшаяся во всем мире борьба с исламским экстремизмом не должна затушевывать того факта, что во многих случаях речь идет не об идеологическом противостоянии, а о борьбе за ресурсы. Скорее всего, не является исключением в этом плане и вступление французских вооруженных сил в борьбу с исламистами в Мали. В соседнем с Мали Нигере, являющемся одним из ведущих производителей урана в мире и крупнейшим в Африке, французы в основном добывают уран для своих АЭС, на которые приходится львиная доля производства электроэнергии в стране. Французы, судя по всему, опасаются, что исламистский пожар может перекинуться и на Нигер.

Кризис в Мали и французская военная интервенция рискуют обернуться вспышкой террористической активности во всем регионе. Эксперты предупреждают, что север Мали может стать настоящим государством «Аль-Каиды». В отличие от Афганистана там почти нет местного населения (только 1,5 млн. туарегов), никогда не было ни настоящего государства, ни даже сильных племен, но много места для развертывания тайных баз и тренировочных лагерей, предостаточно оружия, награбленного в Ливии и продолжающего поступать через плохо охраняемые границы. Это криминальное образование неизбежно станет источником угрозы для соседних стран и для Европы, что и подтвердил захват заложников в Алжире.

Падение светских режимов в Ливии, Тунисе и Египте усилило позиции исламистов в регионе[13]. Поначалу имевшие вид этнического восстания и борьбы за право народа на самоопределение события в Мали теперь окончательно превратились в войну международных террористов против формирующейся коалиции светских соседних и дальних государств. Радикальные исламисты пытаются прочно окопаться на территории самопровозглашенного государства Азавад и оттуда распространять свое влияние на соседние страны.

Исламисты почти наверняка перейдут к партизанской войне и начнут организовывать теракты. Они могут использовать пустыню, чтобы прятаться, тренироваться и совершать нападения. Тем более что многие иностранные боевики имеют опыт ведения боевых действий в Афганистане, Нигерии и Алжире. По словам жителей освобожденных районов, большинство командиров исламистов – иностранцы, говорящие только на арабском языке.

Не исключено, что туареги пойдут на сотрудничество с властями в обмен на предоставление широкой автономии. Другим важным фактором может стать использование беспилотников. США намерены создать в Северо-Вос-

точной Африке базу для своих БЛА, чтобы следить за АКИМ и другими местными экстремистскими группировками. Предполагается, что база будет оборудована в Нигере в регионе под названием Агадез, вблизи границы с Мали, Алжиром и Ливией.

Послемубараковский Египет слаб внутренне, но весьма активен на внешнеполитическом поле. Происходящее в Египте приближает его государственную систему к так называемой турецкой модели, где исламисты и военные вынуждены сосуществовать друг с другом и сохранять баланс сил. Каким бы путем в итоге ни пошел Египет, уже очевидно: его место в ближневосточной политике изменится. По всей видимости, Египет намерен повернуться лицом на Восток, и его новыми союзниками станут монархии Залива, которые уже заявили о готовности финансово поддержать молодую демократию.

Кризис в Сирии остается одним из наиболее важных элементов политики на Ближнем Востоке, а также глобальных политических процессов. Здесь фокусируется внимание мировых держав – ведущих стран НАТО, России, Китая и региональных центров силы – Турции, Ирана, Израиля, монархий Персидского залива, а также соседних с Сирией арабских стран.

Одна из причин продолжающейся эскалации насилия в Сирии заключается в отсутствии консолидированной оппозиции, способной вести переговоры, обеспечить соблюдение мирных договоренностей или взять на себя ответственность за управление страной. Национальная коалиция сирийских революционных и оппозиционных сил, признанная примерно 100 государствами единственным законным представителем сирийского народа, не сумела не только подчинить себе разношерстные отряды боевиков, но даже сформировать правительство в изгнании.

В случае гипотетического падения правящего режима в Сирии, во-первых, произойдет дестабилизация региона Ближнего Востока. Во-вторых, в Сирии, весьма вероятно, будет наблюдаться ситуация, аналогичная ливийской, то есть приход к власти радикальных исламистских сил.

У Вашингтона есть и свое видение того, как должна развиваться ситуация в регионе. Альтернатива дальнейшей дестабилизации Ближнего Востока – выстраивание новой системы сдержек и противовесов, в той или иной степени ориентирующейся на Вашингтон[14]. Наиболее удобным вариантом является создание треугольника, в котором всегда можно было бы объединить при необходимости две стороны против наиболее сильной и тем самым поддерживать выгодный для Вашингтона баланс. Такой треугольник может быть создан с участием трех ключевых ближневосточных сил – Ирана, Турции и Египта. То есть, с одной стороны, сильный Иран, претендующий на влияние в большом шиитском мире, с другой – Египет и Турция, конкурирующие между собой за влияние в суннитской зоне и при этом совместно сдерживающие дальнейшую экспансию Ирана[15].

Таким образом, в борьбе вокруг Сирии симпатии США – на стороне катарцев и европейцев. Однако на военную операцию против Башара Асада

Вашингтон сейчас вряд ли решится. В этих условиях кризис на Ближнем Востоке может сыграть на руку России. Москву вполне устраивает именно нынешняя ситуация в Сирии, когда ни одна из сторон не близка к победе. Если оппозиция не сумеет свергнуть режим Башара Асада, то ни о каком газопроводе из Катара в Турцию и Европу не может идти и речи, что укрепляет позиции «Газпрома». Но и безоговорочная победа Асада Москве сейчас не очень нужна.

США усиливают войну с воздуха против боевиков-исламистов в Йемене и все чаще применяют дроны для ударов. Правительство Йемена молчаливо соглашается с нарушением суверенитета страны. Но члены племен, чьи родственники гибнут под огнем, возмущены. Йемен занимает важное место в стратегии США на Ближнем Востоке в силу того, что соседствует с Саудовской Аравией; рядом с его побережьем проходят морские пути для транспортировки нефти[16].

Пока Катар, Иран и ЕС борются вокруг Сирии, «Газпром» продолжает развивать свои мегапроекты: Северный поток (обсуждается строительство третьей и четвертой веток) и Южный поток (строительство подводной части еще не начато). Если России удастся их построить быстрее, чем закончится война в Сирии, вероятно, Москва имеет шанс сохранить позиции на европейском газовом рынке, роль которого для наполнения российского бюджета сложно переоценить.

Широкий размах ситуация с раскручиванием переворотов в арабском мире приобрела благодаря субъективному фактору – раздуванию «арабской весны» заинтересованными внешними силами. В первую очередь наиболее активное стимулирование революционных событий на Ближнем Востоке идет со стороны двух лидеров Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) – богатых ваххабитских монархий Саудовской Аравии и Катара[17].

Очевидно, что «арабская весна» помогла Эр-Рияду и Дохе развернуть процесс «переформатирования» Ближнего Востока по своему сценарию, в соответствии с которым на месте светских утверждаются религиозно-ориентированные режимы, близкие по своим идеологическим и политическим установкам суннитско-фундаменталистским правителям аравийских монархий и способные стать их союзниками в борьбе против распространения (из Ирана) шиитского влияния[18].

Ближний Восток переживает тектонический сдвиг, фундаментальные перемены, контуры которых только наместились. «Арабская весна», запустившая процесс переформатирования всего Ближнего Востока, имеет весьма объективные причины. Проект построения светских национальных государств провалился[19].

Исламисты уже стали частью политической элиты Туниса и Египта и, бесспорно, возьмут свое в Ливии. Наиболее предпочтительным выглядит сценарий, подразумевающий баланс сил между исламистами и армией. Однако для

этого необходимо достижение политического консенсуса между исламистами, рвущимися к власти, и генералами, традиционно удерживающими власть в своих руках.

Парадоксально, но «арабская весна» нивелирует все десятилетние достижения Ирана на Ближнем Востоке. Страна оказывается в изоляции, а в перспективе вообще может прекратить свое существование в случае открытого конфликта с Западом. Если Тегеран потеряет Сирию, то там с большой вероятностью будет создано ядерное оружие.

С самого начала «арабской весны» Турция заняла активную позицию в отношении происходящих событий. Причем вскоре она перестала координировать свою политику с Западом. Но агрессивность турецких властей во время «арабской весны» оказалась неэффективной. Это не привело (по крайней мере, до сих пор) к реализации поставленных целей и поставило под угрозу все плоды десятилетней политики Эрдогана.

Европа оказалась не готова к переменам в арабских странах и до сих пор не способна выработать единую политику в отношении этого региона[20]. Более того, чрезмерное вмешательство Евросоюза может привести лишь к исламизации арабских стран. Тем не менее пример Мали показывает, что Европа готова действовать решительно в случае возникновения угрожающей ситуации.

Главная цель политики Израиля в условиях нарастающей нестабильности на Ближнем Востоке состоит в том, чтобы новые арабские режимы не могли решиться на нападение против него. Только так он может гарантировать свою безопасность.

Как представляется, примеры арабских революций на фоне усиления международной изоляции ИРИ могут вызвать реакцию подражания и привести к негативным последствиям. Вероятность предотвратить развитие событий по такому сценарию у Ирана есть. Исламский режим не только подтвердил возможность своего существования, но и продемонстрировал способность к эволюции и до сих пор сохраняет потенциал дальнейшего развития в рамках «исламской демократии». Вопрос состоит в том, хватит ли Тегерану отпущенного времени, чтобы поддерживать баланс между национальными интересами и претензиями Запада.

Россия доигрывает сирийскую партию с одной целью: чтобы впредь сохранить свое место за большим игровым столом в международной политике[21].

Помимо всего прочего, волна революций в странах Северной Африки и Ближнего Востока изменила характер и траекторию многих глобальных процессов, в том числе объемы, характер и направленность трансграничной миграции.

Волна протестных выступлений, распространившихся на Ближний Восток, серьезно изменила политическую ситуацию в регионе и создала новые возможности для «Аль-Каиды» и аффилированных с ней организаций. Хотя призывы к демократии, справедливым выборам и переходным правительствам в таких странах, как Египет, Тунис, Ливия и Йемен, противоречат идеологическим

ориентирам салафитов, которые расценивают демократию как «форму идолопоклонства». Новая политическая ситуация обеспечивает радикалам от ислама определенный простор для усиления своих позиций в арабских странах[22].

На основе анализа нынешней ситуации в Египте, Тунисе, Марокко и других арабских странах можно сделать вывод о том, что на авансцену политической жизни выдвинулись четыре основные группы, которые условно, с определенным допуском, можно подразделить на следующие:

– умеренные исламистские организации и движения, выступающие за модернизацию общества, но не по модели вестернизации, а на основе ценностей и нравственных норм ислама[23];

– радикальные исламские группы (их объединяют термином «салафиты»), которые выдвигают в качестве цели создание исламского государства на основе шариата;

– две другие группы можно назвать светскими; они отвергают построение государства на религиозной основе. Первая включает армию и связанные с ней службы, вторая – конгломерат сил, ставших инициаторами революционных выступлений против авторитарных режимов, – широкий спектр либеральных и демократических кругов и прежде всего молодежи (известно, что молодежь составляет более половины населения в арабских странах[24]). Вероятно, что эти центры силы станут новыми точками сборки ближневосточного пространства, которые будут оказывать соответствующее идеологическое влияние на исламском поле.

Литература

1. О результатах «арабской весны» см.: Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? – М.: ИВ РАН, 2012. – 593 с. Лаумулин М. Т. «Арабская весна» 2011 года: социально-политические изменения на Арабском Востоке и их международные последствия. – Алматы: КИСИ, 2011. – 236 с. Аджамы Ф. «Арабская весна» – первый год. Опасное время для жизни// Россия в глобальной политике (Москва), 2012. Т. 10. № 2. Ближний Восток: возможные варианты трансформационных процессов. Аналитический доклад ИМИ МГИМО (У). Выпуск 3(33)/ А. В. Федорченко, А. В. Крылов. – М.: МГИМО-Университет, 2012. – 90 с. Зеленин Е. И. Смута, анархия, революция: арабская политическая культура на пути в будущее// Азия и Африка сегодня (Москва), 2012. № 1. С. 8–12. Львова Э. Что такое «арабская весна»?// Международная жизнь (МИД РФ), 2012. № 10. Поволоцкий Г. Ближний Восток: «весна» масштаба третьей мировой// Международная жизнь (МИД РФ), 2012. № 8. С. 170–178.
2. Братерский М. Иранский кризис разрешится в Сирии?// Вестник аналитики (Москва), 2012. № 2. С. 66–72.

3. О предыстории событий см.: Беляков В. В. Египет: рождение «второй республики»// *Международная жизнь* (МИД РФ), 2012. № 11. С. 130–141. Васильев А. М. Египет после выборов// *Азия и Африка сегодня*, 2012. № 4. С. 2–15. Винницкий Д. И. Египет: холодный экономический душ заливают жар «арабской весны»// *Азия и Африка сегодня* (ИВ – АФ РАН), 2012. № 3. С. 10–14. Крол А. А. «План Бернарда Льюиса» и большая египетская игра// *Азия и Африка сегодня* (ИВ/ИА РАН), 2012. № 9. С. 52–57.
4. Мирзаян Г. «Зеленое» будущее Египта. Приведут ли «Братья-мусульмане» к большой войне на Ближнем Востоке// *Россия в глобальной политике* (Москва), 2012. Т. 10. № 4. С. 154–167. Эль-Рашиди Я. Египет на краю// *Pro et Contra* (МЦК), 2012. № 1. С. 116–124.
5. По данной проблеме см.: Бакланов А. Сирия как системный сбой механизмов безопасности. Почему на Ближнем Востоке нужны принципиально новые подходы// *Россия в глобальной политике* (Москва), 2012. Т. 10. № 2. Демиденко С. Сирия: новая горячая точка Ближнего Востока// *Вестник аналитики* (Москва), 2012. № 2. С. 59–65. Долгов Б. Сирийский кризис: развитие и перспективы// *Международная жизнь* (МИД РФ), 2012. № 9. Исаев Л. М. Сирийский тупик: «арабская весна» завершилась// *Неприкосновенный запас* (Москва), 2012. № 2. С. 233–241. Кургинян С., Кургинян И. и др. Сирия: развитие ситуации после «цунами революций на Ближнем Востоке»// *Россия и мусульманский мир* (ИВ РАН), 2012. № 2. С. 163–174.
6. Мохова И. М. Реакция Франции на «арабскую весну»// *Актуальные проблемы Европы* (ИНИОН РАН), 2012. № 3. С. 92–105.
7. Филиппов В. Р. Туареги Мали: долгий путь к миру// *Азия и Африка сегодня* (ИВ/ИА РАН), 2012. № 9. С. 46–51.
8. Карбасова О. Стратегия информационного давления на Иран// *Свободная мысль* (Москва), 2012. № 11–12. С. 29–36.
9. Мамедова Н. Иран и экономический кризис// *Свободная мысль* (Москва), 2012. № 9–10. С. 14–24.
10. Зухраи Х. Глобализация экономики и внешняя политика Ирана// *Современный Иран* (Москва), 2012. № 3. С. 34–37. Иран на сцене «Большой игры». – Москва: ЦСОП, 2012. – 22 с.
11. О турецкой позиции см.: Ыылмаз М. Переосмыслить Ближний Восток. Кто выиграет, а кто проиграет от «арабской весны»// *Россия в глобальной политике* (Москва), 2012. Т. 10. № 2.
12. См.: Иванова И. И. Турция и события на Ближнем Востоке// *Азия и Африка сегодня* (Москва), 2011. № 5. С. 6–9.
13. Фитуни Л. Л., Солодовников В. Г. Навстречу «арабской зиме»// *Азия и Африка сегодня* (ИВ – ИА РАН), 2012. № 6. С. 2–9.
14. Цатурян С. А. Стратегия ненасильственного сопротивления на Ближнем Востоке и в Северной Африке: роль США// *США – Канада* (ИСКРАН), 2012. № 9. С. 71–85.
15. Рогов С. М. Роль Ирана в политике США на Ближнем Востоке// *Азия и Африка сегодня* (ИВ – ИА РАН), 2012. № 8. С. 8–10. Цветкова Н. А. Иран в публичной дипломатии США// *Азия и Африка сегодня* (ИВ – АФ РАН), 2012. № 3. С. 29–34.
16. Кургинян С., Кургинян И. и др. Обострение ситуации в Йемене// *Россия и мусульманский мир* (ИВ РАН), 2012. № 3. С. 174–183.
17. Карякин В. Саудовская Аравия и Катар – провозвестники нового арабского халифата?// *Вестник аналитики* (Москва), 2012. № 2. С. 51–58. Косач Г. Саудовская Аравия и «арабская весна»// *Свободная мысль* (Москва), 2012. № 5–6. С. 91–101. Курбанов Р. Что ждет Дом Саудов? «Арабская весна» и Эр-Рияд// *Россия в глобальной политике* (Москва), 2012. Т. 10. № 4. С. 143–153. Малышева Д. Монархии Персидского залива и «арабская весна»// *Международная жизнь* (МИД РФ), 2012. № 8. С. 41–53.
18. Стегний П. Ближний Восток: по-версальски или по-вестфальски? Смыслы, подтексты и повестка дня «арабской весны»// *Россия в глобальной политике* (Москва), 2012. № 6. Стегний П. ББВ: Большая Ближневосточная Весна. Или Война?// *Россия в глобальной политике* (Москва), 2012. Т. 10. № 1. С. 68–78. Ульрихсен К. К. Арабские решения арабских проблем? Изменение региональной роли стран Персидского залива// *Россия в глобальной политике* (Москва), 2012. Т. 10. № 2. Фитуни Л. Л. «Арабская весна»: трансформация политических парадигм в контексте международных отношений на Востоке// *Мировая экономика и международные отношения* (Москва, ИМЭМО), 2012. № 1. С. 3–14.
19. Мельянцева В. А. Арабские страны: кризис модели развития// *Азия и Африка сегодня* (ИВ РАН, ИАФ РАН), 2012. № 5. С. 17–20. Иришин Г. События в Северной Африке и на Ближнем Востоке: международные факторы// *Мировая экономика и международные отношения* (Москва, ИМЭМО), 2012. № 6. С. 102–116; № 7. С. 107–121. Нестабильность в Северной Африке и на Ближнем Востоке: влияние на мировой рынок нефти. Рук. авт. колл. С. В. Жуков. – М.: ИМЭМО РАН, 2012. – 43 с. Озеров О. «Арабская весна» в контексте глобализации, или Переагрузка матрицы// *Международная жизнь* (МИД РФ), 2012. № 6. С. 86–103.
20. Данилов Д. Европейский союз в поисках ответов на вызовы «Арабской весны»// *Индекс безопасности* (ПИР-Центр), 2012. № 3–4. С. 107–140. Кудряшева И. В. Европа и «арабская весна»// *Актуальные проблемы Европы*, 2012. № 3. С. 18–41.
21. См.: Морозов Ю. Влияние ближневосточного кризиса на национальные интересы государств ШОС// *Проблемы Дальнего Востока* (Москва, ИДВ

- РАН), 2012. № 4. С. 27–40. Труевцев К. М. Украина, Россия и события на Ближнем Востоке// Азия и Африка сегодня (Москва), 2012. № 2. С. 11–14.
22. См. также: Ахмедов В. М. Современный Ближний Восток// Новая и новейшая история (ИВИ РАН), 2012. № 2. С. 23–43. Аксенёнок А. Нет у революции конца. Демократизация Ближнего Востока и новые вызовы// Россия в глобальной политике (Москва), 2012. Т. 10. № 2. Барзегар К. Поворот в ближневосточной геополитике. Арабские восстания и меняющаяся реальность// Россия в глобальной политике (Москва), 2012. Т. 10. № 2. Ланда Р. Политические волнения в арабском мире: видимость и суть// Россия и мусульманский мир (ИНИОН – ИВ РАН), 2012. № 6. С. 154–169. Ланда Р. Арабский мир: конец «эпохи Насера»// Восток-Оrients (Москва, ИВ РАН), 2012. № 6. С. 51–61.
23. Бакланов А. Закат исламизма? Победит тот, кто обеспечит развитие мусульманам// Россия в глобальной политике (Москва), 2012. № 6.
24. Карякин В. Информационно-сетевые войны и их роль в событиях на Ближнем Востоке// Россия и мусульманский мир (ИВ РАН), 2012. № 1. С. 162–171. Манойло А. Революции на Ближнем Востоке и в Северной Африке: политический прагматизм и технологии управляемого хаоса// Россия и мусульманский мир, 2012. № 7. С. 126–140. Саватеев А. Д. «Арабская весна»: симбиоз глобализации и исламских традиций// Азия и Африка сегодня (ИВ РАН, ИАФ РАН), 2012. № 2. С. 7–10.

«АРАБСКАЯ ВЕСНА»: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Евгений Пастухов

В начале 2011 года в ряде стран Ближнего Востока практически одновременно произошли события, получившие название «арабская весна». Массовые волнения привели к смене правящих режимов в Тунисе, Египте, Ливии и Йемене, обострили общественно-политическую ситуацию в Бахрейне и стали причиной продолжающегося вооруженного конфликта в Сирии. Под влиянием ответственности власти Алжира сфокусировали свои усилия на решении насущных социально-экономических проблем, в Марокко прошли парламентские выборы, а в Иордании и монархиях Персидского залива сменились правительства.

Потрясений подобного рода на Ближнем Востоке – одном из самых неспокойных и конфликтных регионов мира – не наблюдалось на протяжении нескольких десятилетий с момента национально-освободительных движений и социалистических революций 1950–1960 годов. Масштабы и ход преобразовательных процессов уже привели к изменению привычного положения дел в некоторых арабских государствах и их обществах, а также региональной геополитики. Очевидно, что «Ближний Восток уже никогда не будет таким, как прежде»[1].

Данное утверждение разделяет подавляющее большинство зарубежных и казахстанских экспертов. Поэтому было и остается чрезвычайно важным понимание природы событий на Ближнем Востоке и их последствий как для самих государств, прошедших через «весеннее пробуждение», так и для соседнего с ними региона Центральной Азии.

Неудивительно, что в Казахстане проявляли большой интерес к «арабской весне» на государственном уровне, в экспертных кругах и обществе. Эта тема рассматривалась в большом количестве публикаций в отечественных электронных и печатных средствах массовой информации, отдельными главами она рассматривается в книге казахстанских политологов «Сумеречная зона», или «Ловушки» переходного периода», посвященной транзиту власти в переходных обществах. Кроме того, еще в конце 2011 года Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК издал книгу Мурата Лаумулина «Арабская весна 2011 года: социально-политические изменения на Арабском Востоке и их международные последствия». В ней автор детально изучает предпосылки политического кризиса в ближневосточном регионе,

причины, внутренние и внешние факторы «арабской весны», ее последствия и вероятные сценарии развития ситуации.

Все это помогло казахстанской общественности сформулировать собственное отношение к стремительным изменениям в странах мусульманского мира. Однако поскольку они все еще продолжают двигаться в сторону государственно-общественной трансформации, то пока рано говорить об ее окончательных итогах на государственном, региональном и глобальном уровнях. Приведет ли арабский феномен к коллапсу государств Большого Ближнего Востока, территория которого раскинулась от Северной Африки до Южной Азии, какие режимы утвердят свою власть в арабских странах, существуют ли риски повторения «весны» в центральноазиатских республиках и как все это может отразиться на национальных интересах Казахстана в средне- и долгосрочной перспективе?

И грянул гром

Все происходящее на Ближнем Востоке, причины наблюдаемых деструктивных явлений, вектор дальнейшего развития политической и социально-экономической ситуации привлекает особое внимание в Центральной Азии еще и потому, что два года назад в экспертном сообществе появились предположения, будто «арабская весна» может распространиться на Центрально-Азиатский регион и Россию. По мнению различных российских СМИ, пример политической активизации арабского общества мог подтолкнуть часть населения крупных городов России к протестам на Болотной площади в Москве, маршам оппозиции и нашумевшему движению «Оккупай Абай».

Ряд экспертов в Казахстане до сих пор полагают, что вероятность повтора арабских событий в республиках Центральной Азии довольно высока. «Отсутствие объединительных национальных идей, присущие многим странам региона коррупция, резкое расслоение местных обществ по материальному положению, безработица и нищета подавляющей части населения, помноженные на маргинализацию социума, рост религиозного экстремизма – все эти факторы, вкуче или отдельно, способны сыграть роль детонатора»[2].

С данным тезисом трудно не согласиться. По общему признанию, основной движущей силой «арабской весны» принято считать недовольство населения социально-экономическим положением в арабских странах. К началу 2011 года оно заметно ухудшилось вследствие глобального финансового кризиса. Сложное экономическое положение существенно сократило возможности многих арабских государств, прежде всего не являющихся экспортерами энергоресурсов, субсидировать базовые продукты питания для населения. Именно растущие цены на хлеб, сахар и растительное масло в Тунисе, Алжире и других странах стали поводом для массовых выступлений.

Изменение социально-демографической структуры арабского общества из-за высокой рождаемости, снижения младенческой смертности, увеличения

продолжительности жизни, роста доли городского населения также сыграло важную роль в ближневосточных событиях. Социальное и экономическое развитие многих арабских стран уже не обеспечивало всех потребностей общества. С одной стороны, государство улучшало систему здравоохранения, проводило социальные реформы, давало бесплатное начальное и среднее образование, сделало максимально доступным высшее образование, но с другой – не гарантировало получения работы, улучшения качества жилья и т. д.

Следовательно, активная часть арабского общества, вышедшая на улицы столиц Туниса, Египта и других государств, требовала от властей прежде всего сократить безработицу, остановить рост цен на товары первой необходимости, снизить социальное расслоение и ужесточить борьбу с коррупцией.

В то же время необходимо отметить, что поначалу исключительно экономические требования очень быстро приобрели политический окрас. Либеральные круги, а также молодежь, имеющая высшее, нередко иностранное образование, выступили за проведение демократических реформ. Таким образом, отсутствие социальных лифтов, существующие социально-экономические проблемы государства, сложная демографическая и религиозная ситуация, а также ограниченность политической инициативы у части общества стали катализатором народного недовольства.

Массовые протесты в странах Ближнего Востока и Северной Африки обнажили огромный пласт копившихся десятилетиями проблем в области экономики и политики. Однако во многом именно позиция США и арабских монархий определила, что в Египте, Тунисе и Ливии народные волнения привели к смене режима, а в Бахрейне – к разгрому протестного движения, где главную роль играли выходцы из шиитской общины, выступившей против власти, традиционно представленной суннитами.

О влиянии внешнего фактора красноречиво свидетельствует изменение политики Вашингтона относительно кризиса в Египте. В первые дни митингов на каирской площади Тахрир госсекретарь США Хиллари Клинтон «высоко отозвалась о президенте Хосни Мубараке, заявив, что его правительство «вполне устойчиво», а сам он «стремится найти варианты ответа на законные требования египетского народа»[3]. Мнение главы американского госдепа полностью разделял специальный посланник Вашингтона в Египте Фрэнк Визнер, который даже призвал Мубарака не уходить в отставку: «Сохранение президента Мубарака у власти критически важно в сложившейся ситуации»[4].

Взгляды Вашингтона кардинально поменялись после визита в США группы высокопоставленных египетских офицеров. Перемена тональности Белого дома фактически спровоцировала египетскую оппозицию усилить свое давление на руководство страны и предопределила отставку ее президента.

Вполне возможно, что представители египетского генералитета, опасаясь потерять свой контроль над обществом и не разделявшие намерений Мубарака передать власть своему сыну Гамалю, убедили Вашингтон отказаться от поддержки главы государства. С его уходом властные полномочия все равно оста-

вались в руках Высшего армейского совета во главе с маршалом Мухаммедом Тантави. Иначе говоря, общественно-политическая система государства, хотя и испытывала трудности, но продолжала функционировать в прежнем режиме. Нечто подобное наблюдалось в Тунисе, где отставка президента Бен Али автоматически не означала отстранения сахельского клана от властной пирамиды. И Мубарак, и Бен Али были выбраны в качестве жертвы, которую следовало заплатить обществу ради сохранения системы в целом.

Получается, что отсутствие моральной поддержки США привело к свержению их бывших союзников в Египте и Тунисе. Например, несколькими годами ранее Вашингтон выступил на стороне египетского руководства, которое испытывало серьезное общественное давление из-за роста мировых цен на продовольствие. Только в 2007–2008 годах в Египте было отмечено свыше 580 демонстраций протеста и забастовок[5], которые, впрочем, закончились ничем.

Есть основания полагать, что именно реакция Белого дома сыграла решающую роль в арабских событиях. Здесь же можно отметить, что помощь Запада и арабских монархий имела огромное значение в свержении Муамара Каддафи в Ливии и в усилении боевых возможностей вооруженной сирийской оппозиции.

Таким образом, нельзя исключать важность внешнего фактора в событиях на Арабском Востоке. И здесь следует согласиться с Муратом Лаумулиным, который подчеркивает, что «причины революционных потрясений на Ближнем Востоке носят комплексный характер и являются результатом одномоментного сочетания ряда факторов – политических, социально-экономических и геополитических»[6].

Восточная демократия

Вполне вероятно, что «арабская весна» для США и их европейских союзников стала такой же большой неожиданностью, как и для всего остального мира. Но надо отдать им должное, страны Запада не упустили возможность воспользоваться пробуждением Ближнего Востока как поводом, чтобы закрепить в государствах региона демократические тенденции.

В Северной Америке и Европе традиционно исходят из того, что демократические стандарты универсальны и подходят для всех стран без исключения. Поэтому если арабское население желает приобщиться к экономическим благам и политическим свободам, гарантированным демократией, то процесс либерализации, разумеется, должен получить поддержку со стороны западных стран.

Именно поэтому в начале 2000-х годов, даже несмотря на серьезные проблемы безопасности и угрозу обострения международных отношений либеральная общественность США и Европейского союза с воодушевлением восприняла идею расширения границ демократии за счет территории Афганистана и Ирака. В этот период благодаря усилиям Запада политическая либерализация стала казаться неизбежной для политической жизни Востока,

что подтверждало правильность тезиса об универсальности демократических стандартов. В Пакистане при правлении военных представители влиятельных религиозных партий сумели победить на парламентских выборах и принимали участие в формировании провинциальных органов правления. Генерал Первез Мушарраф официально вышел в отставку и оставался на посту президента страны как гражданский политик. В Турции, несмотря на ограничения армии, к власти пришла религиозная Партия справедливости и развития во главе с Реджепом Тайипом Эрдоганом.

Под давлением США политическая либерализация отчасти затронула и ближневосточные страны, в том числе Египет и Палестинскую автономию. В 2005 году руководство Египта после консультаций с Вашингтоном впервые за долгие годы допустило сторонников радикальной религиозной организации «Братья-мусульмане» к участию в парламентских выборах. В итоге они неожиданно создали довольно влиятельную оппозиционную фракцию в законодательном органе страны.

Тогда же в Палестине появилась должность президента, причем глава государства передал часть своих властных полномочий премьер-министру. Впоследствии на открытых и демократических парламентских выборах верх одержали представители палестинской радикальной религиозной организации ХАМАС. Под лозунгами социальной справедливости и борьбы с коррупцией они уверенно обошли политиков из правящего светского движения ФАТХ.

Между тем элиты и общества многих традиционных восточных государств, даже если они и стремились к либерализации, по объективным причинам и ввиду специфики общественно-государственного развития оказались не готовы быстро адаптироваться к новым условиям. Преимущества демократических институтов, ставшие залогом политического успеха для одних, превратились в серьезную угрозу прежнему образу жизни для других. Демократизация способствовала коренной реконструкции политических систем, например, в Ираке и Афганистане. Именно благодаря демократическим инструментам, принесенным Пентагоном, шииты Ирака, являющиеся большинством в стране, впервые в современной истории этого государства смогли занять лидирующее положение в системе государственного управления. Данное обстоятельство, безусловно, вызвало недовольство традиционной элиты, представленной арабами-суннитами, и привело к серьезным межконфессиональным столкновениям.

В Афганистане общины таджиков, узбеков и хазарейцев в рамках демократических процессов легитимизировали свои претензии на повышение политического статуса в противовес прежней доминирующей группе – афганским пуштунам, что при неблагоприятном сценарии развития событий можно рассматривать как серьезную почву для усиления политической борьбы в будущем.

В целом можно сказать, что многие страны Востока оказались не готовы к ускоренной социально-политической и экономической либерализации по западным стандартам. В 1992 году именно политическая либерализация в Ал-

жире, в результате которой на парламентских выборах победил радикальный Исламский фронт спасения, привела к многолетней гражданской войне. Победа ХАМАС на парламентских выборах в Палестине углубила конфронтацию между религиозным и светским движением и расколола палестинские территории, контролируемые ХАМАС и ФАТХом, на отдельные анклав.

Похожие процессы наблюдались в период деколонизации африканских государств. Форсированная извне политическая трансформация стран южнее Сахары привела к тому, что западные демократические институты были фактически насильно объединены с традиционными формами управления. В результате оставшиеся по форме европейскими институт президентства, парламент, судебные органы наполнились местным содержанием. Несмотря на демократический фасад, они сохранили такие недостатки, как трайбализм, клановость, закрытость системы и, самое главное, готовность различных общин всеми доступными средствами бороться за свои экономические и политические интересы. Именно поэтому демократия не смогла обеспечить политической стабильности. Во многих странах Африки военно-политическое положение остается неустойчивым, политическая жизнь сопровождается военными переворотами и гражданскими конфликтами, а население склонно видеть в авторитаризме залог бесконфликтного развития страны и общества.

Проблема заключается еще и в том, что в государстве с традиционно восточной организацией общества, особенно там, где в меньшей степени развиты частнособственнические рыночные отношения, близость к власти зачастую означает более легкий доступ к различным государственным ресурсам. Поэтому нередко демократия в таких государствах понимается как один из эффективнейших инструментов перераспределения финансовых или других ресурсов, способствующих получению экономических дивидендов. То есть власть означает богатство, при помощи которого можно добиться качественного улучшения жизни для своей общины, этнорелигиозной группы, клана или племени. Именно поэтому в Ираке шииты сразу же попытались оттеснить от рычагов правления госаппаратом и армией суннитов, в Афганистане пуштуны соперничают с таджиками, узбеками и хазарейцами, в Йемене и Ливии в ожесточенное противоборство вступили различные племена.

Сосредоточение в своих руках власти в традиционном восточном государстве означает в первую очередь сохранение и выживаемость правящего класса. Отсюда вытекает и ожесточенность политической борьбы, когда цель начинает оправдывать любые средства. Поэтому в 2003 году иракские курды первым делом потребовали от США гарантий автономности своих территорий, где расположены крупные месторождения нефти. По их примеру уже в 2011-м нефтедобывающий регион Киренаика объявил о своей автономии в Ливии.

Конфликт интересов остается постоянным фактором политического процесса в разнородном восточном мире, и либерализация может наиболее рельефно обнажить острые вопросы. Естественно, это сопровождается усиле-

нием политической борьбы. Отсюда понятно, почему получившие власть в Египте «Братья-мусульмане» пытаются доминировать в системе управления и в духовно-идеологической сфере, что вызывает резкую критику их оппонентов.

Бескомпромиссную борьбу за власть, политическую нестабильность, а кое-где и медленное сползание страны в пропасть гражданской войны, можно назвать первыми итогами либерализации государств, переживших «арабскую весну». Ливийское правительство до сих пор не контролирует большую часть территории страны. Об этом говорится в докладе Группы экспертов Совета Безопасности ООН по Ливии: «Контроль со стороны Национального переходного совета остается условным и является результатом непрекращающихся переговоров с автономными ополчениями и местными советами»[7].

Вторую годовщину своих «твиттерных революций» Тунис и Египет встретили многотысячными акциями протеста и демонстрациями. «На улицах Туниса, как и два года назад, скандируют: «Нет диктатуре!», на этот раз диктатуре религиозной»[8]. В Египте тысячи человек, недовольные политикой новых властей и их попытками увеличить роль и значение ислама в жизни государства и общества, требовали свержения президента Мохаммеда Мурси и правления организации «Братьев-мусульман». «Масштабные столкновения оппозиции с полицией и сторонниками Мурси наблюдались не только в столице, но и в провинциях. По данным скорой помощи АРЕ, в столкновениях пострадали 252 человека, несколько десятков погибли»[9].

В таком случае, возможно, что до сих пор происходящие в Ираке и Афганистане межконфессиональные и межэтнические столкновения, раскол Палестинской автономии на два анклава, серьезный политический кризис в Египте, Тунисе и Ливии явно свидетельствуют не столько о провале демократического процесса, сколько о неудаче проведенной за короткий срок коренной реконструкции политических систем и форсированной либерализации, не учитывающей специфику традиционного восточного общества. Вероятно, поэтому часть экспертного сообщества США призывает к тому, чтобы «Вашингтон предельно ясно показал всему мусульманскому миру, что Америка хочет помочь ему найти собственный путь демократии и процветания, а не навязывать готовые рецепты относительно того, как должны происходить социально-экономические и политические изменения. Эти программы должны учитывать уникальность и специфический характер каждого государства»[10].

Ислам как решение

Следует отметить, что в настоящее время результатами «арабской весны» и демократизацией максимально воспользовались религиозные партии, которые стали популярными не только в Египте и Тунисе, где они набрали большинство на парламентских выборах. В Ливии и Йемене с уходом прежнего руководства также усиливают свои позиции в обществе и политике предста-

вители радикальных религиозных организаций. Примечательно, что сторонники политического ислама продемонстрировали возросшее влияние в таких государствах, как Марокко и Кувейт. Победившая год назад на парламентских выборах в Марокко религиозная Партия справедливости и развития сформировала свое правительство и контролирует ключевые посты министров иностранных дел, внутренних дел и юстиции[11]. Их единомышленники одержали крупную победу в Кувейте, где, согласно официальным данным, завоевали 34 из 50 депутатских кресел[12].

Попытки представителей религиозных организаций получить доминирующее положение в политической жизни страны становятся серьезным вызовом для светских кругов арабских обществ и религиозных меньшинств. К примеру, представители египетской салафитской партии «Ан-Нур» уже заявили о необходимости отказа от светского характера страны, а также предложили ввести подушный налог (джизью), взимаемый со всех египетских граждан-немусульман. Такая позиция увеличивает межконфессиональное напряжение, что приводит к открытым конфликтам. 7 апреля текущего года в городе Эль-Хусус в окрестностях Каира произошли кровопролитные столкновения между мусульманами и христианами-коптами, в результате чего погибли пять человек[13]. Конфликты происходили и раньше, но с уходом Мубарака межконфессиональные стычки участились, выросло и количество жертв.

Отсюда возникает вопрос, который сегодня очень волнует мировую общественность. Почему Запад, прекрасно понимая, что в случае общественно-политической либерализации арабских стран на политическую арену могут выйти религиозные организации, поддержал оппозицию, в рядах которой были религиозные организации, и, более того, не опасается выстраивать отношения с радикалами, как это происходит в той же Сирии или Ливии?

Опыт Алжира в 1991 году показал, что приход к власти сторонников политического ислама в глазах общества может выглядеть как достойная альтернатива неспособному и неэффективному светскому правительству. Очевидно, что власти Египта, Туниса и других арабских государств к 2011 году во многом исчерпали потенциальные возможности по дальнейшему социально-экономическому развитию, не смогли предложить устраивающий большинство населения вектор дальнейшей социально-экономической и политической модернизации. Внутри практически всех арабских государств созрели предпосылки к форсированным социально-экономическим и/или политическим преобразованиям. Неудивительно, что протестное движение охватило не только жителей бедных Йемена или Ливии, но также вполне благополучных Туниса, Египта и успешных Кувейта, Саудовской Аравии и Бахрейна.

Естественно, что при первых же признаках либерализации инициативу у светских кругов перехватили религиозные организации. Потому что за годы, проведенные в подполье, они сумели построить разветвленную гуманитарную и экономическую инфраструктуру, заручиться поддержкой огромной массы населения. Хорошая организация и обширная социальная база гаран-

тировали успех религиозным партиям на честных и свободных выборах в Египте и Тунисе.

Не следует забывать и о том, что Запад не боится выстраивать диалог с религиозной оппозицией в мусульманских государствах. В годы холодной войны США и их европейские партнеры рассматривали исламских радикалов как союзников в противостоянии с коммунизмом. Великобритания видела в международной сети организации «Братья-мусульмане» эффективное средство борьбы с арабским национализмом и социализмом на всем Ближнем Востоке.

В период советской военной интервенции в Афганистан США и члены НАТО активно поддерживали отряды афганских моджахедов и примкнувших к ним сторонников джихада из различных мусульманских государств. Арабские боевики, прошедшие Афганистан, после 1992 года были замечены в Боснии и Косово. Эти югославские области по сути превратились в плацдарм НАТО для развала бывшей Югославии и ликвидации имперского характера данного государства, что напрямую отвечало интересам США и западноевропейских стран. Позднее, в середине 1990-х годов, Вашингтон использовал афганское движение «Талибан», чтобы добиться преимущества в геополитическом противостоянии с Россией и Ираном.

К этому времени перед Вашингтоном был пример того, что интеграция исламистов в политическую систему может сделать их умеренными и привлекательными для части общества. Во второй половине 1990-х годов алжирские военные смогли найти аргументы, для того чтобы убедить религиозные партии вступить с ними в правящий альянс. С тех пор члены умеренного крыла Исламского фронта спасения – Движения общества за мир и партии «Ан-Нахда» вошли в алжирский парламент и правительство. При этом сам ИФС, который, будучи центром политического исламского движения, возглавлял антиправительственную деятельность в начале 1990-х годов, потерял свое место в современной политической системе Алжира. Фактически алжирская армия, привлекая на свою сторону религиозных политиков, не только расколола влиятельное и мощное исламское движение, но и нейтрализовала его воздействие на общественно-политическую жизнь страны, закончив гражданскую войну. Наиболее радикальная часть ИФС – Вооруженные исламские группы и отпочковавшиеся от них Салафитские группы проповеди и борьбы, были окончательно выведены за рамки политического процесса. Они постепенно теряли социальную базу, превратившись в маргинальные экстремистские группировки.

Другой пример эволюции политического ислама продемонстрировала правящая в Турции Партия справедливости и развития. С 2003 года ПСР во главе с Эрдоганом начала проводить масштабные либерально-демократические реформы в стране с целью приблизить законодательство страны к европейским стандартам. Со временем религиозная организация стала общенациональной правоцентристской партией, которой удалось вывести Турцию из экономического кризиса и превратить ее в одну из ведущих экономик мира. А это, в свою

очередь, позволяет сегодня Анкаре выступать в качестве державы, способной оказывать влияние на решение актуальных региональных проблем.

Таким образом, для государств с традиционной восточной организацией общества, принципиальное значение приобретает не скорость либерализации, а качественное и ответственное управление страной, при котором учитываются интересы всех слоев населения, политических групп и элит, представляющих разные этнические или конфессиональные группы. То есть на первый план выходит эффективность государственного управления и системы в целом.

Между тем, чтобы эффективно развивать экономику, арабские элиты вне зависимости от своих политических взглядов объективно заинтересованы в тесном сотрудничестве с Западом. Арабским странам нужны западные технологии, промышленные и информационные инновации, огромные внешние инвестиции, западные рынки и т. д. Примечательно, что при Эрдогане Турция смогла вывести на качественно новый уровень многосторонние взаимоотношения с Европой, что, собственно, и позволило Анкаре решить экономический кризис. Новые арабские лидеры также вынуждены идти на сотрудничество с Западом. Только в Египте иностранные инвестиционные потоки сократились с 6,4 млрд. долл. США в 2010 году до 500 млн. долл. США в 2011-м. Дефицит бюджета достиг 10 проц. от ВВП, а валютные запасы упали до 15 млрд. долл., которых едва хватит на покрытие расходов на импорт страны в течение трех месяцев[14]. При этом внутренний и внешний долг Египта достиг беспрецедентных размеров и, по данным Центробанка, впервые в истории страны превысил 240 млрд. долл. США[15].

Пример палестинской ХАМАС, которая вынуждена была смягчить позицию по палестино-израильскому конфликту из-за внешней изоляции и неспособности решить экономические проблемы в секторе Газа, а также успехи Турции могут подтолкнуть новые власти Египта, Туниса и других арабских государств выступить с более умеренных позиций. В том числе и по вопросам отношений с Западом. Следует отметить, что еще в мае 2011 года появилось так Довильское партнерство, реализуемое по итогам встречи «большой восьмерки» в Довиле. В рамках этого проекта арабским странам на «демократические преобразования и модернизацию экономики» предоставлено 40 млрд. долл. – 20 млрд. долл. от МВФ, по 10 млрд. долл. от государств Персидского залива и стран «восьмерки»[16]. Сумма выделена только до 2013 года и дальше, видимо, выделение средств будет зависеть от политики новых арабских властей.

В этой связи весьма примечательно, что в начале текущего года Всемирный банк и Евросоюз выделили Каиру средства для решения текущих экономических задач и выплаты государственного долга в обмен на выполнение ряда условий, в частности по ближневосточной проблеме. Египту пришлось выступить в роли посредника во время прошлогоднего обострения палестино-израильского конфликта и стать гарантом сохранения палестино-израильского перемирия.

Стабильная нестабильность или управляемый хаос?

В свою очередь, отношения с миром ислама считаются принципиально важными для стран Запада, и прежде всего США. Ближневосточный регион представляет для них серьезный стратегический и геополитический интерес в долгосрочной перспективе. Здесь находятся основные углеводородные месторождения, проходят транспортные коммуникации, здесь могут появляться угрозы безопасности, например международный терроризм и проблемы ядерного распространения. Кроме того, контроль над ситуацией на Большом Ближнем Востоке и в соседних с ним регионах позволяет США оказывать геополитическое давление сразу на нескольких геостратегических соперников – Россию, Китай, Иран.

Если до Второй мировой войны возможности США увеличить свое присутствие на Ближнем Востоке были ограниченными, то после ликвидации колониальной системы и сужения роли Великобритании и Франции в ближневосточных делах наблюдается генеральная линия Вашингтона на глубокое проникновение в политику региона. Вашингтон углубляет экономическое сотрудничество, инициирует создание различных военно-политических блоков, объединяющих страны Ближнего Востока, корабли его военно-морского флота патрулируют транзитные маршруты. В эпоху холодной войны внешняя политика США диктовалась еще и необходимостью противостоять Советскому Союзу, после его развала на первый план вышли проблемы безопасности.

Таким образом, интересы США заключаются в том, чтобы контролировать геополитические и экономические процессы в тех или иных регионах или макрорегионах. Тем самым Америка подкрепляет свой статус сверхдержавы. Поэтому вне зависимости от того, какие силы контролирует Белый дом – консерваторы или демократы, американская военно-политическая элита уверена в том, что «Соединенным Штатам положено доминировать в мире в военном, экономическом и политическом отношении. Обе партии считают, что стране необходимо поддерживать убедительное превосходство в мировом раскладе сил, укреплять экономическое лидерство, расширять сообщество рыночных демократий и сохранять гипертрофированное влияние в международных организациях»[17].

Данное обстоятельство, видимо, и дает основание появлению различных теорий, согласно которым в настоящее время Америка использует любые средства для того, чтобы обеспечить себе контроль над ситуацией на Ближнем Востоке. Российские и отечественные эксперты уверяют, что США поддержали «арабскую весну» исключительно потому, что добиваются состояния «управляемого хаоса». «Хаос – то самое состояние, в котором Вашингтон всегда старается найти свою прибыль»[18]. «Это заставляет вообще с большим скепсисом смотреть на будущее мира. Весь Ближний Восток начнет рассыпаться, Сирию, наверно, будут расчленять, очень многие эксперты

говорят о таком варианте. А затем, как при эффекте домино, начнет разрушаться остальное»[19].

Теория «управляемого хаоса» подразумевает такие методы и технологии, которые позволяют расколоть традиционные общества на отдельные фрагменты, погружая социум в состояние распада и политический хаос, подчиняющийся своим законам. Происходящие процессы превращают общество в послушный инструмент реализации внешнеполитических интересов иностранного государства, то есть хаос становится управляемым извне[20].

Отчасти это согласуется с тем, что можно наблюдать в странах, подвергнутых демократизации по-американски. Действительно, после свержения режима Хусейна иракское политическое поле и общество оказалось крайне раздроблено и атомизировано. В борьбу за власть вступили суннитские и шиитские партии, которые, в свою очередь, делятся на религиозные, светские, консервативные, либеральные и т. д. Теория разделения общества на отдельные фрагменты особенно хорошо проявилась в Египте, население которого в отличие от других арабских государств в целом выглядит как более однородное в этнорелигиозном плане, за исключением общины христиан-коптов. Сегодня оно оказалось в равной степени поделено между сторонниками религиозных властей и их противниками, которые условно делятся на консерваторов и либералов. Существует и очень влиятельная в Египте политическая сила, представленная армией и спецслужбами. Все они так или иначе теперь должны взаимодействовать друг с другом, вырабатывать некую модель взаимоотношений.

Впрочем, у теории «управляемого хаоса», при всей ее правдоподобности, наблюдается один недостаток. В основе ее лежит постулат о том, что традиционное социальное устройство, которое в арабских странах существует до сих пор, должно быть разрушено и перемешано. В результате ликвидации традиционного уклада и девальвации ценностей возникнет идеологический вакуум, который и должен быть заполнен внешними силами. Подразумевается, что речь идет о вестернизации арабского общества.

Однако на деле этого не происходит. Более того, в условиях деградации государства и ее основных политических институтов, общество стремится вернуться к своей традиционной организации. Поэтому вновь становится важным этническая, религиозная, племенная или клановая самоидентификация. В рамках этой самоорганизации население той или иной страны продолжает бороться за свои экономические и политические интересы. Поэтому племя каддафий, выходцем из которого был свергнутый лидер Ливийской Джамахирии Муамар Каддафи, продолжает упорно сражаться с отрядами самого многочисленного ливийского племени варфалла, представители которого пытаются занять доминирующее положение в стране. А они, в свою очередь, столкнулись с сопротивлением племен, пытающихся получить контроль над крупнейшим нефтяным месторождением на западе страны. В подобной ситуации никого не удивляет, что лидеры берберских племен Ливии, получившие прекрасное образование в Европе и США, искренне придерживающиеся идей либерализации,

зации, по возвращении на родину вливаются в ряды берберских борцов за самоопределение и возглавляют незаконные вооруженные отряды племенных ополчений.

Аналогичная ситуация наблюдается в Йемене, где общество также построено по родо-племенному принципу. Показательно, что детрайбализированное городское население Ирака довольно быстро разделилось по религиозному признаку на шиитов и суннитов, а в суннитских провинциях на западе страны неожиданно выросла политическая роль племенных старейшин и вождей.

Таким образом, если говорить о теории хаоса, то она в полной мере справедлива пока в одном утверждении. В том, что прошедшие через либерализацию традиционные восточные общества оказались в крайней степени расколотыми и разобщенными, а контроль над ними обеспечивается не за счет внедрения извне новой идеологии, а в первую очередь из-за создания системы сдержек и противовесов. Например, в Ираке доминирующее положение шиитов Вашингтон компенсировал присутствием в системе правления курдов и возвращением в госаппарат и армию суннитов, в том числе и бывших членов правящей партии БААС. Кроме того, шиитские иракские организации – светские и умеренные религиозные, уравнивают появление на политическом поле шиитских радикалов из организации «Армия Махди», которая на протяжении нескольких лет была одним из серьезных вооруженных противников Пентагона. Таким образом, в последнее время в Ираке создан баланс всех политических сил, который вынуждает участников политического процесса искать компромисс друг с другом. При этом гарантом сохранения стабильности выступает Вашингтон.

Не исключено, что эффективность действия системы сдержек и противовесов позволила США вывести свои основные вооруженные силы из Ирака. Несмотря на то что ситуация там далека от совершенства, происходят теракты и нападения на политических и религиозных лидеров, в целом общественно-политическая структура и главные институты страны работают в нормальном режиме.

Точно так же в Афганистане путем сложной игры Вашингтону удалось убедить лидеров этнических меньшинств в том, что представитель пуштунского большинства Хамид Карзай будет лучшим кандидатом на пост президента. К настоящему времени в Афганистане сформировалась система, в основе которой лежат латентные противоречия между пуштунским обществом и национальными меньшинствами таджиков, узбеков и хазарейцев. Недавние усилия Вашингтона по примирению с талибами, возможно, означают то, что Карзая, представляющего племенное пуштунское объединение дуррани, будут уравнивать представители племен гильзаев. Именно часть влиятельных маликов пуштунов-гильзаев и их отряды составляют нынешнюю вооруженную оппозицию Кабулу, которую принято связывать с движением «Галибан».

Вполне возможно, что американская администрация под лозунгами либерализации преследовала цель по децентрализации власти в арабских государ-

ствах. В таком случае понятно, что в этих планах мусульманским радикальным группировкам отводится такая же важная роль, как и другим традиционным политическим силам, например армии, которая играет важную политическую роль в Турции, Пакистане и ряде арабских государств.

Следовательно, в настоящее время американская тактика поддержки религиозных группировок Большого Ближнего Востока подразумевает интеграцию сторонников исламизма во властные структуры и, соответственно, разделение ответственности за ситуацию в стране и дальнейшее экономическое и государственное развитие. Именно это произошло с радикальной шиитской партией Ливана «Хезболлах». До 2010 года она рассматривалась как важный инструмент Ирана в зоне арабо-израильского конфликта. Однако в настоящее время депутаты от «Хезболлах» заседают в парламенте, члены организации сформировали правительство и, по крайней мере частично, отказались от радикальных взглядов, в том числе и по вопросу арабо-израильского противостояния.

Важно отметить, что религиозные партии в Египте и Тунисе оказались заложниками своего стремительного успеха, который им обеспечила либерализация общественно-политической жизни. Перед ними стоит непростая задача постоянно доказывать свою состоятельность и способность эффективно управлять государством, учитывая потребности всех кругов общества и решать сложный комплекс копившихся десятилетиями проблем. В противном случае новые арабские власти должны быть готовы к тому, что их неспособность повысить качество жизни приведет к разочарованию населения. Следовательно, исламистам рано или поздно придется искать приемлемую формулу взаимодействия со светскими кругами и силовыми структурами. Весьма показательным, что в ходе недавних беспорядков в Египте парламент принял решение наделить армию дополнительными полномочиями в обеспечении правопорядка. Фактически это может привести к усилению роли армии в обществе, против чего всегда выступали сторонники «Братьев-мусульман». По сути, речь идет о недопущении доминирования одной из сил, что характерно для восточного государства, и направлении политической жизни арабских стран в русло привычной западной демократии, где поиск компромисса и высокая степень договороспособности элит являются фундаментом политической системы.

В таком случае необходимо выяснить следующее. Действительно ли Запад заинтересован в состоянии постоянной политической нестабильности в арабских государствах, где он поддержал «весну», или же либерализация их общественно-политической жизни привела к осложнению обстановки. Дело в том, что данные арабские общества сохраняют высокий потенциал конфликтности из-за имеющихся межэтнических, межрелигиозных, региональных, клановых, племенных и других разногласий, которые выходят на поверхность при любой попытке изменить существующий статус-кво. В результате чего, как пишет М. Лаумулин, «Ближний Восток перешел к новому геополитическому состоянию: никакая внешняя сила не может реально влиять на происходящее в регионе»[21].

Интересы Запада

Если исходить из того, что США планомерно и последовательно реализуют не столько теорию «управляемого хаоса», сколько создают систему сдержек и противовесов, где они же и являются гарантом сохранения баланса сил, то практически все военно-политические и дипломатические усилия Вашингтона выглядят достаточно логично.

Децентрализация власти в Ираке не привела к коллапсу этой страны. По некоторым показателям, за десять лет в государстве произошли качественные улучшения. Ирак является третьим в мире экспортером нефти после Саудовской Аравии и России. В 2013 году объем добычи иракской нефти достигнет 3,6 млн. баррелей в день, до вторжения в Ирак этот показатель равнялся 2,8 млн. баррелей. Государственный бюджет впервые в истории страны составил 115 млрд. долл. США, продолжительность жизни увеличилась с 58 в 2000 году до 69 в 2011-м. Около 78 проц. иракцев имеют мобильные телефоны, свыше 20 проц. – пользуются Интернетом. Жители страны стали больше покупать бытовые электроприборы и автомобили[22].

С другой стороны, политические изменения в Ираке вряд ли будут способствовать появлению лидера вроде Саддама Хусейна, который сможет открыто угрожать интересам США в регионе. Можно также сказать, что американская стратегия на Ближнем Востоке направлена на недопущение появления региональных гегемонов.

Логично предположить, что систему сдержек и противовесов США намерены распространить не только на страновом уровне, но и на региональном. Исторический опыт показывает, что сверхдержавы проигрывали геополитическое соперничество не вследствие противостояния с другой державой, но из-за сплоченных действий группы стран. Объединенная Арабская республика Египта и Сирии представляла серьезную угрозу Израилю и ближневосточным интересам США. Можно вспомнить, что все известные войны против Израиля велись альянсами арабских стран. В 1948 году это были Иордания, Египет и Сирия. В 1973-м – Египет, Сирия и целая коалиция арабских государств от Марокко до Ирака. Другое дело, что арабы проигрывали, но в войне Судного дня Израиль попал в отчаянно тяжелое положение и если бы не своевременная помощь Вашингтона, фактически заставившего Египет остановить наступление на юге, ее конец мог бы быть совершенно иным.

Естественно, США извлекли уроки из событий тех лет, поэтому они весьма настороженно следили за любыми интеграционными процессами в арабском мире. Например, за стремлением Каддафи объединить арабские страны Северной Африки – Египет, Ливию, Судан, Алжир.

Каддафи в Ливии, Салех в Йемене, отец и сын Асады в Сирии, все они, как и Саддам Хусейн в Ираке, представляли угрозу интересам Америки на самых разных уровнях – от геополитического, до экономического и даже военного. Они были влиятельными игроками на региональной арене, и потому Ва-

шингтону приходилось учитывать их потребности, приспосабливаться к ним. С уходом харизматических арабских лидеров такая необходимость отпадает. Уменьшается риск опасной геополитической конфронтации, значит, Америке не нужно напрягать все имеющиеся ресурсы на сдерживание тех или иных государств, как Иран с его ядерной программой.

Таким образом, решая вопросы децентрализации ряда традиционных восточных государств, США преследуют сразу несколько важных задач своей ближневосточной стратегии либерализации региона.

Во-первых, вопреки расхожему мнению, Вашингтону уже не требуется непосредственный контроль над нефтяными ресурсами региона. Достаточно оказывать влияние на перераспределение сверхдоходов от продажи углеводородов, чтобы средства шли преимущественно на обслуживание потребностей государства и общества, а не на покупку вооружений, как это было во времена Саддама Хусейна. Тем самым решается важная проблема сферы безопасности, поскольку удерживаются страны, стремящиеся к региональной гегемонии. Именно поэтому сегодня США заинтересованы в изменении режима в Иране, который в последние годы демонстрировал возросшие региональные амбиции и пытался проводить контригру против США в Ираке, Афганистане, Ливане, Сирии, Йемене и Бахрейне.

Во-вторых, взаимодействуя с различными политическими силами ключевых стран в зоне арабо-израильского противостояния – Египта, Ливана и Сирии, Запад удерживает в приемлемых рамках вялотекущий ближневосточный конфликт. Примечательно, что президент Египта Мурси фактически нейтрализует радикальные высказывания своих партнеров по парламенту – салафитов из партии «Ан-Нур» – в отношении Израиля и египетско-израильского мирного договора.

В-третьих, США заинтересованы в сохранении мировой финансовой системы, где американский доллар оставался бы в качестве главной резервной валюты. Это дает Вашингтону как экономическое, так и геополитическое преимущество. Поэтому он весьма настороженно наблюдает за инициативой Совета Сотрудничества арабских государств Персидского залива о создании единого валютного союза и введении в оборот «халиджи». Интересно, что Оман и ОАЭ уже отказались присоединиться к союзу, а другие страны – члены организации перенесли срок появления новой валюты на неопределенный срок.

В-четвертых, с целью реализации совместных с арабским миром инициатив на региональном и глобальном уровне США выгодно действовать с ними в рамках заданного вектора. Однако такое сотрудничество легче наладить в регионе, где лидеры могут рассчитывать на долгосрочную стабильность, но не там, где наблюдается хаос, а ситуация меняется самым стремительным и непредсказуемым образом. К примеру, именно попытки Ирана использовать шиитское население Бахрейна в качестве пятой колонны с целью сломать антииранскую коалицию, которую долгие годы выстраивал Вашингтон, привели

к консолидации усилий США и арабских монархий, которые силовым путем решили проблему шиитской оппозиции в Манаме.

В-пятых, США и их европейские союзники ищут методы и способы, чтобы если не управлять событиями в регионе, то по крайней мере удерживать их в определенных рамках. Это сложно, но на Западе понимают, что исламский мир в любой момент готов высвободить огромную энергию, противостоять которой невозможно. С учетом растущих связей мира ислама с европейской мусульманской диаспорой, можно предположить, что в дальнейшем исламские общины могут оказывать серьезное давление на власти европейских государств и общество. Это выглядит весьма актуально на фоне возобновившейся с недавних пор дискуссии о столкновении цивилизаций, заявлений европейских лидеров о провале в их странах политики мультикультурализма, скандальных акциях с публичным сжиганием Корана или появлении не менее резонансных фильмов и карикатур на тему из жизни пророка Мухаммеда.

В этой связи, если исходить из логики системы сдержек и противовесов, Америке и Европе была бы выгодна ситуация, при которой государства исламской уммы (общины) не могли выступить с консолидированной позицией по тому или иному вопросу. Поэтому Запад может продолжать линию на обострение противоречий, с одной стороны, между суннитами и шиитами, с другой – углублять раскол между сторонниками светского и религиозного вектора модернизации государства и общества, которые предлагают суннитские Турция и монархии Персидского залива. То есть существующих линий разлома в исламском мире множество, даже не считая пограничных проблем, вопросов общего водопользования, религиозно-идеологического влияния и т. д. Все это может послужить почвой для будущих конфликтов, которые, вероятно, будут решаться при посредничестве Запада, который не заинтересован в появлении регионального конфликта или нескольких военных зон.

Таким образом, США объективно заинтересованы в том, чтобы Большой Ближний Восток был переформатирован в соответствии с их интересами. Так получается, что сейчас уходят в прошлое режимы, которые появились во время холодной войны и в результате арабо-израильского конфликта. Военные перевороты в арабских странах и социалистическая направленность прежних режимов в Египте, Ливии, Йемене, Сирии были ответом на военные поражения в войнах с Израилем. Одновременно они представляли определенный вызов для Вашингтона, даже несмотря на его близкие отношения с египетскими военными и нормализацию диалога с Каддафи в последние годы.

В таком случае реализация концепции «управляемого хаоса» (на чем настаивают некоторые российские и отечественные эксперты), – это скорее процесс упорядочивания и приведения внутривосточной ситуации в тех или иных странах, а также региональной геополитики в то состояние, которое позволяет осуществлять общий контроль над ситуацией в рамках всего Большого Ближнего Востока, охватывающего страны от Северной Африки до Южной Азии и граничащей с центральноазиатскими государствами.

Отсюда следует, что Казахстану, выстраивающему отношения с миром ислама, необходимо учитывать все, что происходит на Ближнем Востоке. Одним из важных уроков второй годовщины «арабской весны» можно назвать то, что на систему государственной безопасности может воздействовать целый комплекс факторов, имеющих как внутренний, так и внешний характер. События на Арабском Востоке показали, что целостность государственной системы любой страны может пострадать в результате одномоментного сочетания политических, социально-экономических или геополитических факторов. Поэтому государству нужно уметь эффективно и своевременно решать социально-экономические проблемы. Во многом способность государства грамотно выстраивать стратегию социально-экономического и политического развития снижает риски даже при неблагоприятной внешней среде. Причем устойчивость политической системы нередко зависит не только от эффективности в решении социально-экономических или политических вопросов, но и в сохранении сильного государства и его институтов.

Литература

1. Preface. The Arab awakening. America and the transformation of the Middle East. Kennet M. Pollack ...[et al.] Brooking Institution press, Washington D.C. p. xi
2. «Сумеречная зона», или «Ловушки» переходного периода. – Алматы, 2013. Стр. 104.
3. А. И. Шумилин. США – Египет: В поисках новой модели партнерства// «США – Канада. Экономика, политика, культура». № 1. Январь 2013. Стр. 42.
4. Kristof N. Obama and Egypt's Future // The New York Times. 09.02.2011 <http://www.nytimes.com/2011/02/10/opinion/10kristof.html>
5. «Сумеречная зона», или «Ловушки» переходного периода. – Алматы, 2013. Стр. 97.
6. Лаумулин М. Т. «Арабская весна» 2011 года: социально-политические изменения на Арабском Востоке и их международные последствия. – Алматы: КИСИ, 2011. Стр. 6.
7. Цитата по А. Мезяев. Два года спустя после начала агрессии. Последствия ливийского погрома// Фонд стратегической культуры. <http://www.fondsk.ru/news/2013/03/18/dva-goda-spustja-posle-nachala-agressii-19588.html>
8. С. Филатов. Похищение революции//Международная жизнь. № 2. Февраль 2013. Стр. 72.
9. С. Филатов. Похищение революции//Международная жизнь. № 2. Февраль 2013. Стр. 76.

10. Kennet M. Pollack. A new American Grand Strategy for the Middle East. The Arab awakening. America and the transformation of the Middle East. Kennet M. Pollack ...[et al.] Brooking Institution press, Washington D.C. p. 312.
11. Р. Костюк. Марокко: выборы «расколотого парламента»// <http://www.sensusnovus.ru/analytics/2011/11/30/12052.html>
12. http://rapsinews.ru/international_news/20120620/263510052.html
13. М. Юсин. Египет вступает в религиозную войну// Коммерсант № 60/П (5091), 8 апреля 2013.
14. <http://www.project-syndicate.org/commentary/revolutionizing-arab-economies/russian>
15. <http://www.itar-tass.com/c11/621870.html>
16. П. Стегний. Ближний Восток: по-версальски или по вестфальски? <http://www.globalaffairs.ru/number/Blizhnii-Vostok-po-versalski-ili-po-vestfalski-15785>.
17. Б. Поузен Умерить пыл. Foreign Affairs, № 1, 2013 <http://www.globalaffairs.ru/number/Umerit-pyl-15871>.
18. В. Грибачев. Ирак – нефтяные игры президентов. 21.03.2013 www.stoletie.ru
19. Н. Нарочницкая: «В Сирии развязана война всех против всех». 01.04.2013 [stoletie.ru](http://www.stoletie.ru)
20. Лаумулин М. Т. «Арабская весна» 2011 года: социально-политические изменения на Арабском Востоке и их международные последствия. – Алматы: КИСИ, 2011. Стр. 160–161.
21. Лаумулин М. Т. «Арабская весна» 2011 года: социально-политические изменения на Арабском Востоке и их международные последствия. – Алматы: КИСИ, 2011. Стр. 213.
22. http://www.bbc.co.uk/russian/multimedia/2013/03/130319_iraq_in_numbers.shtml

ИССЛЕДОВАНИЕ КОНФЛИКТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ГОСУДАРСТВ: ОБЗОР АНАЛИТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

Ерлан Искаков

Конфликты являются неотъемлемой частью развития любого общества. Основания для конфликтов, как утверждал американский социолог Льюис Козер, существуют при любом типе социальной структуры, поскольку индивиды и подгруппы повсюду склонны время от времени претендовать на недостающие им ресурсы, престиж или властные позиции[1]. В последние годы определению источников и причин возникновения внутренних конфликтов было посвящено большое количество межстрановых эмпирических и ситуационных исследований. Несмотря на то что в настоящее время среди ученых нет единого подхода к определению конфликта, его причин и пониманию его последствий для социально-экономического и политического развития государства, необходимость предупреждения конфликтов очевидна.

Конфликт – прогнозируемое явление, он не возникает внезапно; недостаток информации или отсутствие своевременного и компетентного анализа ситуации может объяснить «внезапность» конфликтов для тех, кто пытается определить их причины.

Внутренние конфликты (гражданские войны, восстания, мятежи, перевороты, протесты, забастовки, революции)[2] препятствуют социальному и экономическому развитию страны. По оценкам Всемирного банка, на сегодняшний день ни одна из нестабильных или затронутых конфликтами стран с низким уровнем дохода еще не достигла ни одной из Целей развития, провозглашенных в Декларации тысячелетия ООН. Серьезная вспышка насилия, в отличие от стихийного бедствия или экономического цикла, способна свести на нет экономические успехи, достигнутые трудом целого поколения[3]. Конфликт – прогнозируемое явление, он не возникает внезапно; недостаток информации или отсутствие своевременного и компетентного анализа ситуации может объяснить «внезапность» конфликтов для тех, кто пытается определить их причины.

Первым шагом к предупреждению конфликта является прогноз того, где, когда и по какой причине он может возникнуть. Анализ конфликтного потенциала, как и любая другая исследовательская работа, состоит из следующих этапов: 1) сбор информации (количественные и качественные данные, мониторинг которых может указывать на изменения в общественно-политической и экономической жизни страны); 2) обработка и анализ данных; 3) определение наиболее актуальных тенденций и различных сценариев развития ситуации; 4) разработка рекомендаций по предупреждению конфликтов[4].

В настоящее время не существует общепринятого механизма мониторинга, который бы позволял распознать угрозы и риски стабильности социально-политической и экономической обстановки в рамках отдельно взятой страны или региона.

Традиционно, можно выделить **три основные группы аналитических моделей, используемых для прогнозирования кризисных ситуаций:**

1. Модели, основанные на анализе баз данных, включающих в себя различные статистические индикаторы, ежегодно обновляемые Всемирным банком и ООН.

2. Модели, использующие оценки экспертов (представляющих исследовательские институты, правительственные и неправительственные организации), основанные на опросах и глубинных интервью.

3. Модели, основанные на целенаправленном отслеживании и анализе сообщений СМИ («замеры» частоты упоминания проблем и «ситуаций» по данным мировой, национальной и местной прессы и новостных агентств) с целью оценки рисков возникновения конфликтов[5].

К наиболее известным моделям анализа и прогнозирования конфликтов можно отнести:

- Систему индикаторов раннего предупреждения Стокгольмского международного института по исследованию мира (SIPRI)
- «Руководство по анализу конфликтов и мира и раннему реагированию» (Conflict and Peace Analysis and Response Manual) Форума по раннему предупреждению и реагированию, Великобритания (The Forum on Early Warning and Early Response)
- Модель анализа конфликтов Всемирного банка (The World Bank Conflict Analysis Framework)
- Перечень основных причин конфликтов, разработанный Европейской комиссией (EC Check-list for Root Causes of Conflict)
- Системную модель оценки конфликтов (The Conflict Assessment System Tool (CAST), аналитическую модель для раннего предупреждения и оценки рисков в недееспособных государствах, разработанную Американским фондом мира, США
- Методику Сети этнополитического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN), Россия (Институт этнологии и антропологии РАН)[6].

Основой для анализа конфликтного потенциала стран в упомянутых моделях выступает совокупность **различных показателей (индикаторов)** конфликтности. К примеру, Перечень основных причин конфликтов, разработанный Европейской комиссией, состоит только из таких качественных показателей, как «инклюзивность политической системы/равный доступ к политической деятельности», «наличие реакционных и революционных движений», «социальное неравенство» и др. Большое внимание в данных моделях уделяется структурным факторам (коренным причинам), влияющим на возникновение конфликтных ситуаций (например, уровень бедности, безработицы среди молодежи).

Сравнительный анализ указанных моделей позволяет выделить три основные категории индикаторов, используемых в изучении конфликтного потенциала государства. Каждая категория включает в себя показатели-переменные, с помощью анализа которых и осуществляется оценка конфликтного потенциала государства:

1. Экономические индикаторы:

- ВВП на душу населения, валовый национальный доход (ВНД)
- уровень бедности
- уровень безработицы
- неравенство в доходах
- инфляция
- уровень диверсификации экономики
- состояние окружающей среды.

2. Социально-культурные индикаторы:

- уровень толерантности
- дискриминация расовая, этническая, языковая, религиозная
- миграционная ситуация
- доступ к СМИ
- социальная напряженность, поляризация
- прошлые конфликты и коллективные травмы.

3. Политические индикаторы:

- уровень коррупции
- нарушение прав и свобод человека, верховенство закона
- политические и административные реформы
- политическая стабильность, выборы и сменяемость власти
- уровень доверия к государственным структурам
- качество государственных услуг
- нестабильная ситуация в соседних странах, региональные конфликты
- расходы на оборону, вмешательство военных в политическую жизнь.

Идея индикаторов для выполнения обобщенного и достаточно быстрого анализа не является новой. Ею пользуются разные структуры и организации. Важно адаптировать (правильно выбрать) индикаторы с тем, чтобы

система показателей соответствовала ситуации в изучаемой стране, и позволяла выполнить объективный и адекватный анализ[7]. Данный перечень индикаторов не является исчерпывающим. В зависимости от цели и объекта исследования, перечень может обновляться и дополняться новыми показателями.

Выбор индикаторов в указанных моделях оправдывается как теоретическими положениями об источниках конфликта, так и результатами эмпирических исследований, раскрывающих связь между ухудшением показателей по тем или иным индикаторам и наличием конфликтов в стране.

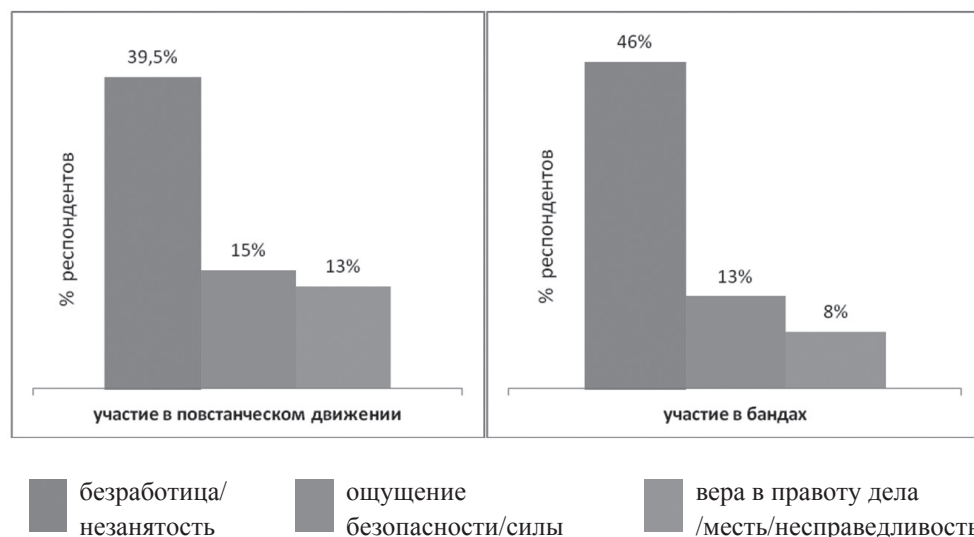
Источники и причины конфликтов: теория

В развитие конфликтологии и разработку современных концепций конфликтов в XX веке внесли вклад такие выдающиеся ученые, как Г. Зиммель, Т. Парсонс, Л. Козер, Р. Дарендорф, К. Боулдинг и др. Подходы указанных авторов к объяснению природы, причин и роли конфликтов в общественном развитии различались: утверждения о том, что конфликт – нормальное общественное явление (и порой имеет позитивный потенциал, потому что, как утверждал Зиммель, «...враждебность и взаимные антагонизмы... поддерживают целостность системы, устанавливая равновесие между составляющими ее частями»[8]), дополнялись заключениями о том, что конфликт – социальная аномалия и является результатом нарушения общественного договора, что эскалация насилия лежит в самой природе человека.

Большой вклад в развитие теоретических аспектов исследований конфликтов внесли «теория человеческих потребностей», разработанная Джоном Бертоном, и концепция «относительной депривации» Теда Гурра. Бертон считал конфликт естественным следствием неудовлетворенных человеческих потребностей, то есть, что **источником затяжного конфликта служат базовые потребности его участников** (например, потребности в самореализации, идентичности, безопасности и справедливом распределении): «Жизненный опыт наводит на мысль, что это именно так: существуют совершенно отчетливые пределы в способности добровольного подчинения. Молодой человек, окончивший школу, может предполагать, что в первое время он столкнется с проблемами в поисках работы. Однако длительное пребывание в статусе безработного, ведущее к переживанию своего ничтожества и отчуждения, неприемлемо. Самоубийство, воровство, уличные банды, насилие по отношению к мигрантам и конкурирующим этническим группам – становятся вполне понятной реакцией. Член группы этнического меньшинства, испытывающий чувство дискриминации в дополнение к другим угрозам своей идентичности и признанию как личности, скорее всего, будет действовать еще более рискованно – станет членом террористической группы и будет стремиться достичь успеха антисоциальными и деструктивными способами[9].

Что движет людьми, присоединяющимися к повстанческому движению и вступающими в банды?

Основные причины присоединения молодежи к повстанческому движению или вступления в банды очень сходны – в обоих случаях основной такой причиной является безработица. Причины могут быть иными в случае, если присоединение к воюющей группировке происходит по идеологическим причинам.

Источник: Доклад о мировом развитии – 2011: конфликты, безопасность и развитие. Обзор. Всемирный банк, апрель 2011 г.

Особое место среди теорий, объясняющих возникновение столкновений, социальных волнений на этнической и расовой почве занимает **концепция (относительной) депривации**. Депривация – состояние, при котором люди испытывают недостаточное удовлетворение своих потребностей. В социологии используются понятия абсолютной и относительной депривации. Т. Гурр особо подчеркивал значение состояния определенной группы относительно состояния (положения) других групп (относительная депривация).

Абсолютная депривация – невозможность для индивида или социальной группы удовлетворять свои базовые потребности из-за отсутствия доступа к основным материальным благам и социальным ресурсам: продуктам питания, жилищу, медицине, образованию и т. д.

Относительная депривация представляет собой субъективно воспринимаемое и болезненно переживаемое несовпадение «ценностных ожиданий» (блага и условия жизни, которые, как полагают люди, они заслуживают по справедливости) и «ценностных возможностей» (блага и условия жизни, которые люди, как опять же им представляется, могут получить в реальности). Чем больше

разница (расхождение) между ценностными ожиданиями и ценностными возможностями, тем больше неудовлетворенности своим нынешним состоянием испытывает человек. Когда неудовлетворенность носит системный характер на расовом и этническом уровне, вероятность возникновения столкновений, охватывающих различные расовые и этнические группы очень велика[10]. Стоит отметить, что теория относительной депривации не была подтверждена эмпирически. Практически во всех исследованиях причин гражданских войн взаимосвязь между экономическим неравенством и конфликтами не нашла статистического подтверждения[11].

Обзор индикаторов конфликтного потенциала

Экономические индикаторы: уровень бедности, неравенство в доходах, безработица, ВВП, ВНД. Анализ современных конфликтов и споров показывает, что в любом из них прямо или косвенно присутствует экономическая подоплека. Если попытаться условно систематизировать ее по «удельному весу» и роли в том или ином конфликте, то он может выступать либо в качестве главной, либо одной из в ряду других причин конфликтов (вкуче с политическими и идеологическими)[12]. По мнению экспертов Всемирного банка, проблемы экономического благосостояния граждан (бедность, безработица) и несправедливость (в том числе неравенство и коррупция) являются основными причинами современных конфликтов[13].

Среди основных факторов, увеличивающих риск возникновения конфликтов, влияние которого было подтверждено целым рядом исследований, является уровень бедности. Аспекты бедности выходят далеко за рамки недостаточности доходов – они охватывают неудовлетворительное состояние здоровья и питания, низкий уровень образования и квалификации, недостаток средств к существованию, плохие жилищные условия, социальную исключенность и низкое участие в общественной жизни.

По мнению экспертов Всемирного банка, проблемы экономического благосостояния граждан (бедность, безработица) и несправедливость (в том числе неравенство и коррупция) являются основными причинами современных конфликтов.

Нельзя сказать, что бедность напрямую влияет на возникновение конфликтов. Скорее влияние уровня нищеты проявляется косвенным образом: низкий уровень социальных услуг, высокий уровень коррупции, слабые силы безопасности[14]. Результаты исследований[15] показывают, что в странах с низким уровнем ВВП на душу населения и ВНД вероятность возникновения конфликтов очень высока. Более низкий ВВП на душу населения тесно увязывается как с крупномасштабными политическими конфликтами, так и с высокими

показателями убийств. ВВП и ВНД на душу населения – наиболее часто используемые (ключевые) показатели уровня экономического развития страны. Показатели среднего уровня материального благосостояния, или «уровня жизни», граждан страны, независимо от того, проистекает ли это благосостояние из обладания более богатыми природными ресурсами, или из более высокой эффективности их использования. Однако показатели ВВП и ВНД не безупречны в качестве меры действительного благополучия населения страны: по величине среднего душевого дохода никоим образом нельзя судить о том, какая доля населения живет в бедности или в опасных для здоровья условиях. Данные показатели не позволяют судить, насколько равномерно или неравномерно распределяются доходы¹ между гражданами страны[16].

Еще один важный экономический индикатор – уровень безработицы. **Уровень безработицы среди молодежи** следует рассматривать с особым вниманием, так как общества с преобладающим количеством молодежного населения являются потенциально революционными. По оценкам экспертов, на сегодняшний день в мире 67 стран с преобладающим молодежным населением, и 60 из них сотрясают социальные беспорядки и насилие. И хотя демографы согласны, что коррупция, этнорелигиозный экстремизм, бедность и слабые общественные институты являются причинами конфликтов, тем не менее считают, что неотъемлемым фактором конфликта является демографический[17].

Как отмечает Дж. Голдстоун, «быстрый рост [удельного веса] молодежи может подорвать существующие политические коалиции, порождая нестабильность. Большие когорты молодежи зачастую привлекают новые идеи или гетеродоксальные религии, бросающие вызов старым формам власти. К тому же поскольку большинство молодых людей имеют меньше обязательств в плане семьи и карьеры, они относительно легко мобилизуются для участия в социальных или политических конфликтах. Молодежь играла важнейшую роль в политическом насилии на протяжении всей письменной истории, и наличие «молодежного бугра» (необычно высокой пропорции молодежи в возрасте 15–24 лет в общем взрослом населении) исторически коррелировало с временами политических кризисов. Большинство крупных революций... – [включая и] большинство революций XX века в развивающихся странах – произошли там, где наблюдались особо значительные молодежные бугры»[18].

Весьма интересным в этой связи является пример революций, охвативших в начале 2011 года страны Ближнего Востока и Северной Африки. Причина революций на Ближнем Востоке – демографический рост, рост цен на продовольствие (за прошедший год цены выросли на 32 процента), бедность и высокий уровень безработицы среди молодежи. В период с 1990 года число молодых людей в возрасте 15–29 лет возросло и составило 50 процентов на-

¹Наиболее широко применяемый показатель для измерения уровня экономического неравенства – индекс Джини. Значения коэффициента варьируются от 0 (совершенное равенство) до 100 (совершенное неравенство), или от 0 до 100 в процентах. 1 доллар 25 центов – принятый в настоящее время показатель предельной бедности.

селения в Ливии и Тунисе, 65 – в Египте, 125 процентов – в Йемене. Многие из этих молодых людей имеют высшее образование. Проблема заключается в том, что демографический рост не подкреплен ростом числа занятых на рынке труда[19]. Здесь стоит подробнее рассмотреть вопрос о безработице в Египте. Ее уровень к началу Египетской революции был по мировым меркам не особенно высоким – порядка 9 процентов. Но при этом надо учесть то обстоятельство, что около половины всех египетских безработных относились именно к возрастной группе 20–24 года. Общее число безработных в Египте – порядка двух с половиной миллионов. Таким образом, в стране накануне революции было более миллиона безработных этой возрастной группы, которые и составили ударную силу революции. В общем-то, неудивительно, что администрация Мубарака «проморгала» социальный взрыв. Ведь статистика (и совсем не без оснований) утверждала, что страна развивается очень даже успешно. Экономика растет хорошими темпами (даже в кризисные годы). Уровни бедности и неравенства одни из самых благополучных в Третьем мире[20].

Социально-культурные индикаторы: уровень толерантности, дискриминация расовая, этническая, языковая, религиозная, прошлые конфликты и коллективные травмы. Возможно, общинный (религиозно-этнический и культурный) состав – это самый значительный фактор, имеющий отношение к затяжному социальному конфликту. Если общество является многообщинным, в нем существует серьезный потенциал для затяжного социального конфликта[21]. Несмотря на то что мы привыкли рассматривать войны как явления, происходящие между государствами, современные войны все больше возникают между различными группами, проживающими на территории одного государства, относящегося к числу развивающихся стран.

Систематическая экономическая дискриминация против определенной группы людей, основанная на этнолингвистических и религиозных различиях, крайняя нищета и плохие социально-бытовые условия являются побуждающими факторами конфликтов. Подтверждением тому служит тот факт, что многие гражданские войны современности имеют этнический и националистический аспект. Дискриминация может проявляться в несправедливом распределении расходов, доходов, ограничении возможностей определенной группы в вопросах участия в государственном управлении, работы в государственных органах страны. Большие этнические группы, не представленные во власти, склонны бороться против существующего политического режима насильственными методами[22].

Несмотря на то что мы привыкли рассматривать войны как явления, происходящие между государствами, современные войны все больше возникают между различными группами, проживающими на территории одного государства, относящегося к числу развивающихся стран.

Значение прошлых конфликтов можно объяснить тем, что в XXI веке 90 процентов гражданских войн происходили в странах, уже переживших гражданскую войну в течение предшествующих 30 лет. Очень небольшое число стран действительно являются «постконфликтными». Количество вспышек насилия в странах, ранее переживших конфликты, с 1960-х годов растет, и все гражданские войны после 2003 года вспыхивали в странах, ранее уже переживших гражданские войны[23].

Политические индикаторы: коррупция, нарушение прав человека, уровень доверия к государственным структурам, политическая стабильность. Социолог Джефф Гудвин, исследовав революции XX века, приходит к заключению, что политические факторы играют более важную роль, чем экономические. Риск вспышек конфликтов и насилия в любом обществе (в масштабах страны или региона) определяется сочетанием воздействия факторов внутреннего и внешнего стресса и прочностью «иммунной системы», или способностью общества справляться со стрессом, получившей свое выражение в легитимных институтах. В этом плане большое значение имеют как государственные, так и негосударственные институты.

Институты предполагают определенные социальные нормы и модели поведения – например, способность лидеров вставать выше узкогрупповых и политических интересов и достигать компромиссов, способность гражданского общества добиваться укрепления национального и политического единства, – а также наличие норм, законов и организаций.

Неспособность государства, рынков и общественных институтов обеспечить элементарную безопасность, справедливость и рабочие места для граждан может приводить к эскалации конфликтов. Внимание исследователей к такому индикатору, как политическая стабильность/политические и административные реформы обусловлено тем, что риски возникновения конфликтов в переходный период очень велики, тогда как вероятность возникновения конфликта очень низка в государствах с устоявшимися демократическими или авторитарными институтами.

Нарушения гражданских и политических прав (право на жизнь, личную свободу и безопасность) напрямую влияют на возникновение конфликтов. Права тесно связаны с проблемой обеспечения основных потребностей и участия граждан в политической жизни. Репрессии (массовые убийства, тюремные заключения, пытки и т. п.) со стороны государства – главный побуждающий фактор. Индивиды могут годами терпеть экономическое неравенство и дискриминацию, однако они могут прибегнуть к насильственным методам борьбы, когда им угрожают физически[24].

В последнее время возрастает значение такого показателя, как качество (эффективность) государственного управления и связь между степенью удовлетворенности человека качеством своей жизни и эффективностью государственного управления². Эффективное государственное управление, включающее в себя качество оказываемых государством услуг, степень независимости

государственной службы от политического давления, качество работы правоохранительных органов, судов, уровень коррумпированности и меры, предпринимаемые для борьбы с ней, является неотъемлемой частью качественного государственного управления.

Существует положительная линейная корреляция между качественным госуправлением и удовлетворенностью граждан своим нынешним положением, иными словами, в странах, где правительство прилагает усилия для обеспечения безопасности, экономической свободы, качественного здравоохранения, соблюдения прав и др. условий для стабильной и предсказуемой жизни, население ощущает себя более счастливым[25]. В странах, где показатели эффективности управления выше среднего, риск возникновения гражданских конфликтов в течение ближайших 5–10 лет значительно – на 35–40 – ниже. Этот факт подтверждает правильность ориентиров, которых и ранее придерживалось политическое сообщество, например, упора, который Международная сеть по проблемам конфликтов и уязвимости делает на взаимосвязь между миростроительством и государственным строительством[26].

Анализ конфликтного потенциала рекомендуется проводить большинству государств мира. Даже если государство в прошлом не переживало масштабных конфликтов, анализ конфликтного потенциала дает возможность определить тенденции и процессы, требующие особого внимания, с тем чтобы определить стратегию развития, включающую в себя возможные пути предупреждения конфликтов в будущем[27]. Необходимо отметить, что наиболее объективная и полная оценка конфликтного потенциала предполагает сохранение баланса между выводами, основанными на изучении количественных данных и выводами, основанными на изучении качественных данных, так как культурные, демографические и экономические характеристики страны не могут быть проанализированы только на основе статистических показателей.

²К основным процессам, связанным с системой государственного управления, относятся порядок формирования (избрания), мониторинга деятельности и сменяемости правительства; способность государственных органов эффективно определять и осуществлять политику в той или иной области; уважение граждан к функционирующим институтам, регулирующим экономические и социальные отношения в обществе (Ott J. C. Government and Happiness in 130 Nations: Good Governance Fosters Higher Level and More Equality of Happiness// Social Indicators Research. 2011. Volume 102. Number 1. Pp. 3–22).

Литература

1. Козер Л. Функции социального конфликта. Перевод с англ. О. А. Назаровой – М.: Идея-Пресс. Дом интеллектуальной книги. 2000. С. 180.
2. Азар Э. Е. Затяжной социальный конфликт: аналитические рамки. Урегулирование затяжного социального конфликта: возможности дипломатии второго уровня/ Конфликты: теория и практика разрешения. Опыт зарубежных исследований/ Под общ. ред. Е. Ю. Садовской, И. Ю. Чупрыниной; Конфликтологический центр, Алматы. Центр конфликтологии Института социологии РАН. В 3 т. Т. 2. – Алматы, 2002. С. 123–160.
3. World Development Report 2011: Conflict, Security, and Development. The World Bank. <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/EXTDEC/EXTRESEARCH/EXTWDRS/0,contentMDK:23252415~pagePK:478093~piPK:477627~theSitePK:477624,00.html>
4. Bobeica M. et al. A Quantitative Analysis of «Root Causes of Conflict»// Integrated Series in Information Systems. Volume 18. Terrorism Informatics. Pages 115–139.
5. Hagmeier-Gaverus G., Weissmann M. Early Warning Indicators for Preventive Policy – A New Approach in Early Warning Research. Stockholm International Peace Research Institute, March 2003. http://www.sipri.org/databases/first/early_warning/wp1
6. Hagmeier-Gaverus G., Weissmann M. Op. cit.; Conflict and Peace Analysis and Response Manual. 2nd edition. Forum on Early Warning and Early Response, July 1999. <http://reliefweb.int/node/21601>; The Conflict Analysis Framework (CAF). The World Bank, 2005. <http://siteresources.worldbank.org/INTCPR/214574-1112883508044/20657757/CAFApril2005.pdf>; European Commission Check-list for Root Causes of Conflict. http://www.ceipaz.org/images/contenido/European%20Commission%20Check-list%20for%20Root%20Causes%20of%20Conflict_ENG.pdf; Conflict Assessment System Tool (CAST). An Analytical Model for Early Warning and Risk Assessment of Weak and Failing States. The Fund for Peace, 2006; Тишков В. А., Степанов В. В. Измерение конфликта. Методика и результаты этноконфессионального мониторинга Сети EAWARN в 2003 году. – М., 2004.
7. Тишков В. А., Степанов В. В. Измерение конфликта. Методика и результаты этноконфессионального мониторинга Сети EAWARN в 2003 году. – М., 2004.
8. Козер Л. Указ. соч.
9. Райманн К. К трансформации конфликта: обзор современных теорий урегулирования конфликтов. http://www.berghof-handbook.net/documents/publications/russian_reimann_handbook.pdf; Бертон Дж. Теория потребностей/ Конфликты: теория и практика разрешения. Опыт зарубежных исследований/ Под общ. ред. Е. Ю. Садовской, И. Ю. Чупрыниной; Конфликтологический центр, Алматы. Центр конфликтологии Института социологии РАН. В 3 т. Т. 3. – Алматы, 2002. С. 203.
10. Гарт Т. Р. Почему люди бунтуют. – СПб: Питер, 2005; Chandra, S. The «Revolution of Rising Expectations,» Relative Deprivation, and the Urban Social Disorders of the 1960s: Evidence from State-Level Data// Social Science History. Volume 29. Number 2. Summer 2005. P. 300; Депривация. Энциклопедия практической психологии. <http://www.psychologos.ru>
11. Sambanis N. Poverty and the Organization of Political Violence/ Brookings Trade Forum, 2004. Pp. 165–211.
12. Кондаков А. Л. Экономические мотивы международных конфликтов/ Экономика и политика в современных международных конфликтах/ Отв. ред. А. Д. Богатуров. – М.: издательство ЛКИ, 2008. С. 60.
13. Доклад о мировом развитии – 2011: конфликты, безопасность и развитие. Обзор. Всемирный банк, апрель 2011. <http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/worlddev2011.pdf>. С. 9.
14. Thoms Oskar N.T., Ron J. Do Human Rights Violations Cause Internal Conflict?// Human Rights Quarterly. Volume 29. Number 3. August 2007. Pp. 674–705.
15. См.: Доклад о развитии человека – 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека. Программа развития ООН. <http://www.un.org/ru/development/hdr/2010/>; Spoor M. Inequality, Poverty and Conflict in Transition Economies/ Spoor M. (ed.) Globalisation, Poverty and Conflict: A Critical ‘Development’ Reader. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2005. Pp. 47–65; The Conflict Analysis Framework (CAF). The World Bank, 2005. <http://siteresources.worldbank.org/INTCPR/214574-1112883508044/20657757/CAFApril2005.pdf>; Cederman Lars-Erik et al. Why Do Ethnic Groups Rebel? New Data and Analysis// World Politics. Volume 62. Number 1. January 2010. Pp. 87–119.
16. Сравнение уровней развития стран. Всемирный банк. http://www.worldbank.org/depweb/beyond/wrru/wnr_02.pdf; Рейтинг стран мира по уровню валового национального дохода на душу населения – информация об исследовании. Всемирный банк. <http://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-gni/rating-countries-gni-info>
17. Альжанова А. «Тестостероновая революция» порождает социальное напряжение и раскачивает политические институты// Литер. 30 апреля 2011. http://www.liter.kz/index.php?option=com_content&task=view&id=5873&Itemid=35&bsb_midx=1
18. Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. Египетская революция 2011 г.: структурно-демографический анализ. <http://www.politstudies.ru/extratext/text/issue2011A.htm>
19. Goldstone J. A. Understanding the Revolutions of 2011// Foreign Affairs, May/June 2011. Volume 90. Number 3. Pp. 11–12.

20. Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. Указ. соч.
21. Азар Э. Е. Указ. соч. С. 129.
22. Murshed M. S. Op. cit. Pp. 77–78; Cederman Lars-Erik et al. Op. cit. Pp. 87–119; Доклад о мировом развитии – 2011: конфликты, безопасность и развитие. Обзор. Всемирный банк, апрель 2011. <http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/worlddev2011.pdf>
23. Доклад о мировом развитии – 2011: конфликты, безопасность и развитие. Обзор. Всемирный банк, апрель 2011. <http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/worlddev2011.pdf>
24. Доклад о мировом развитии – 2011: конфликты, безопасность и развитие. Обзор. Всемирный банк, апрель 2011. <http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/worlddev2011.pdf>; Murshed M. S. Indicators of Potential Conflict/MICROCON Policy Briefing 1. March 2008; Thoms Oskar N. T., Ron J. Op. cit
25. Ott J. C. Government and Happiness in 130 Nations: Good Governance Fosters Higher Level and More Equality of Happiness// Social Indicators Research. 2011. Volume 102. Number 1. Pp. 3–22.
26. Доклад о мировом развитии – 2011: конфликты, безопасность и развитие. Обзор. Всемирный банк, апрель 2011. <http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/worlddev2011.pdf>
27. The Conflict Analysis Framework (CAF). The World Bank, 2005. <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/EXTDEC/EXTRESEARCH/EXTWDRS/0,,contentMDK:23252415~pagePK:478093~piPK:477627~theSitePK:477624,00.html>

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: МЕЖДУ ГЛОБАЛЬНЫМ И ЛОКАЛЬНЫМ

Алма Султангалиева

29–30 марта 2013 года в Бишкеке, в здании Университета Центральной Азии прошла Международная конференция «Страны Центральной Азии: влияние глобальных игроков и перспективы развития», организованной германским Фондом Фридриха Эберта совместно с Бишкекским либеральным клубом. Круг обсуждаемых на ней вопросов оказался достаточно широк, от геополитики до искусства. В целом же дискуссия разворачивалась вокруг нескольких ключевых тем: глобальные игроки, внутрирегиональные проблемы Центральной Азии: риски и угрозы безопасности, интеграция – возможность невозможного.

Глобальные игроки

К ним отнесли следующие страны и объединения: Китай, США, Европейский союз, Россия.

Китай является наиболее активным игроком в регионе и именно ему принадлежит идея создания Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Считается, что этот шаг позволил узаконить присутствие КНР в «многостороннем контексте» Центральной Азии (Муратбек Иманалиев, Кыргызстан). В то же время

роль ШОС не особенно заметна, а большинство стран за исключением Казахстана не представляют четко своих целей в этой организации.

Китай же предпочитает выстраивать со странами региона двусторонние отношения. Центральная Азия его интересует больше как рынок сбыта товаров (отметим, что не очень качественных, но доступных), чем как зона его жизненного пространства. Бесспорна заинтересованность Китая в освоении природных энергетических и минеральных ресурсов, прежде всего в Казахстане, Узбекистане, Туркменистане.

США. Центральная Азия для них – это не столько регион с определенными историческими и культурными связями, сколько просто территория, где доминируют Казахстан и Узбекистан (Шеримкул Бактыгулов, Кыргызстан). У первого – значительные запасы нефти и газа, у второго – связь с Афганистаном через единственную в регионе железную дорогу. Было замечено, что американскую базу «Манас» на территории Кыргызстана неправильно считать военной базой в полном смысле этого слова. Фактически это перевалочный пункт коалиционных сил на пути в

Афганистан, создание которого было согласовано с Россией (Ишенбай Абдуразаков, Кыргызстан). У американской политики в регионе есть свои проблемы, в частности, это попытка совместить две стратегии: с одной стороны, поддержки недемократических режимов, с другой – продвижения прав человека (Ш. Бактыгулов).

Для *Европейского союза* Центральная Азия не представляет особого интереса (Владимир Парамонов, Узбекистан). Его политика идет, по сути, в фарватере политики США в регионе. Европейские интересы сосредоточены на добыче и транспортировке энергетических/минеральных ресурсов (Казахстан и Туркменистан) и продвижении европейских торговых брендов (Владимир Парамонов, Узбекистан). Было отмечено, что баланс в торгово-экономических связях между Европейским союзом и Центральной Азией не в пользу последней. По этому показателю доля Центральной Азии в Европе составляет 0,2, в то время как доля Европейского союза в регионе намного больше – около 20 процентов. В этом смысле Китай более выгоден для Центральной Азии.

Хотя влиянию *Турции* в регионе не было посвящено отдельного выступления, она все же была отмечена как, безусловно, важный международный партнер в Центральной Азии. И ее политика прошла определенную эволюцию (М. Иманалиев). Вначале она демонстрировала притязания на лидерство в регионе в попытке выстроить «поезд во главе с Турцией как локомотивом». На следующем этапе – выстраивание уже отношений

партнерства со странами региона. Сейчас, в турецкой политике в Центральной Азии наблюдается больше прагматизма, отход от своих притязаний на лидерство. Поиск реальных точек сотрудничества.

Россия. Значительно меньше говорилось о влиянии России как глобального игрока в регионе, что можно объяснить ее статусом как постсоветского государства и активностью в интеграционных объединениях (Таможенный союз и другие). Было отмечено, что ее влияние в регионе строится только на условиях признания ее лидерства (Войцех Горецки, Польша).

Центральная Азия. Особенностью конференции, в том числе в вопросах к выступающим и обсуждению стало преобладание проблем регионального развития Центральной Азии, в частности, таких как: угрозы безопасности, вопросы интеграции/дезинтеграции.

Риски и угрозы безопасности

Афганистан – после 2014 года. Вопрос о возможных угрозах безопасности региона после вывода коалиционных войск из Афганистана в 2014 году регулярно упоминался многими участниками дискуссии. С одной стороны, подчеркивалось, что вывод войск из Афганистана приведет к новому витку производства и торговли афганскими наркотиками (Александр Зеличенко, Кыргызстан). В то же время предлагалось не преувеличивать опасности влияния долгоиграющей нестабильности в Афганистане (военные действия, наркотрафик, экстре-

мизм) на Центральную Азию (Аскар Нурша, Казахстан). Были предложены варианты нейтрализации возможных угроз. Например, создание экономического кластера стран Центральной Азии с Афганистаном и Южной Азией, в который будут больше вовлечены Иран, Пакистан, Индия и Россия, чем США (Ш. Бактыгулов).

Наркотрафик признан одной из влиятельных угроз региональной безопасности и его основу составляют наркотики из Афганистана – 74 процента. За постсоветские десятилетия появилась уже «наркоиндустрия и наркокартели», в которые вовлечены целый ряд внутренних игроков. Это, например, отдельные регионы (Горный Бадахшан), для которых приграничный наркотранзит стал одним из видов дохода, или силовые структуры стран региона, уже не просто обеспечивающих защиту наркотрафика, а превративших его в собственный бизнес.

Исламизм. Деструктивное влияние глобального транснационального ислама стало одной из угроз региональной безопасности (Алма Султангалиева, Казахстан). Импортные идеи ортодоксального и радикального ислама находят своих сторонников в центральноазиатских обществах, в частности среди части молодежи, социально и экономически отчужденной. Под их влиянием они, в частности вовлекаются в интернациональные исламистские «бригады», действующие на территории Северного Кавказа, Афганистана, Пакистана. Этот путь становится зачастую единственно возможным способом решения индивидуальных

проблем, прежде всего социально-экономических, а также культурно-ценностным выбором.

Интеграция Центральной Азии – возможность невозможного?

Интеграционный потенциал. Как и ожидалось, эксперты оценивали его пессимистически: межгосударственные отношения в регионе не развиты, «нет механизмов нормальной дипломатии» (М. Иманалиев), внутрирегиональные отношения не являются приоритетными. Отмечалось, что между странами региона слишком много различий – экономических, социальных, не урегулированы приграничные вопросы (Адаш Токтосунова, Кыргызстан). Одна из причин – неготовность стран бывшей Средней Азии к независимости и необходимости выработать единую региональную внешнюю политику (И. Абдуразаков). Несмотря на общность культурно-исторических корней, страны региона опираются не на внутрирегиональное сотрудничество, а на внешние связи с третьими странами. Региональные союзы (например, ШОС, ОДКБ) превратились в своего рода «скрепы», сдерживающие дезинтеграционные процессы в Центральной Азии (А. Нурша). Даже в рамках этих организаций выстраивается не столько многостороннее, сколько двустороннее сотрудничество, которое нельзя назвать эффективным.

Была отмечена и новая тенденция, когда ведущую роль в интеграционных процессах начинают играть не только государственные, но и не-

формальные игроки, например, элитные группы, чьи интересы не всегда совпадают с интересами их народов (А. Нурша). Речь идет о бизнес-элитях, инвестирующих в другие национальные рынки. Например, в Кыргызстане около 60 процентов от совокупного капитала всей банковской системы составляет в основном казахстанский капитал[1]. Кроме того, давно объединился и народный челночный бизнес, когда в тесной связке работают кыргызские контейнеры с алматинской барахолкой. Бишкекский же торговый рынок «Дородой» стал самым крупным поставщиком товаров во всей Центральной Азии.

Социально-культурное измерение

Вопрос центральноазиатской интеграции обсуждался не только в политической, но и культурной плоскости. Говоря о поиске общих культурных ценностей, речь шла, в том числе, и об отношении к советскому наследию, о различных подходах в его осмыслении – «от нигилизма до ностальгии» (Георгий Мамедов, Россия). Особое внимание было уделено осмыслению места русского языка в

Центральной Азии еще остающимся языком внутрорегионального общения[2]. Но он уже «другой» русский язык, чьи орфографические стандарты отличаются от стандартов русского языка в России.

Свой вклад в поддержание культурных связей в регионе могут внести отдельные инициативы «снизу». В частности, речь шла об ежегодном арт-конкурсе с выраженным социальным подтекстом, организуемом энтузиастом из Бишкека, Уланом Джапаровым (Эмиль Насритдинов, Кыргызстан). В конкурсе участвуют представители стран СНГ, в том числе и Центральной Азии. Было отмечено, что культурный ренессанс региона невозможен без социальных программ, а появление таких культурных проектов именно в Кыргызстане не случайно. Здесь, по сравнению с другими странами Центральной Азии достигнута большая степень свободы в обсуждении внутренних социальных и политических проблем.

При подведении итогов конференции, организаторами было справедливо замечено, что каждая из ее тем сама по себе объемна и заслуживает отдельного экспертного обсуждения.

Литература

1. Банковские системы стран СНГ– 2012. Аналитический обзор. РИА Рейтинг. – Москва, 2012. С. 28. См.: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/CIS_2012.pdf
2. В отдельных странах сфера действия русского языка сужается до такой степени, что возникает спрос на его изучение как иностранного языка. Например, в Бишкеке курсы обучения иностранным языкам наряду с английским предлагают и русский язык.

Тренин Д. Post-Imperium: евразийская история/ Моск. центр Карнеги. – М.: РОССПЭН, 2012. – 236 с.

Книга Д. Тренина (председатель научного совета Московского центра Карнеги) «После империи: евразийская история» привлекла внимание специалистов по бывшему СССР как в Старом, так и в Новом свете. Это, наверное, наиболее масштабная попытка в постсоветской историографии осмыслить происшедшее с Россией начиная с 1991 года. Книга необычна тем, что она переводилась не с русского на английский, а наоборот. Тот факт, что автор изначально был ориентирован на американского читателя (книга писалась в Вашингтоне), несомненно, наложил отпечаток на содержание работы и методику автора.

Основная идея книги, что четко зафиксировано в заглавии, состоит в том, что пятисотлетний имперский период существования России ушел в историю. Д. Тренин берет на себя смелость утверждать, что нынешняя Россия стремится не к возрождению исторической империи или сверхдержавному военно-политическому статусу, она хочет утвердиться в качестве великой державы. В глазах российских лидеров это означает стратегическую независимость Москвы от главных центров силы нового столетия – США и Китая.

В начале своей книги Д. Тренин задается вопросом, почему произошел распад великой империи. Автор обращает внимание на тот факт, что на Западе в качестве потенциальной угрозы рассматривалась «реимпериализация» России, но о воздействии утраты империи на Россию никто особенно не задумывался. В конце концов, Россия не потерпела военного поражения, не была оккупирована, не попала под контроль других держав.

Автор считает, что в российской истории попытки модернизации приводили одновременно к всплеску русского национализма в имперском «ядре» и этнического национализма на «периферии». Национальные окраины стали республиками, пусть и в составе общего советского государства. Там процветало употребление местных языков и возникли этнические элиты. Это процветание национальных культур в рамках государства с однопартийной системой могло быть только результатом шаткого компромисса. Он действовал лишь до тех пор, пока КПСС сохраняла единство и способность осуществлять тотальный контроль над страной. Как это ни парадоксально, тоталитарное и унитарное советское государство (его федеративное устройство существовало лишь на бумаге) само заложило фундамент собственного упорядоченного,

«узаконенного» распада. Во всех трех советских республиках было зафиксировано право на отделение. СССР разрушали изнутри две противоположные силы – реформы и национальное пробуждение.

Говоря о современной России, Тренин замечает, что Россия, построившая к 1980 году громадную формальную и неформальную империю и утратившая через десять лет значительную ее часть, – редкий пример бывшего имперского образования, не исчезнувшего с политической карты и не преобразовавшегося в «обычное» государство, но стремящегося воссоздаться в качестве великой державы с региональной базой и глобальными интересами. По его мнению, Россия из всех сил пытается занять место в высшей лиге мировых игроков и одновременно играть преобладающую роль в собственном регионе. Еще удивительнее другое: она одновременно старается и «застолбить» за собой подобающее место на мировой арене, и сохранить собственную целостность. Подобные «двуединые» усилия практически не имеют аналогов в современной истории. Увенчались ли они успехом – большой и очень важный вопрос, заключает автор.

Исследователь исходит из того, что Россия находится не просто в переходном, а в неопределенном состоянии: переживаемый ею процесс на деле представляет собой трансформацию исторического масштаба. Элементы империи все еще видны невооруженным глазом и во внутренней, и во внешней политике. Для России, однако, постимперская фаза осложняется рядом факторов. Некоторые из наиболее важных – это отсутствие интеграции с остальными странами Европы на стратегическом и экономическом уровне, продолжающееся сосуществование с бывшими окраинами, превратившимися в независимые государства, и титаническая задача всеобъемлющей модернизации для преодоления отсталости. Постимперское состояние будет продолжаться еще долго, вынуждая Россию задаваться вопросами относительно ее места и роли в мире, приоритетных политических задач и способов их решения. То, как России удастся справиться со всеми этими вопросами, будет иметь огромное значение для нее самой и ее соседей, а также для крупнейших игроков на ее восточных и западных границах – Китая и Евросоюза.

Д. Тренин высказывает такую неординарную мысль: чтобы новая Евразия могла состояться, старая должна сойти со сцены. Помимо Российской Федерации «мостом» между востоком и западом Евразии теперь служат Центральная Азия, Прикаспийский регион и Кавказ. Квинтэссенцию «евразийства» сегодня воплощают собой Казахстан и Турция, связанные как с Азией, так и с Европой. Автор с тревогой отмечает, что Россия помимо все еще аморфного пространства СНГ оказывается окруженной странами, альянсами и союзами, превосходящими ее по богатству, динамичности, могуществу и численности населения. Она уже не может быть «последней в Европе и первой в Азии» и рискует оказаться на периферии в обеих частях континента. Пределы влияния Китая на континенте, варианты будущего Европы, направленность активности мусульман будут в немалой степени зависеть от того, как Россия справится со своими постимперскими дилеммами.

Автор в сжатом виде ставит вопросы, стоящие на повестке дня постимперской России. Превратится ли она в национальное (полиэтническое) государство? Станет ли она федерацией по сути, а не по названию? Сможет ли построить равноправные отношения со своими бывшими владениями, получившими независимость? Удастся ли ей интегрировать собственную громадную территорию, особенно восточную ее часть и тихоокеанское побережье? Как сложатся отношения России с Западом – ЕС, НАТО и США? Сможет ли она найти устойчивый баланс в отношениях с Китаем? Сумеет ли интегрировать собственное мусульманское население и стабилизировать непосредственную южную периферию? Будет ли Арктика зоной мирного сотрудничества или фронтом новой холодной войны – холодной в буквальном и переносном смысле?

Д. Тренин вполне справедливо, на наш взгляд, констатирует, что Россия не единственное постимперское государство на территории бывшего СССР. Как это ни парадоксально, все независимые республики, возникшие в результате его распада, также демонстрируют признаки постимперского или, в некоторых случаях, постколониального синдрома. К ним относятся стремление отдалиться от бывшего гегемона, попытки создать новые национальные мифы и написать новую, «правильную» историю своих народов и одновременно многие черты, обычно ассоциирующиеся с Советским Союзом, в том числе лицемерие, отсутствие серьезных общественных дискуссий, нетерпимость.

Ученый прогнозирует, что Украина, крупнейшая из бывших советских республик, находящаяся полностью на территории Европы, Узбекистан, имеющий наибольшую численность населения из центральноазиатских стран, и Казахстан с его природными богатствами, скорее всего, станут важными субрегиональными игроками. Вызывает возражение такая мысль автора, что через двадцать лет после распада СССР перестало существовать и «постсоветское пространство». По его мнению, термин «постсоветское пространство» стал совершенно непригоден для анализа геополитических проблем. Новые независимые государства не только сохранились, но и укрепились. Во взрослую жизнь вступают поколения, не имеющие прямого опыта жизни в Советском Союзе. Прежние связи – экономические, политические, военные, человеческие, культурные – нарушены, их заменили новые, отражающие уже постимперские реалии.

Д. Тренин высказывает следующую мысль: на месте бывшего Советского Союза сформировались три новых региона. Первый можно назвать Новой Восточной Европой – в него входят Украина, Белоруссия и Молдавия. Другой регион – Южный Кавказ: Армения, Азербайджан, Грузия и самопровозглашенные республики Абхазия, Южная Осетия и Нагорный Карабах. Третьим стал Центрально-Азиатский регион: Казахстан и четыре государства, составлявшие советскую Среднюю Азию. Хотя империи больше нет и ее воссоздание, даже в иной форме невозможно, все ее бывшие субъекты существуют бок о бок.

Исследователь отмечает, что Россия перестала быть синонимом Евразии, но вопреки ожиданиям многих западных аналитиков не стала и частью Евро-

пы. Она не распалась, но и не интегрировалась в состав Запада. Постимперская Россия не переродилась в национальное государство в отличие от германской Веймарской республики или кемалистской Турции. Она создала Содружество Независимых Государств, которое содружеством можно считать только по названию, она поощряет «русофонию» в форме «русского мира», но по сути постимперская программа России уникальна, поскольку, перестав быть империей, она осталась великой державой.

Основная мысль автора сформулирована следующим образом: что бы ни случилось с Россией, увенчается успехом ее модернизация или нет, она никогда не станет новым воплощением исторической империи. Нынешняя Россия – страна постимперская, а не неоимперская. Сжатие территориального пространства России может стать предпосылкой для реактивации альтернативы имперскому пути развития. За последние двадцать лет внешняя политика России претерпела примечательную эволюцию. От незрелых попыток интеграции в состав Запада она перешла к самоутверждению в качестве независимой великой державы, но обнаружила лишь свое явное несоответствие этому статусу.

Изучая политику России в СНГ, автор исходит из того факта, что для России наиболее важно внутривосточное единство крупных центральноазиатских государств, в частности – Узбекистана, и особенно Казахстана. Украина, Молдавия и Грузия тяготеют к ЕС, а среднеазиатские государства движутся в сторону мусульманского мира. Армения и Белоруссия, Азербайджан и Казахстан, а также сама Россия находятся где-то посередине. Россия – евро-тихоокеанская страна, Казахстан, подобно Турции, – евразийская.

Тренин отмечает, что в сущности страны постсоветской Центральной Азии следовали по тому же пути экономических реформ, что и Россия, Украина и другие государства СНГ. Они провели приватизацию экономики, создали рыночные механизмы и диверсифицировали экономические связи. В то же время их народное хозяйство пережило примитивизацию, деиндустриализацию и непропорциональное увеличение энергетического сектора. Наиболее успешно реформы осуществил Казахстан, Узбекистану удалось во многом смягчить экономический шок от распада СССР, а Туркмения получает прибыль за счет своих природных богатств. Однако у Киргизии и Таджикистана дела идут гораздо хуже.

Ученый заключает, что Москва с удивлением обнаружила, что иметь дело с протодемократическими плюралистическими режимами в Киеве, Кишиневе и даже в Тбилиси проще, чем с авторитарными правительствами, пусть и формально союзниками России, такими как Минск. Во всех других странах бывшего СССР власть носит авторитарный характер, хотя степень этого авторитаризма варьируется от сравнительно мягких форм в Армении, Азербайджане, Казахстане, Киргизии и Таджикистане до более жестких в Белоруссии и Узбекистане. Туркмения выделяется на общем фоне, представляя собой полтоталитарное государство.

Таким образом, заключает автор, Российская Федерация – не империя ни по конституции, ни по внешнеполитическим устремлениям. Во внутренней политике имеет место «неоцарский» режим, а на международной арене она хочет оставаться великой державой. Стремления к повторному захвату или реинтеграции утраченных земель у России нет. Новые независимые государства доказали свою жизнеспособность. Везде своим чередом идет государственное строительство, формируется национальная идентичность. В экономическом плане все постсоветские республики представляют собой развивающиеся страны с низкими или средними доходами населения, все они вошли в состав глобального рынка – в основном как поставщики энергоносителей и другого сырья или сельскохозяйственной продукции. Однако различия в политическом строе не приводят к резкому размежеванию между относительными «демократами» и твердыми «авторитаристами». Никакого авторитарного интернационала во главе с Москвой не существует. Куда более важными движущими силами политического процесса стали клановые интересы, маскируемые под национальные, а образ действий диктуется прагматизмом.

Автор уверен, что Москва стремится возглавить и контролировать любые интеграционные процессы на пространстве СНГ независимо от их продуктивности. Россия, в частности, с крайней подозрительностью отнеслась к попытке нескольких стран Содружества создать собственную экономическую организацию без ее участия.

Для нас, по понятным причинам, наибольший интерес представляет оценка автором политики России в отношении Центрально-Азиатского региона. Д. Тренин начинает с утверждения, что пять центральноазиатских республик не отделялись от СССР: это Союз, распавшись, бросил их на произвол судьбы. К чести этой пятерки следует отметить, что она успешно пережила «свободное плавание». Новые независимые государства постепенно научились обходиться без Москвы, самостоятельно решать свои дела как во внутренней, так и во внешней политике. С 1991 года Россия в этом регионе медленно отстывает. Россия, однако, продолжала причислять Центральную Азию к своей орбите.

Практически все риски и потенциальные угрозы в сфере безопасности в Центральной Азии имеют региональное происхождение. Основные интересы России в регионе по-прежнему связаны со стабильностью в Казахстане. Внутривосточная нестабильность – не единственная проблема в сфере безопасности, тревожащая Россию в Центральной Азии. Еще один повод для беспокойства – напряженность между странами региона, особенно между Узбекистаном и всеми четырьмя его постсоветскими соседями.

Оценка положения дел в этой области у Тренина выглядит так: российские аналитики не могут с уверенностью спрогнозировать шаги Узбекистана в случае возникновения какой-либо серьезной ситуации в регионе или его реакцию на действия Москвы. Популярный в 1990-х сценарий, согласно которому талибы способны развернуть наступление вплоть до Волги, сегодня полностью утратил актуальность. Если они пересекут границу, военным структурам

ОДКБ и войскам центральноазиатских государств по силам отразить нападение. Куда труднее, однако, будет остановить инсургентов-исламистов, если те объединят силы с единомышленниками из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Однако с массовым восстанием в Ферганской долине Россия и ее союзник Казахстан справиться не смогут. Максимум, на что они способны в случае развития событий по наихудшему сценарию, – остановить волну беспорядков у южной границы Казахстана. Эта граница сегодня представляет собой южный стратегический рубеж Российской Федерации.

Кроме того, продолжает автор, Москву все больше беспокоит превращение региона в перевалочный пункт транспортировки афганских наркотиков, которые затем попадают в Россию и становятся причиной гибели все большего количества молодых людей. Что же касается Центральной Азии, то 1990-е годы стали для нее лишь «подготовительным классом» в мире большой международной политики. В октябре 2001 года Центральная Азия превратилась в прифронтный регион в войне с терроризмом.

Исследователь ставит вопрос об отношениях между НАТО и возглавляемой Россией ОДКБ. Москва уже давно, но безуспешно призывает к установлению официальных контактов между двумя организациями. Полуофициальное объяснение НАТО состоит в недемократическом характере некоторых членов ШОС (обычно в этом контексте упоминается Белоруссия), но подлинная причина, скорее всего, связана с нежеланием Запада узаконивать военно-политическую гегемонию России на постсоветском пространстве.

Со времен распада СССР, пишет автор, многие наблюдатели рассматривают Центральную Азию как арену для нового варианта «Большой игры». На деле же на бывших советских «задворках» развернулась конкурентная борьба со многими участниками. Среди торговых партнеров центральноазиатских стран Китай занимает второе место – его опережает только Россия. При этом соотношение сил смещается в пользу Пекина, и Россия не оставляет этот факт без внимания, хотя и не выражает озабоченность публично. Примечательно, что Москва куда терпимее относится к проникновению Китая в регион, чем к роли США в Центральной Азии. Похоже, она понимает, что региональным державам (Китаю или Турции, например) необходимо иметь некоторое влияние в соседних странах, но категорически отказывается признавать за США или НАТО любую глобальную роль. Россию вполне устраивает формат ШОС.

Таким образом, заключает Д. Тренин, конкуренция налицо, но аналогии с «Большой игрой» неуместны. Будущее Центральной Азии определит не «спарринг» между Москвой и Вашингтоном и даже не «забег» с Пекином в качестве третьего участника. Оно решается в Астане, Ташкенте и столицах других стран региона. Ни одна из этих столиц не видит себя сателлитом Москвы. В то же время центральноазиатские лидеры не желают всецело доверить заботу о безопасности своих стран Соединенным Штатам. Что же касается Китая, то страны региона рады видеть его в качестве торгового партнера, инвестора и

кредитора, но опасаются могущества Пекина и его превращения в потенциального регионального гегемона.

Автор приходит к выводу, что в результате у центральноазиатских государств сформировалась многовекторная внешняя политика, возводящая маневрирование между основными центрами влияния – Евросоюзом, Турцией, Ираном, Пакистаном, Индией, Японией и др. – в ранг стратегии. Кроме того, две наиболее крупные страны Центральной Азии – Узбекистан и Казахстан борются за место регионального лидера. Три их малых соседа не могут позволить себе игнорировать амбиции Ташкента и Астаны.

Д. Тренин делает вывод, что в этих условиях России необходимо проводить в Центральной Азии дифференцированную политику, отвечающую ее собственным конкретным интересам. «Ностальгический» курс, нацеленный на сохранение региона в сфере влияния Москвы, обречен на провал. Кроме того, России следует задействовать потенциал мягкого влияния, чтобы повысить свою привлекательность в глазах народов Центральной Азии. Просвещенные национальные интересы России требуют стабильности и процветания в регионе, непосредственно прилегающем к ее территории. Кроме того, Центральная Азия – зона прямого схождения и пересечения интересов Москвы и Пекина.

Не может автор обойти вниманием проблему положения русскоязычного населения в регионе. В Центральной Азии русских, по сути, не допускают в политику и крупный бизнес, связанный с государством, но свободные профессии, наука и спорт для них открыты. Откровенным гонениям граждане русской национальности не подвергаются – разве что в случае гражданских войн и локальных конфликтов, но реальной перспективы достичь высот у них нет. Отчасти за сложившуюся ситуацию несут ответственность и сами русские. Они печально известны своим нежеланием учить языки тех стран, в которых живут, погружаться в местную культуру, знакомиться с историей, принимать новую идентичность и ассимилироваться.

Не могут они и объединиться, самоорганизоваться, требовать, чтобы их интересы были достойно представлены, решительно апеллировать к поддержке Москвы и т. д. Они оказались меж двух огней, представляют собой чисто этническую, а не политическую группу и в то же время не участвуют в построении новой нации.

В Казахстане межэтническая напряженность, достаточно острая до середины 1990-х годов, сошла на нет из-за придания русскому языку статуса второго государственного и улучшения экономической ситуации. В роли гаранта межнационального мира выступил сам президент Нурсултан Назарбаев. Стремясь консолидировать новое государство, он сделал искусный ход: перенес столицу на север страны, ближе к границе с Россией и городам, населенным русскими. Казахи, доля которых в составе населения увеличилась с 40 процентов с небольшим в момент обретения независимости до сегодняшних 63 процентов, чувствуют себя более уверенно. Русские же, судя по всему, смирились с положением национального меньшинства и сопутствующими ему ограничениями.

Из своего обзора концепций и практики России в сфере геополитики и безопасности Д. Тренин делает ряд важных выводов. Россия отказалась от традиционной модели территориального расширения. Возникновение всех новых независимых государств воспринимается российским руководством как геополитическая реальность. Москва больше не рассматривает постсоветское пространство как единое целое. Она не проводит единую политику в рамках СНГ и даже внутри отдельных его регионов. В Кремле традиционное и отчасти идеологизированное имперское мышление сменилось прагматичным великодержавным менталитетом. Путинский вариант «постимперства» отличается от ельцинского, но направление движения то же – в сторону от империи.

Он заключает, что российское руководство определилось со своими интересами в новых регионах Восточной Европы, на Кавказе и в Центральной Азии. Эти интересы не равносильны гегемонии, но требуют уважения к потребностям России в области безопасности (в их понимании Кремлем) и говорят о стремлении Москвы к преобладающей роли в сферах экономики и культуры. Россия осознает, что вдоль всех ее границ формируются мощные и динамичные центры силы: ЕС, Китай, Турция, Иран, Индия. Она уже не может рассчитывать на важную геополитическую роль в Европе, ныне объединенной, или в Азии. Однако от прошлого российский истеблишмент унаследовал страх перед нападением американцев.

Характеризуя представления о внешнем мире и месте в нем России современного кремлевского руководства, Тренин пишет, что целью Путина было сделать правящий режим независимым как от внешнего давления, так и от иностранной помощи, а также поставить его на прочный фундамент согласия народа, построенный за счет эффективных манипуляционных политических шагов. В восприятии российского руководства, мыслящего категориями Realpolitik, мир состоит из нескольких подлинно суверенных великих держав – США, не имеющих себе равных, Китая, а теперь снова (после перерыва в 1990-х) России – и их «сфер влияния».

Российские лидеры и их советники убеждены: в самой природе международных отношений заложена конкурентная борьба великих держав за эти сферы, позволяющая им расширять зоны влияния и утверждать свой авторитет. Москва выступила против «однополярного мира» и «нового международного порядка», установленного США после окончания «холодной войны». Сама Россия считает свою политику чисто оборонительной и пытается вернуть себе мягкое преобладание – но не «права владения» – на бывшем советском (имперском) пространстве.

При этом автор констатирует, что Россия не желает мириться с ролью «средней» державы, актора регионального масштаба. Она видит себя игроком мировой «вышей лиги». Россия стремится к членству в различных, частично дублирующих друг друга структурах: «домашних» постимперских клубах, где она по определению доминирует (в рамках СНГ), эксклюзивных западных/глобальных клубов, эксклюзивных незападных глобальных клубов (например,

в группе БРИК), региональных клубах без участия Запада (вроде Шанхайской организации сотрудничества). Как страна, расположенная в Европе и Азии одновременно, Россия стремится зафиксировать свое присутствие в широких объединениях. Однако она с меньшим интересом относится к неэксклюзивным организациям, где никто из десятков участников не обладает правом вето.

Пытаясь рассмотреть дальнейшую перспективу отношений России с другими постсоветскими государствами, Д. Тренин отмечает, что столкнувшись с постепенным ослаблением на просторах бывшей империи позиций русского языка, а также политического и культурного влияния России, Москва предприняла ряд шагов. Если в прошлом Москва основывалась на убедительности аргументов и угрозах, то теперь она стремится «купить» себе поддержку. Российская массовая и высокая культура сравнительно популярна в новых независимых республиках и без государственной поддержки. Тем не менее члены новых элит предпочитают отправлять своих детей учиться не в Россию, а на Запад. Ориентация на Россию и психологическая зависимость от нее постепенно уходят в прошлое.

Автор неравнодушно заключает: возможно, это последний акт распада империи. Ослабление роли русского языка в новых государствах означает, что люди перестают идентифицировать себя с самой сильной стороной России – не с ее оружием, а с ее культурой. В самой России этот процесс идет еще быстрее. Центральную Азию и Кавказ – в том числе Северный – большинство простых россиян уже воспринимают как «чужие земли». То же относится к Молдавии, а Прибалтика, как теперь кажется, всегда была «заграницей». Адаптация к этой ситуации по образцу Британии, Франции и не столь крупных постимперских держав, которые по сути смирились с лидерством США, для Москвы по-прежнему неприемлема. Российское руководство жаждет быть с Вашингтоном на равных. России необходимо быть помягче с соседями и делиться с ними богатствами – необязательно только материальными, – которыми она по-прежнему обладает. Россия больше никогда не будет империей. Однако чтобы в XXI веке ее считали великой державой, она должна стать великой страной – прежде всего для собственных граждан.

Вердикт, вынесенный ученым, суров, но объективен: Российской империи больше не будет – никогда. Проект, длившийся несколько столетий, попросту утратил импульс. Имперский порыв сошел на нет. Сегодня, через двадцать лет после крушения империи, ее восстановление не рассматривается всерьез политическими лидерами, да и простые люди этого не желают. Но хотя Россия и стала постимперской страной, империя еще не полностью изгладилась в памяти ее элит. Позитивный момент здесь, однако, заключается в том, что эти элиты совершенно не готовы тратить имеющиеся у них ограниченные ресурсы в погоне за ностальгическими химерами.

Автор видит причины этого в том, что Россия, пусть неравномерно, но движется к модерну. Ее нынешняя модернизация сверху во многом мотивирована озабоченностью Кремля относительно роли страны на мировой арене. Модер-

низация, требующая всесторонней либерализации, а в конечном счете и построения подлинной демократии, ставит российское государство и общество перед серьезными вызовами. Окажутся ли они на высоте этих вызовов, неясно.

Как считает Тренин, Россия отвергла коммунизм и отеклась от своей исторической империи. Эти два акта самоосвобождения нельзя игнорировать или принижать их значение. Однако Российская Федерация все еще ищет для себя новую роль и место в мире. Пока она занимает не слишком уютное положение на периферии богатой Европы и динамичной Азии и к тому же не без опасений соприкасается локтями с мусульманским миром. Однако новообретенное освобождение от геополитического бремени в Европе и Азии позволяет России сосредоточиться на самой себе, – воспользоваться модернизационным ресурсом передовых стран, то есть членом Организации экономического сотрудничества и развития. России следует заключить с ними модернизационные союзы, получая тем самым доступ к новым технологиям, инвестициям, помощь в осуществлении инновационных проектов и т. д. Такими союзниками должны стать страны ЕС – для начала Германия, Франция и Италия, – а также Соединенные Штаты. Итак, Запад снова стал союзником России, – констатирует Тренин.

Свой вывод автор подкрепляет фактами: в новой внешнеполитической концепции Москвы приоритет отдается отношениям с развитыми странами. К счастью, ЕС, Япония и США – соседи России, что она может использовать для развития прилегающих к этим общим границам регионов от Калининградской области и Кольского полуострова до Камчатки и Курильских островов. Из-за близости к Европе и европейским корням России ЕС – ее важнейший партнер в деле модернизации.

Долгосрочная цель России должна заключаться не в присоединении к Евросоюзу, а в создании совместно с ним общеевропейского экономического пространства. Когда Россия в конце концов вступит в ВТО, перспектива формирования панъевропейской зоны свободной торговли – с участием Турции, Украины, Казахстана, Белоруссии, кавказских и других стран – станет реальной. Основной материальной базой для такого общего пространства могли бы стать энергоносители.

По его мнению, Россия – не столько евразийская страна (этому определению больше соответствуют Турция и Казахстан), сколько евро-тихоокеанская. Ее территория охватывает все тихоокеанское побережье от Чукотки до Сахалина. США – ее непосредственный сосед с востока, а поблизости лежит Канада. Сочетать свою европейскую и тихоокеанскую ипостаси России будет непросто, здесь многое определит ее способность найти нужный формат отношений с крупнейшим соседом на суше – Китаем. Чтобы не стать придатком к китайской экономике и «полуассалом» Пекина в политике, России необходимо уделять куда больше внимания собственным дальневосточным территориям. Москве придется осуществить двойную интеграцию: интеграцию Тихоокеанской России в состав Российской Федерации и интеграцию всей страны с Азиатско-Тихоокеанским регионом.

В заключение автор прогнозирует, что в принципе превращение России в современный самостоятельный центр силы – дело вполне реальное, если, конечно, стране удастся решить задачу интеграции. Однако притяжение этого центра силы будет сравнительно слабым, а охват – небольшим. Восстановить российскую империю такой, какой она была в зените могущества, невозможно даже в неформальном виде. Первым приоритетом Москвы должно стать укрепление экономического, интеллектуального и социального потенциала России. Центральное место в российской внешней политике должно занимать «мягкое влияние». В постсоветском мире Россия обладает ценными и практически неиспользуемыми элементами такого влияния – по-русски говорят на всем пространстве от Риги до Алма-Аты.

У России нет иного выбора, кроме формирования стабильности в Центральной Азии – иначе она станет источником напряженности во всем регионе. Тесно сотрудничая с Казахстаном, она может превратить ОДКБ в более эффективный инструмент предотвращения, обуздания и урегулирования конфликтов. Центральное место во внешнеполитическом курсе России на ее протяженном южном фланге должно занимать ослабление религиозного экстремизма и укрепление умеренных сил. России необходим и потенциал «жесткой силы», но он должен быть ориентирован на решение проблем настоящего, а не прошлого. Стране нужна хорошо обученная и оснащенная армия, чтобы справляться с кризисами на ее протяженных границах.

Д. Тренин делает окончательный вывод, который заключается в том, что обрести новую роль после пятисот лет имперского существования, семидесяти лет идеологической борьбы и сорока лет участия в холодной войне в качестве военной сверхдержавы будет непросто. Возрождение постсоветской России опровергло прогнозы о ее необратимом упадке. Россия не присоединится к Западу официально, как это сделали ее бывшие сателлиты и, возможно, сделают бывшие окраины, – да ей это и не нужно. Но по мере того как в результате внутренних преобразований она будет становиться более современной страной – и соответствующим образом скорректирует свою внешнюю политику – Россия может превратиться на международной арене в серьезного, привлекательного и незаменимого партнера, а также изобретательного игрока.

Итак, перед нами фундаментальный, хотя и неоднозначный труд, посвященный широкому комплексу проблем, связанных с анализом результатов двадцатилетнего периода постсоветского развития России и не только ее. Не со всеми выводами автора можно и нужно соглашаться. Это относится в первую очередь к той легкости, с какой автор обошел многие неудобные сюжеты, напрямую связанные с процессом распада Советского Союза. Для Д. Тренина (пусть с оговорками) это несомненное благо, покончившее с давней имперской традицией России. Однако он не делает даже попытки оценить с моральной точки зрения те дикости, которые сопровождали этот процесс – разграбление государственной собственности, уничтожение советского среднего класса, формирование аморальной и недальновидной буржуазии, которую автор

именует «элитой», повсеместный рост дикого национализма и религиозного мракобесия.

Понятно, что речь идет не только о России, но обо всем постсоветском пространстве. Мы упомянули о моральной оценке в связи с тем, что автор прибегает к ней, оценивая советский опыт и эпоху социализма. Что касается геополитики и сферы международных отношений, то и здесь автор прибегает к двойным стандартам, видя во внешней политике России (которая представляется ему чередой неудач) или недалёковидные ошибки, или злой умысел.

Тем не менее это, без сомнения, глубокий и оригинальный труд, без знакомства с которым не только невозможно понять суть и механизмы событий 1991–2000-х годов, но и получить представление о том, куда движется «постимперская» Россия и все постсоветское пространство.

Мурат Лаумулин

Алма Султангалиева. «Возвращение ислама» в Казахстан. Фонд «Алтынбека Сарсенбайулы». – Алматы, 2012. – 170 с.

В Казахстане в целом издается крайне мало книг по общественно-политической тематике. Буквально единицы из них отвечают требованиям качества научного издания и одновременно актуальности рассматриваемой темы. В этом смысле большой интерес представляет новая книга известного ученого Алматы Султангалиевой «Возвращение ислама» в Казахстан.

Данная работа интересна тем, что поднимает одну из самых злободневных для современного Казахстана тем. Без сомнения, для казахстанского общества крайне важно понимать процессы, которые сегодня происходят в исламе. Это необходимо не только с точки зрения общественной реакции на появление новых для Казахстана вызовов, угрозу террористической активности со стороны джихадистов и присутствие идеологии салафитских движений. Более важно то, что Казахстан после восьмидесяти лет жизни в атеистическом государстве постепенно становится составной частью исламского мира и нам просто необходимо знать, как проявят себя в наших условиях те тенденции, которые типичны для других мусульманских государств.

А. Султангалиева – один из наиболее компетентных специалистов в области ислама в Казахстане. До сих пор не потеряла актуальности изданная ограниченным тиражом в 1998 году в Казахстанском институте стратегических исследований ее первая книга «Ислам в Казахстане». Характерно, что в Казахстане с тех пор больше не было издано монографических работ по исламской проблематике.

Книга «Возвращение ислама» в Казахстан» восполняет этот пробел. Стоит отметить несомненную заслугу Фонда имени Алтынбека Сарсенбаева, который профинансировал работу автора и издание книги. Еще ранее, в 2011 году, данный Фонд поддержал другую работу А. Султангалиевой «Город». Это исследование социальных процессов в казахстанском городе также стало редким примером появления монографической работы по данной проблематике на казахстанском рынке.

Стоит отметить, что такая модель, когда общественная организация финансирует работу автора по написанию книги и ее последующее издание и продвижение на рынок является следствием западного влияния. Во всем мире типичная грантовая система является важным источником развития интеллек-

туальной среды и появления исследований. Конечно, у нас это еще далеко не гранты, но все-таки появляется определенная тенденция, и это не может не радовать. Кроме Фонда Алтынбека Сарсенбаева в Казахстане можно назвать еще Фонд «Аспандау», который профинансировал очень интересную работу историка Радика Темиргалиева «Ак-Орда» и последующее ее издание.

А. Султангалиева ставит вопрос о «возвращении ислама», и это оправданно с той точки зрения, что советский период в исторической ретроспективе, несомненно, был эпизодом в истории ислама в нашем регионе. Однако эпизодом весьма важным по тому воздействию, которое он оказал на традиционную жизнь народов региона и казахов в том числе. Поэтому «возвращение ислама» представляет собой очень сложный и неоднозначно оцениваемый процесс.

Автор указывает, что многие проблемы в современном восприятии ислама имеют место именно в связи с тем, что в советский период исламская традиция прервалась, количество людей, знакомых с исламской литературой сократилось до минимума. При этом сама традиция осталась, но ее развитие остановилось. И поэтому сегодня современное понимание ислама в мире со всеми его накопившимися противоречиями между модернистами и традиционалистами вступают в конфликт с так называемым «народным исламом», который доминирует среди народов бывшей советской Азии.

Автор подробно рассматривает особенности практики применения и понимания ислама в Казахстане. Она отмечает его характерные черты, связанные с эклектикой знаний о религии, как у самих священнослужителей, так и у представителей государства. Очень интересно наблюдение автора, каким образом социальная дифференциация общества влияет на распространение исламской традиции. С одной стороны, фактор быстрого обогащения части элиты приводит к потребности в некоей «духовной индульгенции», отсюда, к примеру, потребность в строительстве мечетей. С другой стороны, обнищание ведет социально уязвимые слои общества к идее справедливости и равенства, которую они ищут в исламе (стр. 69–71).

Стоит выделить также главу в книге А. Султангалиевой, посвященную феномену так называемых «новых мусульман» (стр. 92–93). По ее словам, «в Казахстане (как и в других постсоветских республиках) возврат к исламу принял неофитскую форму». «Новые мусульмане» из казахской этнической среды подчеркнута ориентируются на нормативный ислам и внешние символы религиозности, они осуждают типичный для казахов «народный ислам» с его элементами суфийской практики поклонения святым местам. Возможно, что данная глава монографии А. Султангалиевой явно нуждается в расширении. Она только обозначила проблему, но вопрос отношений между новой для Казахстана группой «новых мусульман» и местными традициями, густо замешанными на суфийской основе, является наиболее интересным для понимания процессов внутри местного исламского сообщества.

Отдельно автор выделяет проблемы «официального ислама» (с. 113–116), с его нехваткой мулл, с низким качеством обучения. Хотя другой стороной про-

блемы является обучение мулл во внешнем мусульманском мире, в частности в арабских странах. Потому что это также ведет к усилению конфликта в Казахстане между «народным исламом» и получившими, условно говоря, «классическое» исламское образование муллами.

В связи с этим возникают серьезные внутренние противоречия в среде Духовного управления мусульман Казахстана. С одной стороны, здесь апеллируют к народным традициям, а следовательно, к «народному исламу», с другой – осуждают отдельные его проявления. Например, показателен приведенный автором пример ответов одного из священнослужителей центральной мечети Алматы на вопросы верующих. Последний называет «великим грехом» поездку в Туркестан с обращением с просьбами к усопшим, «даже если они аулие (святые)» (стр. 129). Понятно, что речь в данном случае идет о суфийском пире Ходже Ахмете Яссауи, мавзолее которого находится в Туркестане.

Большое внимание автор уделяет анализу деятельности различных исламских организаций, в том числе радикального толка. Автор также ставит вопрос о феномене политического ислама для Казахстана.

В целом работа автора – несомненно, значительный вклад в развитие казахстанского интеллектуального пространства. Хотя стоит отметить, что отдельные острые темы автором только обозначены, некоторые из них сами могут стать объектами самостоятельных исследований. Например, среди таких тем наблюдение автора о том, что «ислам занял свою нишу в обществе как религиозная идеология, отдаляясь от связи с этничностью». Это очень важный фактор с учетом развития в Казахстане сразу двух процессов – сближения с исламским миром и роста национал-патриотических настроений. Естественно, что это может создать в будущем весьма неоднозначную ситуацию. Но эти темы еще ждут своего исследователя.

Остается пожелать Алме Султангалиевой продолжения ее плодотворной работы.

Султан Акимбеков

- Султан Магруппович Акимбеков* – директор Института мировой экономики и политики (ИМЭП) при Фонде Первого Президента Республики Казахстан – Лидера нации, к.и.н.
- Константин Львович Сыроежкин* – главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, д.п.н., профессор
- Аскар Куандыкулы Нуриа* – координатор проектов по внешней политике ИМЭП, к.и.н.
- Андрей Евгеньевич Чеботарев* – директор центра актуальных исследований «Альтернатива», к.п.н.
- Мурат Турарович Лаумулин* – главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, д.п.н.
- Евгений Александрович Пастухов* – эксперт Института мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента Республики Казахстан – Лидера нации
- Ерлан Нурланович Искаков* – старший координатор грантов Центрального офиса по науке Назарбаев-Университета, магистр государственной политики (Университет Дж. Вашингтона, США)
- Алма Кадыргалиевна Султангалиева* – ведущий эксперт Института мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента Республики Казахстан – Лидера нации, к.и.н.

- Sultan M. Akimbekov* – Director of the Institute of World Economy and Politics (IWEP) under the Foundation of the First President of the Republic of Kazakhstan, Cand. Hist.Sc.
- Constantine L. Syroezhkin* – Chief Researcher, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, Dr.Hist., Professor
- Askar K. Nursha* – Project Coordinator for Foreign Policy. Institute of World Economy and Politics (IWEP) under the Foundation of the First President of the Republic of Kazakhstan, Cand. Hist.Sc.
- Andrey E. Chebotarev* – Director of the Center for Current Research «Alternativa», Cand. Hist. Sc.
- Murat T. Laumulin* – Chief Researcher, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, Dr. Hist.Sc.
- Evgeny A. Pastukhov* – Expert, Institute of World Economy and Politics (IWEP) under the Foundation of the First President of the Republic of Kazakhstan
- Erlan N. Iskakov* – M.P.P. (George Washington University, USA) Senior Grants Coordinator, the Central Research Office, Nazarbayev University
- Alma K. Sultangalieva* – Chief Expert, Institute of World Economy and Politics (IWEP) under the Foundation of the First President of the Republic of Kazakhstan, Cand. Hist. Sc.

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ПОЛИТИКИ
ПРИ ФОНДЕ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Институт мировой экономики и политики (ИМЭП) при Фонде Первого Президента Республики Казахстан создан в 2003 году.

Деятельность ИМЭП направлена на научные исследования проблем мировой экономики, международных отношений, геополитики, безопасности, интеграции и евразийства, а также на изучение деятельности Первого Президента Республики Казахстан и его вклада в создание и укрепление Казахстана как независимого государства, в развитие международного сотрудничества и содействие миру и стабильности.

ИМЭП сочетает в своей деятельности независимый характер исследований с активным участием в общественной дискуссии и системной вовлеченностью в реальные процессы трансформации в Казахстане. Независимый общественный статус института способствует его участию в выявлении и выражении национальных интересов страны.

ИМЭП осуществляет исследовательскую деятельность по следующим основным направлениям:

- глобальные проблемы современности и их влияние на Казахстан и другие страны СНГ;
- анализ и прогнозирование мировой экономической динамики и социально-политических процессов;
- изучение проблем международной, региональной и национальной безопасности;
- исследование политических, экономических, социальных и правовых проблем в Казахстане, его положения в мировом сообществе;
- экономические, политические и социальные процессы в государствах Центральной Азии, в России, Китае, США, ЕС, Японии, других странах;
- международно-политические исследования;
- международные сопоставления.

Другими направлениями деятельности ИМЭП являются:

- распространение объективной и достоверной информации о Республике Казахстан в стране и за рубежом;
- публикация результатов теоретических и прикладных научных исследований, научных журналов, периодических изданий, мониторингов;
- проведение конференций, семинаров, общественных дискуссий;
- осуществление международных научных проектов;
- международные контакты и сотрудничество с ведущими научными и аналитическими учреждениями в ближнем и дальнем зарубежье;
- содействие международному сотрудничеству, миру и стабильности.

THE INSTITUTE FOR WORLD ECONOMY AND POLITICS
AT THE FIRST PRESIDENT OF THE
REPUBLIC OF KAZAKHSTAN FOUNDATION

The Institute for World Economy and Politics (IWEP) at the First President of the Republic of Kazakhstan Foundation is a scientific research institute that addresses global economic and political issues. The IWEP was founded in 2003. It has a status of a public foundation.

The aim of the IWEP is to optimize knowledge of the modern global economic and political processes and prepare practical recommendations to develop economic and foreign policy of the Republic of Kazakhstan.

In its activities, the IWEP combines an independent research character with an active participation in public discussion and with its involvement in real processes of transformation in Kazakhstan. The independent public status of the Institute supports its participation in revealing and expressing national interests of our country.

The institute conducts research in the following main areas:

- contemporary global problems and their influence on Kazakhstan and other CIS countries;
- analysis and forecasts of the world economic dynamics and socio-political challenges;
- international, regional and national security issues;
- political, economic, social and legal problems of Kazakhstan, its place in the global community;
- economic, political and social processes in Central Asia, Russia, China, the US, EU, Japan and other countries;
- international political research;
- international comparisons.

Other fields of the IWEP activities include:

- distribution of objective and valid information about the Republic of Kazakhstan in the country and abroad;
- publication of results of theoretical and practical research, scientific journals, periodicals, monitoring;
- organization of conferences, seminars, public discussions;
- undertaking international research projects;
- international contacts and cooperation with leading research and analytical organizations in the world;
- contribution to international cooperation, peace and stability.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ

1. Тексты статей должны быть переданы в редакцию в электронном виде.
2. Статьи должны быть набраны шрифтом Times New Roman, 14 кегль, с одинарным интервалом.
3. Допустимый объем статьи – от 10 до 16 страниц.
4. Статья должна сопровождаться резюме на русском и английском языках объемом от 1500 до 200 символов (с пробелами).
5. Сноски оформляются в квадратных скобках, список использованных источников выносится в конец публикации.
6. В конце статьи указываются Ф.И.О., должность автора и контактные данные.
7. Статьи принимаются на русском и английском языках. Тексты статей не рецензируются; ответственность за содержание несет автор статьи.
8. Редакция оставляет за собой право публикации или отклонения статьи.

Согласно приказам Коллегии Комитета по контролю в сфере образования и науки Министерства образования и науки Республики Казахстан № 572 от 25.05.2008 и № 692 от 02.06.2008 журнал «Казахстан в глобальных процессах» включен в Перечень изданий для публикации основных научных результатов диссертаций по разделам «08.00.00 – Экономические науки» и «23.00.00 – Политические науки» соответственно.

Страница журнала на сайте Института мировой экономики и политики:
<http://iwep.kz/index.php?newsid=37>

КАЗАХСТАН В ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ

Научное издание

№ 1 (35), 2013

Выходит ежеквартально с сентября 2004 года

Учредитель

Институт мировой экономики и политики
(ИМЭП) при Фонде Первого Президента
Республики Казахстан – Лидера нации

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

С. М. Акимбеков

Исполнительный редактор:

О. А. Рахматулин

Члены редакционной коллегии:

А. М. Амребаев, К. А. Джангабаева,
А. К. Нурша, О. А. Рахматулин

Корректор:

Н. А. Ткаченко

Верстка:

Е. Э. Щекина

Адрес:
Республика Казахстан
050059, г. Алматы, ул. Махатмы Ганди, 10
Тел.: +7 (727) 2700-480. Факс +7 (727) 2700-513.
E-mail: office@iwep.kz
<http://www.iwep.kz>

Журнал зарегистрирован Министерством информации
Республики Казахстан 14 июня 2004 г.
Свидетельство о постановке на учет СМИ №5128-Ж.
При перепечатке, микрофильмировании и других формах копирования ссылка на журнал обязательна.
Мнение редсовета журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.
Отпечатано ТОО «Leader Offset Printing», г. Алматы, пр. Райымбека, 212а.
Тираж 500 экз.